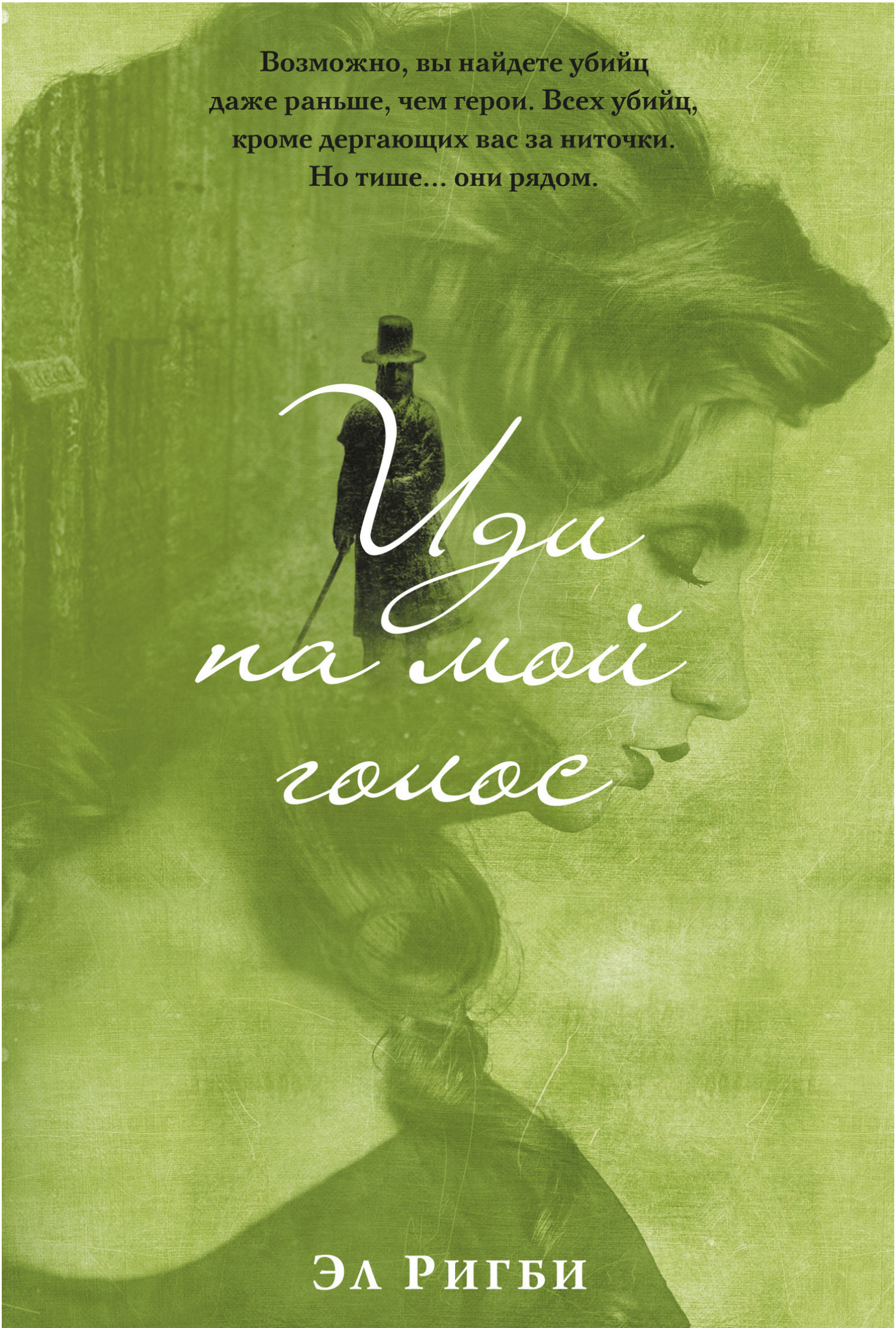
Возможно, вы найдете убийц
даже раньше, чем герои. Всех убийц,
кроме дергающих вас за ниточки.
Но тише... они рядом.



Иди на мой голос

Эл Ригби

#YoungDetective

Эл Ригби

Иди на мой голос

«АСТ»
2012

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

Ригби Э.

Иди на мой голос / Э. Ригби — «АСТ»,
2012 — (#YoungDetective)

ISBN 978-5-17-110818-2

Бал правит Леди – и Смерть идет рука об руку с ней. Лондон потрясают преступления, ставящие Скотланд-Ярд в тупик, а в колониальной Индии вспыхивают бунты, которые Крылатая Империя не может погасить.Преступница прячет лицо и не оставляет улик, а только кровь и… старые ноты. И, даже объединив силы с частными детективами, полиция не может ее настичь.Но кто-то все это время ведет свою игру. Спасает офицера в Агре, загадывает сыщикам загадки, сам дает подсказки, – но не выходит из тени. Он ищет Ее. Их связывают старая легенда и город-призрак, где случилась первая смерть. Пора делать ставки, что будет, когда Он выйдет на Ее след.«Иди на мой голос» Эл Ригби – детектив, лишь притворяющийся детективом. Возможно, вы найдете убийц даже раньше, чем герои. Всех убийц, кроме дергающих вас за ниточки. Но тише… они рядом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-110818-2

© Ригби Э., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Увертюра первая. Увертюра смерти (Апрель 1882 года, Блэмфилд) 6
Увертюра вторая. Увертюра пламени и снега (Январь 1891 года, Вена) 8
Интродукция. Незнакомец (Июнь 1890 года, Индия) 11
Действие первое. Рапунцель, сбрось свои волосы (Конец января 1891 года, Лондон) 13
День первый. Падальщик 13
День второй. Краски и ягоды 29
День третий. Явление тигров 69
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Эл Ригби
Иди на мой голос

© Э. Ригби, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Выше, ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше
На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Вышина нужна орлам.

(Федор Сологуб. Баллада о высоком доме)

Увертюра первая. Увертюра смерти (Апрель 1882 года, Блэмфилд)

Всех девочек, даже дурнушек, украшают подвенечные наряды, и она в глухом белом платье тоже стала почти красивой. Ею, такой спокойной и недвижной, можно было любоваться, если только не смотреть на тонкие обнаженные руки.

Не помог даже похоронный грим: кожа, когда-то изуродованная пламенем, а теперь и реактивами, лопнула. На запястьях проступала обожженная плоть. Впрочем, мисс Лайт и так-то никогда не заботилась о нежности своей кожи. *Глупая, глупая девочка.*

Грим не спас и лицо, поэтому его закрыли кружевной вуалью. Зато локоны, стелясь по гробовой подкладке, вились маленькими змейками. Волосы великолепного медно-каштанового оттенка не потускнели даже сейчас. Их украсили бледно-желтыми нарциссами; ажурные, будто резные лепестки источали тяжелый аромат, разносимый ветром. В этом запахе было что-то от лакрицы. Лакрицы и Рождества, которое уже не наступит.

Фелисия умерла очень молодой, а для юности нет ничего таинственнее смерти. Почти каждая из столпившихся у гроба, шмыгавших на холоде носиками девушек-гимназисток невольно представляла, что было бы, если бы в разверстую могильную яму погружали сейчас ее. У одних мысли были полны ужаса, и ужас отражался на побледневших, осунувшихся лицах. Других переполняло праздное любопытство, что тоже не могло ускользнуть от стороннего взгляда. Как сидел бы погребальный наряд, какие были бы цветы и много ли, кто из товарок плакал бы, кто лишился бы чувств…

Лорре́йн Белл не думала ни о чем. Она избегала смотреть на закрытое лицо. Металась взглядом от оборок платья к нарциссам и другим, тоже украшавшим гроб цветам. Золотые лилии, сорт с музыкальным названием «Аллегро». Фелисия любила их, и их же, судя по мемуарам, любила знаменитая изобретательница Джильо́ла Аме́ри и… кто-то еще. Да, точно, Фелисия рассказывала, когда была жива. А может, это было в одной из десятков книг, которые они прочли вместе, заедая прочитанное конфетами и яблоками?..

– Лори. – Рука в бархатной перчатке легла на плечо. – Готова?

Мисс Белл закусила губу, слушая голос классной дамы. Руку на плечо ей клали только два человека – покойный отец и один старый ирландец, хозяин книжной лавки, о котором она не хотела вспоминать по многим причинам. Лорре́йн угрюмо дернулась и пробормотала:

– Да.

Ее выпустили.

– Тогда пора.

Шаг по заиндевевшей, будто кружевной траве. Еще шаг. Пастор удивленно глянул поверх книги: почему к яме идет чужая девушка? Где мать покойной? Отец? Жених?..

Нигде, преподобный. Нет их, была только я.

Хорошо, что никто не заставил ее – единственную подругу покойной – говорить речь. И хорошо, что тело вообще хоронили по обряду, а не *как подобает в таких случаях*. Впрочем, провинциальный Бог был добрее лондонского. Он понимал, сколько горя упало на плечи Фелисии Лайт, и мог простить ее выбор, упокоить мятежную душу. Лори в это верила. Она выдавила улыбку и бросила вниз мерзлую горсть земли.

– Спи, милая. Твоя музыка с тобой. Я буду тебя помнить.

Над Блумфилдом послышался низкий рев двигателя. Корабль, летевший с юго-востока, напоминал древний призрак – темное дерево, острые шпили мачт, белоснежные паруса-крылья. Королевский фрегат, не иначе. Такие здесь, в убогой дали, провожались особенно восхищенными взглядами. Девушки замерли с поднятыми головами, все до одной.

Корабль летел высоко. Никто не разглядел, как он называется. На самом деле, фамилий, выбитых золотыми буквами, было две, и вторая, итальянская, вряд ли сказала бы что-то юным, еще только начинающим жить англичанкам, получившим классическое пансионное образование. А вот Лоррейн она сказала бы о многом.

Увертюра вторая. Увертюра пламени и снега (Январь 1891 года, Вена)

Профессор Венской консерватории Фло́риан Каве́лли расчесывал пышные седеющие бакенбарды. Для него это – как и порция хорошего вина – стало частью ритуала, необходимого для продуктивной ночной работы и последующего крепкого сна.

У профессора было прекрасное настроение: с аукциона Императорского Общества Музыкантов и Меценатов он сегодня ушел не с пустыми руками. Вековой давности тетрадь, полная исчерканных записей, лежала перед ним на столе. Работа по расшифровке предстояла большая. Но загадки редко бывают легкими, не в том ли их прелесть?

Герр Кавелли удовлетворенно ухмыльнулся отражению в зеркале. Он вспомнил, как ловко выхватил дневник прямо из-под носа у щеголеватого английского джентльмена, совсем мальчишки, на котором даже непомерно дорогой сюртук висел мешком. Сколько ни набивал цену, лот уплыл, и поделом. На кой черт *такое* снобам-англичанам? То ли дело он, Кавелли… Заброшенный в Австро-Венгрию соотечественник того, чьей рукой заполнены потрепанные страницы, того, о ком ухитряются так много шептаться, доподлинно не зная ничего и потому пережевывая лишь глупости.

От сквозняка пламя свечи изменило форму, превратившись в спираль; Кавелли даже показалось, что силуэт напоминает скрипичный ключ. Он завороженно протянул руку, повел над переливающимся музыкальным знаком ладонью. Прекрасно. Жарко… больно… не оторваться. Сколько он себя помнил, огонь притягивал его взгляд. Подвижный, горячий, уничтожающий на пути все преграды – таким в юности хотел быть сам Кавелли. Повзрослев, он предпочел стать кем-то более скучным и статичным – профессором музыки. Осесть на одном месте и, уж конечно, никого не уничтожать, зачем?

Но одно глубоко засело в поседевшей голове – любовь к огню. Профессор работал при свечах, игнорируя газовые рожки. Не выбрасывал бумаги, предпочитая сжигать их в камине. Сжигать и смотреть, как они чернеют. Это завораживало и одновременно пугало: часто он ловил себя на желании сжечь что-то *другое*. Что-то, что будет гореть не пару мгновений, как бумага, а долго, как самая искренняя любовь и самая жгучая ненависть. И не оставит даже пепелища. Каждый раз, представляя себе это, Кавелли испытывал странное возбуждение. Весь его мир сужался до жаркого язычка пламени. Кто знает, может, однажды он просто не сможет противостоять дикому искушению. Но пока…

– Фло! – Капризный голосок выдернул из мыслей. – Иди сюда, солнышко, я соскучилась!

Не каждому в пятьдесят восемь лет удавалось жениться на таком ангеле, как Пэтти-Энн, да еще любить ее так страстно. И остальное должно было подождать.

– Иду, сладкая, – привычно отозвался он и покинул кабинет.

Три свечи одна за другой погасли. Ветер заполнил комнату.

«…Я вижу себя со стороны. Не призраком во мгле сна и не точным отражением в зеркале яви. Я знаю: это иллюзия, душа моя все еще заперта в оболочке. Возможно, так начинается болезнь. Да, наверняка я болен, и моя черная фигура на белом холме, фигура, на которую я смотрю собственными глазами, – первое приветствие сумасшествия. С сумасшествием я еще сойдусь в поединке, не устрашусь. Меня ничего больше не страшит. Может ли быть что-то страшнее?

„Убейте меня“.

Я закрываю глаза; это не помогает. На ресницы падает снег.

Я заточен в странные, ирреальные, какие-то картинные штрихи. Темные штрихи на фоне белесой пустоши. Рядом – голые деревья и лента обледенелого Дуная, но я высоко поднимаю голову. Забыл закутать горло, его царапает боль, а плащ полощется на ветру. Ветер не оставляет в покое волосы. Говорят, там прибавилось седины за последнее время. Что ж, может быть. Я устал. Скоро наконец отрежу их, как подобает. Я уже не юнец, можно признать. Увидел сорок одну весну, век бежит вперед и постепенно оставляет меня позади. Как быстро он бежит.

„Умоляю…“

Я смотрю вверх.

Дальше по течению большой город хохлится и прячется в бессчетные меховые воротники. Город только пробует дышать после вполне обычной, но в этом году небывало губительной эпидемии воспалительной лихорадки, или как медики зовут все эти симптомы, начинающиеся с простывания на ветру, а заканчивающиеся общей могилой на пять-шесть человек?

Смерть беспощадна и жадна, но сейчас отступила. Она уходит довольная, собрав большую жатву. В снопе почернелых колосьев один горит золотом. Я хотел бы вернуть его, но у колоска уже нет корня. Он срезан, а не вырван.

Смерть забрала его. Он, так же, как и многие наши несчастные сограждане, наспех закопан в общей могиле. Я видел: труп ужасно распух, в свете уже шепчутся о таинственном яде. Если бы только они слышали…

„Я не могу больше!“

Нет. Просто кричат птицы. Кричат птицы над головой, кое-что испугало их. Птицы разрезают небо, исчезают, словно растворяются в снегу. Я забываю о них. Я смотрю вверх, и я знаю, кто бы ни смотрел из-за облаков в ответ, он утонет в провалах моих запавших глаз и раскается в сотворенном.

„Тот человек… в черном… это все он…“

Я не закрываю ушей. Измученный голос будет жить в голове. Мне не спрятаться, я не уверен, что хочу. Просто однажды, когда придет время, я усну, и тогда наступит тишина. Благостная сладкозвучная тишина. За ней будет свет. Цветы. Готические окна и океан. Мы поговорим снова, я услышу его скрипку и смех в ответ на справедливое обвинение: „Ну куда же? Куда вы ушли так рано, разве не понимали, с чем оставляете мир?“

Я по-прежнему смотрю вверх. По холодному своду скользит долгожданный корабль. Вот оно, чудо, обещанное дожем еще к началу ноября. Летучий фрегат с белоснежными парусами движется быстро и будто посмеивается над непогодой. Кто ведет его? Конечно же, ***они****, вряд ли в Сиятельной есть уже иные пилоты.*

Корабль кажется сказкой или легендой. Как и загадочные особы, построившие его, как и маленькое дерзкое государство, которое я зову родиной. Многие пророчили: однажды с Венеции спросят за ее мрачные тайны, однажды она умрет, уйдя под воду. Вместо этого она поднялась к облакам. И что бы ни случилось, я радуюсь, видя ее полет.

Корабль стремится к городу. Император встретит юных капитанов, Марию и Джильолу, с почестями. Будет бал, будет смех, будут играться веселые марши моего сочинения. Небывалое событие, прорыв в науке, искусстве и вере, сравнимый по значимости разве что с открытиями Галилея. Яркая новость, такая, что совсем оттенила другое. ***Срезанный колосок.***

Он не дожил до того, чтобы увидеть первый в мире летающий корабль, ничтожные две недели. Он должен был быть со мной, там, в сиятельном Хофбурге[1]*, подле его величества и придворных. Он должен был смеяться, кутаться в воротник, подносить ладонь козырьком к*

[1] Хо́фбург – главная резиденция императора в Вене. – *Здесь и далее примечания автора.*

глазам, ругая светлое зимнее небо, где ничего не разглядеть, а юный Карл Томас должен был сидеть на его плечах.

Но мой бедный друг, безобразно распухший и присыпанный известью, чтобы гнить быстрее, лежит в общей яме. О нем шепчутся. Его супруга со дня похорон в беспамятстве и не узнает собственных детей. А я стою здесь и давлю крик о том, что летучий корабль, носящий имя сто двадцатого венецианского дожа Лодовико Манина, должен носить ***его, его*** *имя, ведь он так мечтал о полете в последние свои дни, и полетом были его творения.*

Я больше не притронусь к этим страницам, на которых живет теперь смерть. Когда-нибудь я найду силы уничтожить их, чтобы не вспоминать.

Я возвращаюсь домой. Упокой Господь его душу».

(1791 г. от Р. Х.)

Интродукция. Незнакомец (Июнь 1890 года, Индия)

Впервые в жизни мне пришла в голову философская мысль и нашла не лучшее время, чтобы прийти: раненный в живот, я лежал на раскаленной земле, смотрел в бледное небо и прикидывал, сколько мне осталось его видеть. Судя по тому, как промокла от крови одежда и как отстукивало в висках, – недолго.

Мысль заключалась в простом запоздалом осознании: Индия, которую мы, англичане, считали безропотным раем, на деле была дремлющим тигром. Нет, даже не дремлющим. Затаившимся для прыжка.

Прыжок совершили: на меня, резидента провинции Агра, напали вооруженные повстанцы. Они выбрали удачный момент, когда я возвращался из длительного путешествия почти без сопровождения. *Индийский тигр* уничтожил моих прекрасно вооруженных спутников из префектуры. Лишь по случайности «тигр» этот не отнял мою жизнь, а только оставил во рту соленый вкус крови. Голова пульсировала болью. Но даже в ту минуту я обещал себе, что смуглые обезьяны поплатятся. Пары кораблей Карательного Воздушного Корпуса будет достаточно, кода я доберусь до города. А я доберусь.

Теперь прежняя уверенность таяла. Я понимал, что если попытаюсь продвигаться хотя бы ползком, то по дороге растеряю половину внутренностей, уже сейчас готовых вывалиться через рассеченные мышцы. Да и ползти было некуда: ближайший город, где мог быть трезвый медик без брюшного тифа, лежал в пяти милях, а до деревни, где, вероятно, меня предпочли бы скорее добить, чем спасти, – мили три.

Я прижал к животу руку и попытался повернуться на бок. Огляделся. Справа виднелись редкие деревья среди кирпично-серых камней. В остальном меня обступала чахлая равнина: лето было сухим, и ветер уже выпил соки из трав, заострив их как клинки.

Я нащупал измазанную в крови саблю и сжал ее рукоять. Лет восемь назад я вышел победителем из схватки с тремя мятежниками-сипаями[2]. Тальвар[3] одного из них стал моим талисманом, оружием, которое я полюбил даже больше, чем револьверы. Тогда, в том сражении, силы были почти равны, не то что сегодня, когда против нас пятерых было двадцать индийцев. Прикосновение к рукояти всегда успокаивало меня, проясняло разум. Так было и теперь. Смерть приветливо кивала мне, прихорашиваясь к встрече. Кишки дымились, словно поджариваясь. Но я все еще обещал себе победить мразь с косой.

Я почувствовал, что земля задрожала, и вновь со стоном перекатился на спину. Из-за деревьев степенно выходили несколько крупных слонов. На спине одного был установлен узорчатый тканый паланкин, остальные везли погонщиков. Я прищурился, вглядываясь в людей и пытаясь понять, британцы это или местные. Я не успел: слоны остановились футах в сорока. Только один – тот, на чьей спине был паланкин, – продолжал идти навстречу и вскоре поравнялся со мной. Я, более не решаясь двинуться, уставился на морщинистые столбы его ног.

Ткань, защищавшая паланкин от зноя, всколыхнулась. На землю спрыгнул человек в темно-синем плаще с капюшоном. Незнакомец был невысокого роста, худощавым сложением напоминал женщину или ребенка. Я сразу отогнал эту мысль: какой ребенок, какая женщина могли так легко слезть с этой серой твари?

Человек приблизился и опустился на колени рядом со мной.

– Мистер Эгельманн? – Голос звучал довольно высоко.

Надежда заставила собрать силы и привстать.

---

[2] Сипа́и – наемные солдаты в колониальной Индии, из среды местного населения.

[3] Тальва́р – индийская сабля с сильно искривленным клинком.

– Вас прислали из Агры? – прохрипел я, пытаясь рассмотреть лицо под капюшоном. Острый подбородок, тонкие ноздри, но больше я не видел ничего. – Молю, не молчите.

Ответу предшествовал странный смешок.

– Я из более дальних мест, друг мой. Не повезло в дороге?

– Можно и так сказать. – Решив, что передо мной праздный путешественник, я не стал вдаваться в подробности, даже не задумался, откуда ему известна моя фамилия. – Бога ради, можете помочь? Кто вы? Я заплачу́.

Казалось, он задумался, и я пожалел, что вообще задал вопросы. Боль усиливалась, ждать я не мог, но скорее умер бы, чем сказал об этом. Наконец путешественник снисходительно хмыкнул, и я скривился от унижения. Если это местный махараджа или кто-то подобный, много о себе возомнивший, черта с два я дозволю ему злорадствовать. Одно оскорбление – и, собрав силы, брошусь, ударю, а если не ударю, то плюну в лицо. Но насмешек более не последовало. Незнакомец наклонился и вкрадчиво прошептал:

– Кто я? Можно сказать, господин резидент, что я Моцарт. Только музыке предпочитаю справедливость. Я тут ищу кое-кого, и мне пригодитесь вы.

– Что…

– Если согласны, – меня требовательно перебили, – есть дельное предложение.

– А если нет? – выдавил я, снова силясь присмотреться к своему… да, теперь я не сомневался… мучителю. Тот, издав еще один звонкий смешок, похлопал меня по плечу.

– Тогда я не лишу вас удовольствия еще погреться на солнце. Так что?

Было слишком больно. Не хотелось нелепо издыхать в грязи и песке, даже не дав о себе знать своим людям. А такая сделка… в конце концов, что она могла за собой повлечь? Незнакомец поможет мне, я – ему. Жизнь за какую-то несущественную услугу. Он выглядит юным щеголем, у него не может быть серьезных дел. Поиск человека? Пара солдат, которых я отряжу, справится на раз. Ну а если странный тип замыслил что-то, например, *сепаратистское*… я ведь сижу повыше здешних богачей. И стреляю метче.

– Согласен, – шепнул я, вытирая со лба пот. – Что вам от меня нужно?

– Не сейчас… – Незнакомец обернулся и отдал погонщику приказ на хинди: – Поднимайте его.

Из паланкина выпрыгнули еще двое и направились к нам. Сложением они были крупнее господина и, видимо, старше. Тот, кто назвал себя Моцартом, вынул из кармана какую-то тряпку и прижал к моему носу.

– Лондон. Живописный, хотя и пошловатый городишко, которому нужны крепкие военные руки. Как вы смотрите на него? Мне вот он очень нравится…

Я уже не мог ответить: сладковатый запах проник в легкие. Он наполнил веки тяжестью, и я лишился чувств, успев лишь осознать, что по-прежнему крепко сжимаю рукоять своего тальвара.

Действие первое. Рапунцель, сбрось свои волосы (Конец января 1891 года, Лондон)

День первый. Падальщик

[Лоррейн]

– Где тебя носит? Немедленно приезжай!

Мать почти кричала. Как и обычно. И обычно ответ был один: у меня *репетиция*, что означает: я слежу, чтобы симпатичные танцовщицы кабаре «Белая лошадь» правильно задирали ноги. Как иначе они будут способствовать процветанию заведения и растлению почтенных отцов семейств, заходящих на бокальчик? Я знала: мать ненавидит эту мою работу. Как и *вторую* работу, о которой не распространяется в обществе. Хотя, казалось бы, что может быть хуже постановки номеров в дыре, лишь на словах не являющейся борделем?

Услышав голос в трубке, я готовилась с наслаждением напомнить, чем именно занята. Ведь это спектакль для двоих, который мы играем привычно, уже несколько лет, без зрителей и режиссеров. Но заученная реплика застряла в горле. Потому что, выпалив «приезжай», мать не замолчала. Она всхлипнула, закашлялась и судорожно выдохнула:

– Лоррейн, это Хелена. Кто-то… убил её, кажется. Полиция тоже едет…

Сценарий пошел не так. Связь оборвалась. Лишилась ли мать чувств или вспомнила, что звонок *формален*, как наше родство? Это не имело значения. Никакого. Все сузилось до короткого слова-выстрела – *«умерла»*. Без подробных сведений, без пояснений, без сводок Скотланд-Ярда я знала: мать не шутит. Она же не умеет. Значит…

Сжимая телефонную трубку, я пыталась совладать с собой. Хелена… единственная из сестер, которая ни разу не сделала мне ничего плохого. Единственная, про кого я всегда с уверенностью и без отвращения говорила: *родная*. Не то чтобы близкая родня, но… почти. Покачнувшись, я зажмурилась. Щит треснул, время полетело назад. Я так долго от него бежала, а теперь оно просто тащило меня за собой и нещадно било по вискам.

Умерла. Умерла. Умерла. За стеной вульгарно смеялись. Я почти не слышала.

Раз. Юная глупая я. Не думаю об узах крови, о месте в семье. Все идет, как идет: мы богаты, отец заседает в Парламенте, мать исполняет мечту пристроить пять дочерей. Софи станет пианисткой, Джейн – юристом, Хелена – художницей, а малютка Лидия удачно выйдет замуж. Мне готовят судьбу опереточной актрисы, ведь в наше время оперетта – неплохая участь даже для леди: сама Королева любит этот жанр. Я недурно играю. Грядет мой триумф в «Летучей мыши». Все на меня надеются. А какой портрет в сценическом образе рисует мне Хелена! «Я верю в тебя, сестрица. Верю. Ты будешь расписываться на веере Королевы». Сестрица. И откуда это ласковое слово?

Хелена… почему она, почему?.. Телефонная трубка больно врезалась в ладонь, я грохнула ее на рычаг, и злое «дзинь!» вгрызлось в уши. *Проклятье. Проклятье…* Новые воспоминания уже забились в висках. Я обречена была опять прожить их. Одно за другим.

Два. На генеральной репетиции я повреждаю ногу, но шлю к черту совет отдать роль. В день премьеры достаю обезболивающее. Играю скверно, подвожу всех, срываю все, что старательно готовилось, а на финале падаю. Обо мне пишут в светской колонке, высказав осторожное подозрение, что я – наркоманка. Ведь со сцены меня уносят, а Ее Величество наблюдает это в бинокль. Обмахиваясь веером, на котором я так и не расписалась.

…Боль, которую причиняло каждое движение там, на сцене, со мной до сих пор. Она возвращается приступами. Вернулась и теперь, как злой призрак.

Ведь дальше сокрушительное «три». Я вылетаю из труппы. Нога заживает плохо, я не расстаюсь с тростью. В доме я уже не звезда, я «увечная», я же «самодурка». Хелена единственная, чье отношение ко мне прежнее: мы не дружны, но она не осуждает меня и в один вечер тихонько обещает: «Я нарисую твой новый портрет, когда тебе полегчает». Сестра ведь думает только о живописи. Чудесно рисует. Любит мир и живет с девизом: «Делай что хочешь и не мешай другим».

Думала. Рисовала. Любила. Жила. А я так и не напомнила ей об этом втором портрете. Даже когда мне действительно «полегчало».

Я тяжело опустилась на стул у стойки с телефоном. Поплакать бы, но с этим проблемы: давно растратила все слёзы. Я всегда была неосторожна в тратах, как и во многом другом.

– Лоррейн, девочка моя! А мы тебя ищем!

Кудахтанье Жерара Лама́ртиса наполнило комнату раньше, чем он сам оказался рядом и положил толстую надушенную руку на мою макушку.

– Цыпочки волнуются! Вы будете дальше репетировать или отпустишь их выпить немного перед сном?

Я кивнула. Он понял кивок, как «отпустить», и грузно удалился. За дружелюбным «Разлетайтесь!» последовали хоровой визг и цокот каблуков. «Цыпочки» побаивались меня, раннее окончание репетиции было для них манной небесной. Я сидела недвижно, пока Жерар не вернулся. Мягкая рука заняла прежнее место на моей макушке.

– Хелену убили, – тихо ответила я на незаданный вопрос. – Мою сестру.

Когда я подняла голову, Ламартис уже держался за сердце.

– Матерь божья… детка, как ты? Ты будешь, – он замялся, – ну… *как обычно?*

Оглядывая широкое лицо, искаженное печальной гримасой, я пожала плечами.

– Не знаю.

Не знаю, как я. Не знаю, что буду делать и дадут ли мне что-то выяснить. Он понял и промолчал, как и всегда, а только наклонился и звонко чмокнул меня в лоб.

– Бедная моя. Ну… не надо так. Хочешь… ну хоть выпить?

И я даже не смогла его отпихнуть, привычно укорив в «нянькиных нежностях». Я просто помотала головой и ненадолго к нему прижалась, шепнув «Спасибо».

Жерар был моим руководителем сначала в театре, теперь и в кабаре. Его уволили за то, что лез под юбки к девчонкам из труппы, и тогда он воплотил мечту: открыл заведение, где под юбки можно лезть безнаказанно. Над входом он вывесил золоченую табличку: «Оставь устои, всяк сюда входящий» и, кажется, никогда не жалел о смене подмостков. Меня, зная, что я в опале, Жерар пригласил компаньоном и постановщиком. Болтали, будто мы любовники: что еще можно подумать про толстого деловитого хозяина злачного места и его хромую помощницу с неопределенным, то ли мышиным, то ли рыжим цветом волос? На самом деле Ламартис предпочитает блондинок, а я – тех, кто легче проходит в дверь. Тем не менее, много пройдя вместе, с Жераром мы друг друга полюбили. Как… родня?

Нет, пора забыть это слово.

– Я поеду, скоро нагрянет полиция. – Я отстранилась, прокашлялась. – Будут допрашивать…

– *Тебя?* – Жерар приподнял безукоризненно выщипанную бровь. – Но ты…

– Это не спасет, – прервала я, встала и прохромала к вешалке. Оделась, замотала шарфом горло и только тогда обернулась: – Мне пора. Не хочу злить их.

Он фыркнул; мы оба знали, что злиться в полиции всё равно будут, речь ведь *обо мне*. Наконец я вышла – сначала в холл, потом на улицу. Ото всех встречных я прятала лицо. Спрятать бы его еще от самой себя.

Лондон кутался в зиму. Январь – холодный, серебристо блестящий снежинками – неприветливо звенел в воздухе. Я подняла ворот и глянула на небо, присыпанное горсткой звёзд. К сожалению, там давно не было ни больших кораблей, ни лодочек, которые в дневное время отлично заменяли кэбы. Летать намного приятнее, чем ездить, но с наступлением темноты воздушное движение прекращается: корабли берегут, ведь двигатели, поднимающие их, дорогие и сложные. Есть лишь две службы, для которых делаются исключения: полиция и медицина.

Крытая гондола, выкрашенная в синий цвет, как раз опускалась поодаль. Качался золотой фонарик на носу, сбоку блестела эмблема Нового Скотланд-Ярда – тяжеловесная восьмиконечная звезда с не менее тяжеловесной короной посередине. Я сделала пару шагов в сторону и услышала знакомый раскатистый голос:

– Мисс Белл! Добрый вечер!

Патрик Гриндель, суперинтендант[4] полицейского дивизиона D[5], высунул на улицу только красный, нервно подергивающийся нос. Два констебля с любопытством глядели из-за его спины. Увидев меня, они одновременно приподняли шлемы.

– Джонсон и Партор едут на ограбление лавки поблизости от вас, а я в дом графини Белл. Вам должны были уже позвонить и…

– Я знаю, – просто ответила я. – Не надо, пожалуйста, пока ничего…

Что-то вроде сочувственного понимания мелькнуло на крупном конопатом лице. Гриндель отодвинулся, освобождая проход.

– Садитесь с нами, Синий Гриф! Нечего мерзнуть.

Кроме этого учтивого приглашения я мгновенно услышала и шепоток: «Как он сказал? Синий Гриф? Тот самый детектив? Так это… леди?»

Тяжело опираясь на трость, я прошла к гондоле, залезла, опустилась на жесткую переднюю скамью и, бросив на двоих полицейских злой взгляд через плечо, рявкнула:

– Именно. Перья не дергать.

Они примолкли, Гриндель рассмеялся. Гондола плавно поднялась в воздух. Холодный ветер обжег кожу, и невольно я сгорбила плечи. Знобило. Определенно, пора было начинать высыпаться. Я опять покосилась на констеблей. Они потупились, но я была уверена: отвернусь – снова уставятся. Как «Синего Грифа» меня знала только часть лондонской полиции, и далеко не все знали, что я – это я, точнее, что Синий Гриф – существо женского пола. Ведь я прошла еще крайне малую часть пути.

Я начинала осведомителем: наше злачное место располагает к сбору информации. Сомнительные ухажеры есть и у «цыпочек», и у мальчиков-танцоров, любимых джентльменами с особыми предпочтениями. Большинство ребят, когда-то подобранные с улицы, ничего от меня не скрывают. У нас дружная компания: «матушка Лори» и «мои детки». Плевать, что некоторые «детки» не многим младше меня, а кое-кто и старше. Они всегда охотно со мной болтали, а я слушала. Конечно, у меня, без выучки и службы за плечами, не было шанса стать чем-то большим, чем глаза и уши Скотланд-Ярда, но… тут подвернулась маленькая удача. Удача, за которую я держусь до сих пор. Моя *любимая* удача.

– Мы близко, – сказал один из констеблей.

– Я помню. – Патрик повернул штурвал. – Снижаемся, ребята.

Гриндель зевнул. Лицо у него раскраснелось: хлипкий навес над гондолой здорово продувался. Полицейский сейчас напоминал толстую морскую звезду, заросшую щетиной, вид у него был отсутствующий. Он явно хотел домой, к жене и детям, съесть что-то горячее и запить

---

[4] Суперинтендант – высшая должность в английской полиции викторианской эпохи, глава дивизиона. Под его командованием находились констебли, распределенные по участкам дивизиона, а также старший инспектор, от 20 до 50 инспекторов и от 40 до 70 сержантов.

[5] Дивизион – единица полицейской организации в Лондоне. В указанный период весь Столичный полицейский округ, включая Темзу, был размечен на двадцать два дивизиона, каждый из которых обозначался буквой английского алфавита.

чем-то горячительным. Он совсем не задумывался о Хелене… О том, что моя сестра лежит убитая в собственном доме. Впрочем, кто я, чтобы его винить? Таких убитых в каждодневной работе дивизиона десятки.

Гондола снова опустилась, констебли откланялись. Я высунулась и стала смотреть, как они уходят – нахохленные и равнодушные, как и их начальник. Они не спешили: им всего лишь нужно было осмотреть ограбленную лавку и составить формальный отчет. А потом, скорее всего, доложить, что вещи пропали сами, по волшебству, и ничего тут не поделать. Что еще они могут? Вот же увальни, даже по виду…

– Почему мы стоим? – довольно сердито спросила я. – Вас ждут!

– Мы тут тоже ждем, – пробурчал Гриндель. Он не сводил взгляда с носовой топки и с посеребренного ключа, торчащего в скважине выше.

В гондолах топка сообщена с встроенными в корпус баллонами летучего газа. Нужно следить, чтобы угля оставалось достаточно, иначе лодка рухнет прямо в полете. Несмотря на мощный двигатель, без «летучки» она не удержится в воздухе и секунды, а без ключа, открывающего и доступ к отводящему клапану, и подачу газа, не взлетит. У каждого корабля, даже маленького, есть этот уникальный «крылатый ключ», который пилот всегда носит с собой. Потеряешь – обращаешься за новым в Инженерное ведомство Лётной службы, заполняешь кучу бумаг. Может, поэтому Гриндель, даже когда гондола стоит, периодически хватается за этот ключ, будто проверяя, на месте ли. Сейчас его толстые как сосиски пальцы тоже принялись ощупывать кованые серебряные узоры.

Я вытянула руки. Огонь полыхал жаркий; можно было не переживать, до дома дотянем, даже доберемся быстро. Вот только кого мы…

– Добрый вечер, сэр, – услышала я знакомый голос. – Здравствуйте, мисс Белл.

Констебль Дин Соммерс приподнял край брезента и забрался в гондолу, сев сзади нас. Он улыбнулся сначала официально Гринделю, потом приветливо и тепло – мне. Я посмотрела на маленькие веснушки на его носу. Дин не рыжий, но веснушки у него есть, такие милые. И вообще… Соммерс как обычно великолепен – подтянут, бодр и готов работать. Побольше бы таких в Скотланд-Ярде, а то ведь мирному лондонцу нетрудно в темноте перепутать бородатого мрачного полицейского с головорезом.

– Какая неожиданность, Дин, – произнесла я и после промедления искренне добавила: – И… я рада, что это именно ты.

– Если вообще сейчас возможно чему-то радоваться, мисс.

С этими словами Гриндель сосредоточенно принялся поворачивать ключ, поднимая лодку в небо. Суперинтендант старался не смотреть на нас; наверняка ждал, что сейчас мы начнем шептаться. Но пока мы не шептались. Я и *моя удача* сидели молча и грелись.

С ангелом-констеблем я познакомилась в «Белой лошади», по воле случая. В тот вечер я пела: Жерар просит об этом, если клиенты настроены лирично и хотят чего-то кроме прекрасных ножек. Тогда я иду на сцену, облокачиваюсь на фортепиано и исполняю что-то грустное или – даже чаще – патриотичное. Одну только «Правь, Британия»[6] просят чуть ли не каждый раз. В такой вечер в кабаре и зашел Дин. С первого взгляда меня поразила его внешность: выбритый, светлые локоны, чистые голубые глаза. Если бы не форма, он не походил бы на полицейского, в большинстве своём это неухоженный народ. Соммерса я приняла бы скорее за актера. Дин застыл тогда, как мальчишка перед дорогой витриной. Он не сводил взгляда с меня, залитой приглушенным светом. Возможно, я удивила его так же, как и он меня, хотя бы потому, что на мне не было ни боевого раскраса, ни кружевных чулок.

---

[6] «Правь, Британия!» (*англ.* «Rule, Britannia!») – патриотическая песня Великобритании, написана по поэме Джеймса Томсона в 1740 году. Известна благодаря двухстрочному рефрену в конце каждой строфы, который и дал имя песне:«Правь, Британия! Правь волнами!Британцы никогда не станут рабами».

Дин угостил меня выпивкой, стал приходить каждый свободный вечер. Соммерс младше меня: ему едва исполнилось двадцать, но нам сразу нашлось о чем поболтать. Мы поладили; ему я отныне выдавала большую часть информации, надеясь помочь продвинуться по службе. Я действительно помогла, правда, потом кое-что за это попросила. Я навязалась в неофициальные напарники.

Конечно, восторга он не выказал, все-таки в голове его сидела убежденность: женщина в сыске – как слон в аббатстве. Пережиток прошлого: с момента, как две воздухоплавательницы, англичанка Мэри Ле́джендфорд и венецианка Джильола Аме́ри, сконструировали первый двигатель, способный поднять корабль (то есть, с точки зрения мужского большинства, сделали что-то стоящее), минул лишь век. Наверное, если бы не они, все осталось бы как раньше: такие, как я, сидели бы дома и, уж конечно, не имели права голоса еще лет двести, а то и больше. Но Основательницы окрылили многих женщин. За Мэри они пошли в газеты и войска, в науку, юриспруденцию и Парламент. Вторую половину нашего века назвали Временем Независимых. Мне хотелось, чтобы это было и мое время. Дин понял меня. Наша дружба выдержала испытание моими настырными попытками чему-то у него научиться.

– Не прибавите? – попросил Дин.

– Попробую, – коротко ответил Гриндель.

Видя, как неаккуратно он подбрасывает уголь в топку, я отодвинулась. Только бы не запачкать юбку – любимую, с длинными разрезами на бедрах, фасона *ледж.* Под ней удобно носить тонкие кюлоты и сапоги, чтобы при необходимости пристегнуть подол застежками и бежать. Обычные брюки и бриджи пока не вошли у женщин в моду, зато Мэри Ледженфорд придумала такой фасон – легкий, недорогой. Леджи носят *Независимые.* Женщины с более традиционными взглядами на своё место в обществе облачаются в платья на кринолинах и затягиваются в корсет. Красиво. Но так неудобно.

– Спасибо, Патрик.

Я выдавила это, когда гондола прибавила скорости. Дин положил руки мне на плечи успокаивающим жестом, который у нас уже заменил многое.

– Я в порядке.

– Хорошо.

Рук он не убрал и, наклонившись, взглянул через мое плечо вперед – на силуэт часовой башни. Чувствуя, как волосы щекочут висок, я покосилась на Патрика. Тот тоже таращился на башню изо всех сил: он понимал, что хотя я не замужем, такое близкое общение с посторонним мужчиной не отвечает правилам этикета, и ему было неловко. Но Дин мне не посторонний, а искреннее утешение и этикет не имеют ничего общего. Я наконец нашла силы улыбнуться, и, наклонив голову, потерлась щекой о руку Соммерса.

– Мне жаль, Лори.

Наконец кто-то назвал меня этим коротким именем. Не люблю «Лоррейн» – длинно, тяжеловесно. Дин об этом не забывает и понимает, что дальше «мне жаль» заходить не надо. Не те у меня отношения с семьей, даже с милой доброй Хеленой.

– Ты что-нибудь знаешь о том, как это случилось?

Дин покачал головой. Гриндель наконец соизволил взглянуть на нас и снова поучаствовать в разговоре.

– Ваша мать сообщила, что Хелена лежит в своей комнате. Крови вокруг вроде бы нет, а вот на горле какой-то след, так что заранее подозреваю удушение. Я велел ничего не трогать, хотя в телефонном аппарате все ужасно трещит. Надеюсь, она услышала меня. Пфф, эти изобретения… Не представляю, как кто-то может мнить их будущим человечества?..

По этому поводу консервативный Гриндель ворчал всегда. Не вступая в споры, Дин спросил меня:

– У твоей сестры были недоброжелатели?

– По-моему, Хелену все любили. – Я невольно усмехнулась. – Больше, чем остальных. Мать, слуги, учитель рисования, друзья, подруги из высшего света… Жениха у нее не было, а вот претендентов на эту должность…

– А вы, мисс Белл? Ладили? – снова вмешался Гриндель. – Не завидовали сестре, не ссорились из-за юношей или еще чего-нибудь?

Я сердито уставилась на него. Первая мысль – опрокинуть корытце с углем ему на голову – видимо, отразилась на моем лице, так как Дин спешно ответил:

– У Лоррейн алиби на весь вечер. Правда, Лори?

– Мистер Ламартис и девочки подтвердят, что с трех я не выходила из кабаре.

– Да и не забывайте, что она практически наша колле… – начал Дин.

Гриндель раздраженно перебил:

– Это ничего не гарантирует, Соммерс. Помяни мое слово, убийцами становятся даже сыщики. А уж женщины-сыщики с их вспыльчивым нравом…

Как обычно. Я поджала губы, но промолчала. Это ведь… неважно, да? Просто чаще повторяй себе: *«Это мой смысл. Мой выбор. Это – правильно»*. Однажды выучу это на латыни, и вот тогда у неотесанного консерватора, окончившего только приходскую школу, отсохнет язык. Его выпады неприятны, но то, что я делаю, – действительно мой смысл. А когда нашел смысл, лучше стать глухим к попыткам его отнять.

Я все еще помню, как Жерар однажды, – едва я впервые дала объявление о детективных услугах, – привел мне клиента. Загадочная старая леди попала в беду: кто-то из родни во что бы то ни стало желал ее отравить. Она не хотела огласки и считала методы полиции топорными, и давний приятель Жерар свел нас, чтобы я узнала, что происходит в доме. Меня выдали за родственницу из Штатов. Игра удалась. Недолгая и опасная, она подарила мне много знаний о ядах и отвращение к чаю, мутит от одного запаха «благородного английского» напитка, независимо от сорта. Так или иначе, главное – графиня осталась жива и здорова, стала рекомендовать меня, и я окончательно решилась стать настоящим детективом. *Мисс Синий Гриф*. Другие сыщики произносят это с отвращением. Мы вообще не жалуем друг друга: конкуренция, в Лондоне нас больше, чем уток в королевском парке. А может, я просто знаю не всех детективов или не всех уток. Так или иначе…

«Это твой смысл. Твой выбор. Это – правильно. Не сдавайся. V. I.» Такая гравировка на часах, которые графиня мне подарила. И в это я верю. Всегда буду.

– Не в обиду, мисс… – начал Гриндель, которому явно не понравилось моё молчание.

– Прибавьте, пожалуйста, – холодно перебила я.

Он тут же взвился:

– Да я так её угроблю, и чем потом расплачиваться с Лётной службой?..

Полицейский пробурчал что-то ещё, менее членораздельно, но гондола полетела быстрее. Дин хмуро посмотрел на его заплывший жиром затылок и спросил:

– А слышали об инциденте в районе Миллуоллского дока? Там тоже убили человека. Тоже художника, любителя рисовать трущобы. Проломили череп.

– Бродягу, – небрежно поправил Гриндель. – Такое случается. Если каждого проходимца с коробкой красок звать художником…

– И всё же.

– Брось, Соммерс. Во-первых, если память мне не изменяет, это в ведомстве другого дивизиона. А во-вторых, не считаешь же ты, что юную леди и оборванца убил один человек? Такое, – Патрик хмыкнул, – только в книжках бывает и в жёлтых газетах.

Звучит вправду дико, но я успела заметить: Дин редко ошибается, у него будто есть какой-то внутренний маячок. Сама я совершенно заработалась в кабаре, мы готовили пару шоу. Газеты зачастую проходили через мои руки непрочитанными, а ведь раньше я не пропус-

кала криминальную колонку. Так, пожалуй, другие детективы выбьют почву из-под моих ног раньше, чем начнется весна.

– Лори?

Я не ответила. Думая о конкурентах, я вдруг осознала, что теперь совершенно абстрагировалась от факта Хелениной смерти. Внутри больше почти ничего не щемило, там воцарилась холодная ясность, сотканная всего из нескольких слов: мотивы, улики, подозреваемые. Семейная беда стала просто делом. *Одним из.* Как у толстяка Патрика. Я не знала, сколько продержусь так, но, наверное, так было легче. И правильнее.

– Ты со мной? Я хочу во всем этом разобраться.

– Спасибо. – Я улыбнулась, глянув на него через плечо. – Да, конечно, да.

Гондола уже миновала заснеженные Кенсингтонские сады. Вскоре она добралась до нашего квартала и опустилась возле особняка. Светились все окна, это было непривычным зрелищем: обычно мать и сёстры ложились рано. Меня тоже старались приучить, но я слишком часто задерживалась допоздна, а иногда вовсе не приходила. Мне стали оставлять чёрный ход. Неплохой компромисс и напоминание о месте, которое я занимаю в семье. Забавно… сегодня я впервые за пару месяцев пройду через парадный.

…Мать – без мехового плаща, даже без палантина, – стояла на верхней ступени крыльца и ждала нас. Лицо было мокрым и бледным, лихорадочно блестели глаза. Я первой шагнула навстречу, чтобы поздороваться, но сразу остановилась: едва встретив взгляд, мать скривилась. Говоря, она обращалась только к Патрику Гринделю:

– Офицер? Проходите в дом.

[Артур]

Я прокрутил в пальцах тигриный клык на шнурке, – это обычно успокаивало и приводило мысли в порядок. Сегодня, пожалуй, помогла бы скорее порция виски. Не каждый день, в конце концов, тебе возвращают старые вещи. Тем более – так.

«Мистер Сальватóре, время разгадывать тайны. Освежите знания, они пригодятся».

Записка лежала между пятнадцатой и шестнадцатой страницами потрепанного учебника итальянского языка. Я прочел ее еще раз и мельком взглянул на текст в книге. Параграф и упражнения были посвящены спряжению глаголов.

Cercare. Trovare.
Искать. Находить.

Chi cerca – trova.
Кто ищет – найдет.

Слова обвели красным; от страниц пахло пряностями. Отрицать было бессмысленно: книга, подброшенная кем-то на подоконник лаборатории, – та самая. *Моя,* из времен учебы. Те же пометки на полях, голая женщина на титульном листе – я нарисовал ее сам, позабавить приятелей. В последний раз я видел учебник лет десять назад и нисколько не сожалел, что он канул в Лету, как и все мое прошлое. Почти все. Кто же его вернул?..

С улицы повеяло холодом, я прикрыл окно и бросил книгу на стол. Мензурки и колбы сердито звякнули: книга нарушила привычный строгий порядок. Я поморщился.

Chi cerca – trova. Что мне искать?..

Раздался настойчивый дробный стук, и я вздрогнул от неожиданности. Какая же ерунда. Пройдя вытянутое помещение насквозь, я рывком распахнул дверь.

– Охэ-эй, мистер Сальваторе! – Джек сорвал с макушки потрепанный приплюснутый цилиндр, и непокорные черные кудри тут же встали дыбом. Пять золотых сережек – четыре в правом ухе и одна в левом – блеснули в тусклом свете газовых ламп.

– Здравствуй, Джек. – Улыбаясь и стараясь выкинуть из головы книгу, я пропустил его. – Ты сегодня поздновато.

– Продавал газеты, извините, мистер Сальваторе. Захотелось подзаработать. Все-таки весна не за горами, хочу махнуть к югу на пару недель.

Цыганенок вошел и начал отряхиваться. Гулко потопал, превратив сухой паркет в мостовую, залитую лужами. Он мельком посмотрел на учебник и перевел взгляд в сторону большой конструкции, состоящей из колб, трубок, нагревателя и фильтра, – усовершенствованного аппарата Марша, предназначенного для разложения сложных органических веществ. Этим новым приобретением, сделанным на средства Скотланд-Ярда, я гордился.

– Что сегодня?

– Мышьяк, – ответил я, рассеянно сдув упавшие на глаза волосы. – Ерунда, ничего особенного. Рутина. Просто проверим. И… – я выдержал паузу, – я хочу, чтобы основную часть работы сделал ты. Нужно посмотреть, как справляешься и насколько можно на тебя рассчитывать. Образцы в холодильном шкафу.

Глаза Джека загорелись; он сбросил поношенный плащ и ринулся в указанном направлении. Я улыбнулся. Пожалуй, я испытывал что-то сродни умилению отца, отпрыск которого движется по правильной дороге.

Я встретил Джека, когда со знакомым детективом был на месте преступления. Чумазый оборванный мальчишка терся рядом и не давал всем покоя, а потом почему-то увязался за мной. Было ли причиной мое дорогое пальто, или то, что я единственный не крыл его бранью, или мои нестриженные волосы, выдавшие рассеянного ученого, я не знал. Джек спросил, не найдется ли у меня работы для него, и я попросил купить пару реактивов. Отдавая деньги, я мысленно попрощался с ними, но неожиданно оказался не прав: цыганенок все исполнил до мелочей. Потом мне потребовалось, чтобы кто-то наблюдал за процессом нагревания кишечного экстракта для очередной экспертизы. Мальчик справился и с этим, записав нужные данные и ничего не упустив. Писать он умел, хоть и корявым почерком, который я долго приноравливался разбирать.

Скоро я понял, что у Джека – едва ли имя было настоящим, но другого он не назвал, – явный талант к химии, а знания по симптоматике и распознаванию отдельных ядов превосходят мои. Некоторые растительные алкалоиды, например, он различал по запаху: говорил, что научился у бабки-травницы. Когда он дал мне подсказку впервые, я не принял ее всерьез, но экспертиза подтвердила: Джек, по-собачьи обнюхавший губы трупа, определил яд верно. И какой бы ненаучной ни была его методика, в запутанных случаях я стал прислушиваться, стараясь, правда, не придавать этот факт огласке.

Да и в целом, несмотря на отсутствие какого-либо систематического образования, Джек был умным малым. Я взял его ассистентом на пятнадцать шиллингов в неделю. У цыганенка не было ни семьи, ни (по крайней мере, так мне казалось) даже друзей-сверстников. Если я встречал его вне лаборатории, то всегда в одиночестве – он слонялся по лондонским улицам со скучающим видом. Зато мне стоило большого труда отучить Джека от привычки приставать к прохожим и задирать констеблей, но это было просто необходимо. Я опасался, что кто-нибудь из вертких и придирчивых адвокатов или, не дай бог, высшие чины Скотланд-Ярда, узнают лишнее о моем маленьком помощнике по токсикологической экспертизе.

Впрочем, Джек умел, когда нужно, быть незаметным. Стоило кому-либо появиться поблизости – цыганенок исчезал. А после того как я поднял ему жалование до двадцати шиллингов, он сменил свое место жительства – подворотню близ Темзы – на какую-то ночлежку, где по-королевски занял комнату под крышей.

Джек ассистировал мне уже полгода и, несмотря на юный возраст, был отличным учеником – внимательным, энергичным и любознательным. Правда, серьезно заниматься он не желал, предпочитая практику всем существующим учебникам. Все, что мне иногда удавалось, – заставить его осилить пару-тройку разделов в том или ином издании, и то лишь убедив, что без этого не справиться.

Глядя, как он вынимает из холодильного шкафа подписанный сосуд с измельченным содержимым желудка мистера Роджера Квагена – бедняги, которого, вероятно, отравила сестра, – я невольно усмехнулся: Джеку давно не терпелось получить по-настоящему серьезное поручение. Я не сомневался, что он справится, если я буду украдкой следить. Да и потом… мне нужно было кое-что обдумать. Например, как учебник итальянского оказался…

– Чем-то расстроены, сэр? – Он вернулся к столу и стал осматривать реактивы, ища цинк и сульфат меди, потом занялся спиртовкой.

– Нет, Джек, ничего. – Я опустился на стул и снова взял в руки книгу. – Ты не спеши, у нас все в порядке со сроками.

– Как скажете.

Мы замолчали: он готовил экстракт, отфильтровывая органические частицы, я рассеянно листал вновь обретенную книгу. Мест, обведенных красным, больше не встречалось. Наконец я не выдержал и снова задал цыганенку вопрос:

– Джек, ты… – я некоторое время подбирал слова, – никого возле лаборатории не видел? Подозрительного?

Он перелил немного желудочного экстракта в большую колбу, взял склянку с кислотой и мотнул головой.

– Нет, сэр. Не замечал.

– Хорошо.

Тревога не проходила. Джек закрепил колбу в держателе под спиртовкой.

– Зато, сэр, тут неподалеку лавку художничью ограбили!

– Да? И много взяли? – рассеянно поинтересовался я.

Джек потрогал колбу кончиками пальцев и, подумав, усилил пламя.

– Да говорят, почти ничего, коробку каких-то дорогих красок. Очень странные дела, а?

– Странные…. – равнодушно отозвался я, потирая лоб. – Ладно, давай работать. Сейчас нельзя отвлекаться. Будь внимателен.

– Да, сэр.

Художественная лавка волновала меня мало. Нехорошее предчувствие усиливалось с каждой минутой. Нужно было отвлечься во что бы то ни стало, и я взял недавно купленную книгу токсиколога Мартена о новых методах распознавания ядов. Вооружившись простым карандашом, я продолжил то, что начал накануне: читая, подчеркивать все, что казалось свежим и здравым. Я старался не отставать от лучших умов нашей области. Да и ничто не успокаивает так, как наука.

Джек гремел склянками; вскоре в воздухе отчетливо запахло спиртом. Когда жидкость в одной из колб приобрела легкий красноватый оттенок, я слабо улыбнулся.

– Сэр, – тихо позвал он.

– Да? – Решив, что нужно его похвалить, я бросил: – Молодец, Джек. Все верно. Именно такой цвет…

– Спасибо, – нетерпеливо перебил он и прибавил: – Но я не о том. Скажите… а вы умеете играть на фортепиано?

От неожиданности чуть не выронив карандаш, я поднял голову. Цыганенок смотрел на меня, держа щипцами нагретую склянку, на дне которой клубился знакомый осадок. Я не любил этот взгляд – взрослый и пронзительный, пусть даже глаза у Джека были не темно-карие,

как у большинства представителей его народа. Ледяные темно-синие стеклышки: смешанная кровь, похоже. Я покачал головой.

– Нет, Джек. Не умею. Более того, не жалую музыку.

– Почему? – Он вроде бы фыркнул. – Вы же такой умник.

– Умник-не умник, но далек от искусства. А ты что, умеешь играть?

Он аккуратно переместил склянку в другой держатель и стал записывать концентрацию. Карандаш сильно царапал бумагу. Закончив, Джек неожиданно глухо проговорил:

– Она прекрасна. В ночлежке есть старый скрипач, которого мы слушаем вечерами. И до чего душевно играет, скажу я вам. Знаете, мозгами я, может, не блистаю, но мне кажется, мелодией иногда можно спасти мир, если мелодия вовремя найдена и сыграна.

Я глянул на него внимательнее. Заостренное лицо было серьезным и грустным. Я впервые подумал о том, что мальчик, наверное, тоскует по родным. Потому он и говорит сейчас о том, что наиболее близко цыганам, о музыке. Лондон – немузыкальное место, это же не Вена, не Париж, даже не Прага. Вот только почему именно фортепиано? Отложив книгу и решив, что следует проявить немного отеческого участия, я вздохнул.

– Верю. Просто это все не мое. Но один мой знакомый детектив, знаешь ли, играет. Он бывает у нас, но тебя обычно в это время нет.

– Да? – Джек с интересом приподнял голову. – И как же его зовут?..

[Лоррейн]

По лестнице мы поднимались в молчании – угрожающем и очень для меня тягостном. Мать держалась прямо и, казалось, больше не прилагала никаких усилий к тому, чтобы не расплакаться. Я шла рядом с Дином вслед за ней, а Гриндель тяжело топал позади. Портреты многочисленных лордов и леди Белл, наверняка осуждавших меня в своих небесных чертогах, брезгливо взирали со стен. Мать открыла дверь в верхнюю комнату – мастерскую и покои Хелены. Я, глубоко вдохнув запахи холста и красок, стала оглядываться.

Моя бедная сестра не любила гостей; в последний раз я была здесь, наверное, летом. Кое-что изменилось: законченных картин стало больше, а еще Хелена расписала одно из окон, теперь оно напоминало волшебный витраж. Волшебный… я знала Хеленин секрет: она с детства видела себя принцессой из сказки про длинные волосы, которые надо сбросить с башни принцу, чтобы он поднялся тебя вызволить. А вот я была и осталась какой-то другой героиней какой-то куда менее романтичной истории, где из башен выбираются сами.

Наконец я нашла силы взглянуть на труп сестры. Хелена лежала на спине, недалеко от мольберта. На лице застыл ужас, такой, что я инстинктивно попятилась, будто то, чего она испугалась, могло и спрыгнуть с потолка. Вопроса, отчего Хелена умерла, не возникало: мать была права, на шее виднелась знакомая борозда, неаккуратная и тонкая.

Гриндель наклонился над моей сестрой и поинтересовался у матери:

– Когда вы в последний раз видели ее живой?

– Три часа назад, во время ужина. Она не захотела с нами есть, сказала, что сыта. Она только что пришла с занятий в школе искусств. Наверняка этот ее учитель опять перебил ей аппетит, он вроде бы кормит студентов сладким все время.

– Ничего не показалось вам странным?

– Хелена, – мать быстро вытерла глаза, – была радостная, она нечасто такой бывает. Только когда ее хвалит учитель. Она им восхищается. Вос… восхищалась!

Плечи затряслись, нижняя губа задрожала. Сдержанность исчезала, сползала словно краска со стены. Видя, как бледнеет худое лицо, я понимала: скоро мать лишится чувств. Убедившись, что дельных сведений не будет, Гриндель недовольно засопел и начал прохаживаться по комнате. Следующий вопрос решилась задать я.

– Что Хелена делала, после того как отказалась ужинать?

В потухших глазах матери сверкнула искра знакомого гнева.

– Допрос проводят полицейские, а не выскочки-детективы.

– Я не допрашиваю, я интересуюсь судьбой сестры, – спокойно отозвалась я.

– С каких это пор тебе не плевать, блудная ты наша дочь?

Не отвечая, я опустилась рядом с Хеленой и сняла с шеи увеличительное стеклышко на цепочке. Мне хотелось осмотреть кожу у сестры на горле и подтвердить догадку. Этим я и занялась, стараясь не думать о матери, вообще не думать ни о чем.

– Мэм, – услышала я голос Дина. – Ответьте, пожалуйста. Поверьте, вопрос, заданный мисс Белл, интересует полицию тоже.

Скосив глаза, я заметила, как мать скривилась. Глянув на меня, она шепнула одними губами: «Ах ты потаскуха». Но тут же – вспомнив или о приличиях, или о том, что никакой помощью лучше не пренебрегать, – она вымученно кивнула Дину и Гринделю.

– Сказала, что закончит работу, и поднялась наверх. Было тихо, никаких криков, шума. Потом я зашла к ней, чтобы спросить, не хочет ли она все-таки поесть. Она так мало ела, за ней надо было все время следить, она… она…

Мать не закончила и с болезненным стоном рухнула на руки Соммерсу. Силы у нее все же кончились, выдержка изменила я вздохнула и жестом указала на маленькую кушетку в дальнем углу. Дин покачал головой.

– Могут быть улики, мы ведь ничего еще не осмотрели. – С некоторым трудом подняв мать на руки, он направился к выходу из комнаты. – Я пошлю за медиком. Заодно попробую поговорить с твоими сестрами и прислугой насчет возвращения Хелены домой. А там прибудут еще люди, и, может, что-то станет понятнее.

Как бы отвратительно я себя ни ощущала, невольно улыбнулась: не сомневалась, что с симпатичным констеблем захотят беседовать и мои сестры, и все горничные. Соммерс всегда умел располагать к себе. А учитывая скрипучие мозги Гринделя и мои плохие отношения с домочадцами, лучшего кандидата для подробного допроса было не найти. Дверь закрылась. Мы с суперинтендантом остались вдвоем и переглянулись.

– Вы прохладно отнеслись к семейному горю, мисс Белл.

– Я вообще прохладна ко многому в жизни. – Я поджала губы. – Может, мне и стоило изобразить любящую дочь и хотя бы обнять *графиню*…

– Вашу мать.

– …Мою мать. Но она оттолкнула бы меня, что, несомненно, вызвало бы у вас еще больше подозрений. К чему притворяться, мистер Гриндель? Вам известно достаточно. О наших семейных скандалах, кажется, до сих пор периодически пишут.

Благо, он не нашелся с ответом, просто кивнул как-то жалостливо: он-то глава счастливого, по-настоящему счастливого семейства, где все сдувают друг с друга пылинки и готовят отличный суп. Наверное, он еще в который раз подумал: «У богатых свои причуды». Я отвела глаза. Гриндель шмыгнул все еще красным носом. Он уже перестал созерцать разбросанные книги Хелены и шагнул к мольберту, когда какой-то звук со стороны окон заставил и его, и меня вздрогнуть.

– Стучат?.. – пробормотал он.

Мы обернулись. На подоконнике незакрашенного окна сидел голубь. Обычный сизый обитатель городских помоек, переступая по снегу, любопытно тянул к нам шею. Наверное, Хелена прикармливала его, это было в ее духе.

– Ох, черт возьми, – сказал Гриндель и даже, кажется, заскрипел зубами.

– Что?..

– Падальщик.

Реакция на безобидную птицу удивила меня, но, видно, Гриндель просто нервничал. Я пожала плечами и поправила:

– Скорее… голубь? Они вроде не едят падаль.

Гриндель странно хмыкнул и отвернулся, начиная снова изучать пол. Я тоже уже хотела забыть о птице, но та снова забарабанила в стекло клювом. Когда это не произвело должного впечатления, голубь не остановился. Он задрал лапу и очень по-человечески, с видом оскорбленного достоинства, стукнул в окно коготками.

– Да что за…

– Да уймись уже! – неожиданно рявкнул полицейский. Я уязвленно осеклась, но обращался он не ко мне.

Патрик Гриндель махнул рукой и, приблизившись к окну, открыл его. В комнату тут же проник морозный воздух, с ним и наш пернатый гость. На внутренней стороне подоконника голубь несколько раз переступил с лапки на лапку, снова почти по-человечески вытирая их, потом поднял левую и протянул Патрику. Тот, с еще более мрачным видом, чем доселе, освободил птицу от записки. Развернул мокрый листок и прочел вслух:

– *Я в пути. Не трогать труп без меня. Г. Н.*

Ничего не понимая, я разглядывала голубя.

– От кого это?

– Нельсон. – Патрик свернул записку, и голубь, сорвавшись с места, вылетел в окно. – Учуял мертвечину.

– Не говорите так о моей сестре, – одернула его я, садясь на корточки рядом с Хеленой и осторожно беря ее за руку, проверить наличие следов борьбы. – Знакомая фамилия… да и кличка теперь припоминается… кто такой Нельсон?

– Сыщик от бога, – опять фыркнул Гриндель. Настроение у него неожиданно начало улучшаться. – Не чета вам, леди. Впрочем, не только леди, многим нос утрет.

– Сыщик от Бога? – Осматривая ногти и ладонь сестры, я подняла брови. – Звучит как титул в Святой Инквизиции.

– Ма-а-астер, – хмыкнул Гриндель, закрывая окно. – Заполучить бы его в Скотланд-Ярд… или руки оторвать. Помните то скандальное дело с похищением наследницы графа R.? «Девочки в доке»?

Я вздохнула. Мое настроение в противоположность ухудшалось, если после гибели Хелены это вообще было возможно. Дело R. Я помнила отлично: когда беда только случилась, о ней писали, потом перестали – наверняка глава семьи обрубил каналы информации. Еще до того как публикации вернулись, я узнала через знакомых в Скотланд-Ярде, что с малышкой все завершилось благополучно. А размах был грандиозный: инцидент оказался связан с четырьмя похищениями. Со страниц прессы долгое время не сходили оды «неназванному герою-сыщику», которому «невинные создания» были «обязаны жизнью». Наверное, тот, кто справился с настолько беспринципным ублюдком, действительно заслуживал звания «мастер» или хотя бы «великий сыщик», но никак не «Падальщик». А ведь именно так о Нельсоне отзывались мои приятели из полиции. В лицо я его не видела. Хм… наверняка зануда в чем-то клетчатом, с орлиным носом, холодной улыбкой и трубкой. Ведь так все отныне представляют идеального детектива, благодаря публикуемым в «Стрэнд мэгэзин»[7] популярным рассказам Артура Конан Дойла. Что ж… почему не познакомиться с Падальщиком? Холмс, если я помню правильно, не жалует девушек, но вдруг этому типу я понравлюсь? И, что еще маловероятнее, вдруг он понравится мне?

---

[7] «Strand Magazine» – ежемесячный иллюстрированный журнал беллетристики, издавался в Великобритании с 1890-х годов. В журнале печатались такие авторы как Артур Конан Дойл, П. Г. Вудхауз, Герберт Уэллс и другие классики детективного, приключенческого и фантастического жанров.

Этими мыслями я развлекала себя в ожидании, чтобы хоть как-то отвлечься от других – о сестре. Мне не пришлось ждать долго. И я была здорово разочарована.

У «великого сыщика» оказалась милая бледная мордашка с несколькими темными родинками, феноменальные ресницы, черные вьющиеся волосы и несколько сережек в обоих ушах. Мужественности не прибавляли ни обтрепанная темно-синяя форма Королевского Воздушного Легиона с серебристыми крыльями на вороте, ни тяжелые военные сапоги. В целом, Нельсон, носивший прозаичное имя Герберт и коверкавший его до не выговариваемого ложно-французского «Gurbuar», не соответствовал гремевшей над Лондоном мрачной славе «грозы преступного мира». Но это на первый взгляд: едва пройдясь по комнате и опустившись возле трупа, Падальщик преобразился. В нем действительно появилось что-то от хищной птицы. Движения стали быстрыми, взгляд пронзительным, вот только…

– Мистер Нельсон, – подала голос я, когда сыщик взял Хелену за руку, причем не очень-то аккуратно. – Вы не единственный специалист в комнате, если вдруг…

– Позже, – отрезал он.

Я возмущенно покосилась на Гринделя. Полицейский проигнорировал взгляд: он с большим удовольствием наблюдал за Нельсоном, явно чего-то ожидая. Зато Дин меня понял. Приблизившись и потянув за рукав, он сказал:

– Пойдем осмотримся дальше. Она ведь рисовала, когда… – Продолжать он не стал, и мы, в который раз изучая пол в поисках следов, двинулись к мольберту.

Картина осталась незаконченной. Я машинально всмотрелась в холст. Набережная Темзы – пустынная, с пятнышками фонарей. Голубое вечернее небо, лиловые облачка сирени в углу – там, где начинался парк. Моя сестра чудесно рисовала, даже сейчас я невольно залюбовалась. Сколько надо усидчивости, терпения, любви, чтобы вот так часами возить кисточкой…

– Что это?

Дин вернул меня к реальности. Он сидел на корточках и внимательно изучал то, что лежало у левой задней ножки мольберта. Я тоже пригляделась и увидела веточку сирени – маленькую, с пятью соцветиями. Дин, не снимая перчаток, взял ее и понюхал.

– Настоящая.

Мы выпрямились и посмотрели в окно, за которым по-прежнему падал снег. Ничего сказать мы не успели: Нельсон, приблизившись, вдруг навалился на наши плечи – так развязно, словно мы были его давними приятелями. Мое плечо он еще и сдавил. Хватка у высокого и довольно тощего сыщика была железная, я поморщилась.

– Что вы себе позв…

– Если померить среднюю длину шагов убийцы, можно прийти к выводу, что рост у него около шести футов, – вкрадчиво сообщил Нельсон.

– Ловите, и померяем, – хмыкнул Дин, высвобождаясь.

Нельсон смерил его сочувственным взглядом и покачал головой.

– Двадцать семь шиллингов в неделю, верно? Нескоро можете рассчитывать на большее, друг мой. Следы остались возле окна. – Бледный палец с перстнем-печаткой указал направо. – Присутствующим не принадлежат, мужские ботинки на ребристой подошве с «подковкой» на каблуке. Вперед.

Дин вспыхнул и открыл было рот, но в последний момент пришел к благоразумному решению: не вдаваться в споры и не ждать, пока следы высохнут окончательно. Мы с новоприбывшим сыщиком остались стоять.

– Итак, вы что-то сказали о специалистах? – спросил Нельсон.

– Да. Говорила. – Я поджала губы.

– Делаю вывод, что, вероятно, вы имели в виду себя. Голубая Сойка, правильно? – полюбопытствовал он, склоняя голову. – Что ж, это многое…

– Синий Гриф, – стараясь не шипеть, поправила я. – Вы обо мне слышали?

– Да-да, вы протеже графини V. I.

Мне не понравилось логическое ударение на слове «протеже». Нельсон протянул руку и зачем-то царапнул ногтем краску в углу картины.

– В данном случае, если вдруг возникли вопросы, я на месте преступления законно. Меня наняла леди Белл, я помогал однажды ее кузине в весьма щекотливом деле. Вас тоже? Ей ведь известно, что в паре я не работаю. Как это понимать?

– Вы знаете мое прозвище и при этом забыли *очевидное*? – не преминула криво усмехнуться я. – Как это возможно? Я ведь дочь леди Белл. Лоррейн.

Его тонкие, явно выщипанные брови впервые приподнялись действительно удивленно.

– Значит, среди сыщиков Лондона и вправду затесалась аристократка со скандальным прошлым… Бог мой, я думал, все это желтые статьи. – Лицо снова стало непроницаемым, даже строгим. – Но думаю, в таком случае вы, как в той или иной мере специалист, понимаете, что вам не придется заниматься этим расследованием.

– Это еще почему?

– Не думаю, что вы сможете допросить саму себя.

«Это мой смысл. Мой выбор. Это правильно». Беря себя в руки, я холодно улыбнулась.

– Мое алиби на весь вечер подтвердят около шестнадцати человек. Правда, восемь из них – проститутки-танцовщицы, а четверо – юные содомиты, которые с удовольствием дали бы вам в задницу за одно только милое личико. Но не думаю, что это веское основание им не верить. Они прекрасно воспитаны, в отличие от вас.

Я с удовольствием наблюдала за Нельсоном и предвкушала бурю. Но сыщик среагировал неожиданно спокойно: молча надел перчатки, вернулся к трупу и стал осматривать шею. И все же бледные щеки порозовели, губы сжались. Я восторжествовала: шутки про содомитов в чопорном Лондоне не любит никто. Даже холодные выскочки, гро́зы преступного мира.

– Что ж, мисс Белл. – Голос звучал отстраненно и по-прежнему вежливо. – У меня нет оснований вам не верить. Я расспрошу ваших одаренных друзей и в качестве канала информации использую скорее рот, чем ту часть анатомии, которую вы упомянули. Что касается воспитания… оно правда важно для особы вроде вас? Вас вообще воспитывали?

Какой пассаж. Но я только пожала плечами: слышала и не такое.

– Можете поинтересоваться у леди Белл. Уж она-то об этом знает. Да-да, я о той особе, которая меня родила и по каким-то причинам еще не задушила. Хотя вдруг все впереди?

Патрик за нашими спинами неожиданно громко фыркнул. Дин, красный как рак, молча изобразил, будто отрезает мне голову. Но я уже злилась, и праведное возмущение Соммерса меня не волновало. Приблизившись и встав за спиной у Нельсона, я сказала:

– Удавка. Мягкая и тонкая, была обмотана вокруг шеи несколько раз и сильно стянута.

– Благодарю. – Он поднялся с колен и снова повернулся ко мне. – Можете что-то рассказать об увлечениях вашей сестры?

– Рисование, – буркнула я. – Чтение. Вышивка. Мечты о принце.

– А о ваших?

– Танцы. Расследования. Воспитание шлюх.

Он, не особенно впечатленный, прищурил глаза.

– Вашей матери здесь нет. Можете не говорить столь громко и демонстративно.

– Нет, что вы, я здесь. – Голос, звучащий с прежней холодностью, донесся со стороны двери. – Не обращайте внимания, мистер Нельсон. Лоррейн крайне эпатажна и необоснованно считает себя светилом сыска. Так же, как когда-то верила в свой актерский талант.

Мать вернулась. Она по-прежнему была бледна, но явно взяла себя в руки – начала вымещать ярость на мне. Приблизившись, она прошипела:

– Иди в свою комнату. Тебя допросят в свое время.

– Может, – огрызнулась я, – ты меня не нанимала, но я официально помогаю мистеру Соммерсу. И если ты не забыла, она *моя* сестра. Я хочу узнать, кто это сделал.

– Мистер Нельсон для этого и здесь. – Она улыбнулась спине Падальщика.

– Я тоже не собираюсь стоять в стороне.

Чеканя каждое слово, я смотрела матери в глаза. Она неприкрыто насмехалась, а я все отчетливее понимала, зачем она позвала этого пижона. Указала мне на место. В комнате. И как быстро она это сделала! Труп еще остывал, а посыльный уже бежал к сыщику… От этого циничного понимания защипало в глазах. Голос матери снова вспорол слух.

– Я не думаю, что мистер Нельсон будет рад мельтешению непрофессионалов под ногами. Равно как и полиция.

– Напротив… – начал было Дин, но она оборвала его, обратившись к Патрику:

– И, кстати, надеюсь, вы позаботитесь, чтобы дело получил взрослый опытный сыщик, у которого…

Гриндель вдруг осклабился, кивнув на Нельсона.

– Вы уже наняли *взрослого опытного сыщика*; видимо, наших услуг вам недостаточно. Я же отдаю дело Соммерсу. Поверьте, вы можете ему доверять. Он молод, но, не сомневайтесь, сделает все, что в силах. И… – последовало промедление, – я предоставляю ему свободу действий. В рамках закона, разумеется.

Вот теперь я вспомнила, за что все же люблю Патрика Гринделя – зануду, сноба и раба условностей. Он всегда умел отбрасывать лишнее в нужный момент и имел чутье на хорошие задатки. При других обстоятельствах, от другого начальника неоперившийся констебль не получил бы дело, где жертвой стал кто-то из Белов, да вообще кто-то положением выше лавочника. Дин благодарно взглянул на суперинтенданта. Тот уточнил:

– Помни, Соммерс, это потому, что ты на *особом* счету. Докладывать о каждом шаге – мне лично. Это твоя возможность как показать себя, так и провалиться.

– Да. Да, сэр!

– Я не оставлю это так, – процедила сквозь зубы моя мать. – Дилетантизм!

Оба полицейских ее услышали. Дин потупился, но Гриндель невозмутимо улыбнулся.

– Не стоит так переживать, леди Белл, дайте нам время. Если в деле появятся… – он запнулся, – необычные обстоятельства, констебль перестанет работать один. Более того, – взгляд на Дина был жестким, но подсказывающим, – уверен, он *сам* сразу попросит помощи, ибо одна из его отличных черт – умение трезво оценивать силы.

– Да, сэр, – снова торопливо откликнулся Соммерс. Его голос звенел от напряжения.

– Какой-то щенок… господи…

В этот раз мать услышала только я и почувствовала, что к ушам приливает краска.

– Вот и решено.

Гриндель ободряюще кивнул; моя мать поджала губы, но не заспорила. Нельсон скривился, будто при нем – королевском спаниеле – кто-то потрепал по холке вонючего блохастого пса. Дин снова подошел к Хелене.

– Она должна была кричать и сопротивляться, – сказал он. – Хотя бы некоторое время. Странно, что она этого не делала. Первое, что я все же попытаюсь осуществить, – проверка на яд. Нужен патологоанатом, который извлечет желудок и…

Моя мать снова начала бледнеть.

– Извлечь желудок… моей девочке…

Девочка умерла, мама. Желудок ей больше не пригодится. Я закусила губу, чтобы не сказать так вслух, но даже от мысли замутило. Я потупилась. Гриндель поддержал мою мать за локоть.

– Я провожу графиню вниз. Постарайтесь закончить к моменту, как приедут за трупом. До свиданья.

Мы остались в комнате втроем. Герберт Нельсон приблизился и кисло посмотрел на Соммерса.

– Она могла не видеть убийцы. Могла лишиться чувств. В конце концов, могла его знать. С чего вы взяли, что нужна токсикологическая экспертиза?

Дин указал на лицо моей сестры.

– Необычное окоченение мышц. Похоже на действие наркотического вещества.

– Не уверен… – Нельсон покачал головой. – Может быть просто судорога.

Я подошла к Дину, положила руку ему на плечо и вызывающе заявила сыщику:

– Думайте, как хотите. Мы не обязаны делиться гипотезами. Мы ведь не работаем вместе. А сейчас мы отправляемся осматривать двор.

Продолжая кипеть, я поволокла Соммерса на улицу. На самом деле я сомневалась, что в глухом углу сада, куда выходит окно, что-то найдется: рядом пустырь, перебраться через ограду мог кто угодно. Глубокого снега не было, следы заметало мгновенно. И все же удача улыбнулась: в одном месте мы нашли знакомый, наполовину занесенный след сапога с подковкой на каблуке. И если бы это было все…

– Лори!

Соммерс указал на кучу тряпья, примятого и запорошенного снегом. Приблизившись, я присела на корточки. Это оказалось несколько кусков ткани, связанных между собой. Присмотревшись внимательнее, я поняла:

– Вышивка. И батик… простыни, разрисованные занавески… это все из ее комнаты. Похоже на веревку.

Рапунцель, сбрось свои волосы. Волосы Хелены были недостаточно длинными, чтобы по ним кто-то мог забраться наверх. Но вот это…

– Нашли? – Нельсон, высунув голову из окна, наблюдал за нами. – Она привязывала что-то к решетке. Там все покрыто пылью, кроме этого места. Потом убийца, вероятно, отвязал это, сбросил и вполне удачно приземлился. Тут невысоко, да и труба… – Он постучал по водостоку кулаком.

Вот же Падальщик… Гриндель был прав насчет способностей этого типа. Выслушав лекцию и попрощавшись с мыслью утаить находку, я подтвердила:

– Нашли. – Я повернулась к Соммерсу: – Забирай. Проверишь. Может, отпечатки…

Больше ничего обнаружить не удалось. Дин не добился от моих сестер и прислуги новых показаний. Хелена была в хорошем настроении. Хелена не кричала и не оказывала сопротивления: о последнем говорило отсутствие крови или содранной кожи под ее ногтями. Все действительно вело к тому, что она *сама* кого-то впустила. Под действием наркотика или добровольно, это предстояло выяснять. Соммерс и Нельсон покинули дом, а я поднялась к себе и рухнула в кровать.

Прощаясь с Дином, я случайно заметила: Нельсон взял несколько баночек с красками моей сестры. Это насторожило меня, но задавать вопросов я не стала. Я понимала четко: сегодня у меня появился если не враг, то соперник. И недомолвки не сыграют ему на руку. Я разберусь с ним. Осталось только найти способ. И лучше искать его, чем думать о том, что в доме сегодня стало меньше на одну сестру.

День второй. Краски и ягоды

[Артур]

Утром, открывая ключом дверь в лабораторию, я поймал себя на том, что настороженно оглядываюсь. Я ожидал продолжения вчерашних странностей и даже жалел, что Джек сегодня не придет: у него были какие-то мальчишечьи дела на городских улицах. Перспектива провести день в обществе только колб и реактивов меня не радовала. Это было странно; обычно я любил тишину уединения, столь редкого для напряженных рабочих часов.

Впрочем, мысль об уединении оказалась поспешной. Не успел я вскипятить на спиртовке чайник и сесть за газету, как в дверь громко, бесцеремонно постучали. Я поднялся, открыл и с удивлением увидел на пороге одетую в черное Лоррейн Белл в обществе светловолосого полицейского. Полицейский держал два опечатанных сосуда.

– Кого отравили? – вздохнул я. – И почему именно я?..

Мы с мисс Белл знали друг друга не первый год. Когда она довольно болезненно завершила карьеру актрисы, я лечил ее, и я же убедил не расставаться с тростью. Я до сих пор считал долгом приглядывать за ней: эта девушка воплощала собой все беды Века Независимых, не знала, что такое осторожность. Но мою заботу она воспринимала как-то превратно. Вот и сейчас она прошла в лабораторию, обняла меня и, поднявшись на цыпочки, то ли куснула, то ли поцеловала в шею, – выше не дотягивалась.

– Хм… потому что мы редко видимся? Или потому, что ты гений?

Такое приветствие было привычным. Для человека своей профессии Лори вела себя не так уж распущенно, скорее игриво. Я вопросительно посмотрел на полицейского, но тот, явно не удивленный, лишь улыбался. Я уточнил:

– А с вами мы знакомы, мистер…

Он спохватился и представился:

– Детектив-констебль Дин Соммерс. Веду дело об убийстве мисс Хелены Белл. У нас есть подозрение, что она приняла яд. Здесь содержимое желудка и кишечника, их нужно проверить. И еще пробирка крови, если, конечно, вы проводите подобные исследования.

Молодой человек сразу понравился мне – размеренной манерой говорить и тем мягким, но настойчивым жестом, каким оттащил Лоррейн за локоть. Пожалуй, если у мисс Белл что-то завязалось с этим юношей, в дальнейшем я мог меньше опасаться за ее судьбу. Я приблизился и пожал констеблю Соммерсу руку.

– Приятно познакомиться. Конечно, я сделаю все возможное. К сожалению, я не слишком много занимался кровью, вам наверняка известно, что концентрации веществ в ней – еще малоизученный вопрос. Так что давайте начнем с желудка и сориентируемся, исходя из результатов.

– Хорошо, – ответил Дин.

– И… – я поколебался, но все же исполнил формальность. – Соболезную, мисс Белл.

Лоррейн посмотрела на меня, ее лицо было почти каменным.

– Спасибо, Артур. – Она потерла висок. – Не сердитесь на меня, я нервничаю. Понимаете, мало того, что бедняжка Хелена умерла очень странно, так еще один тип…

Закончить она не успела: дверь, которую я так и не запер, распахнулась. В лабораторию обычной бодрой походкой вошел мой старый знакомый, Герберт Нельсон. Он огляделся и поднял брови.

– Гости, Артур?

Я не успел ответить: Лоррейн моментально превратилась из скорбного ангела в разъяренную эриннию[8], отскочила от своего полицейского и зашипела:

– Токсикологическая экспертиза, мистер Нельсон. Посторонним…

Он, не слушая, приблизился и энергично тряхнул мою руку.

– Впрочем, чему же я удивляюсь. Что ж, давай официально: здравствуйте, мистер Сальваторе.

– Послушайте, вы сами отвергли гипотезу с ядом, – продолжала возмущаться за нашими спинами мисс Белл. – И если вы…

– Отверг. Но сейчас решил, что будет лучше все же узнать результаты.

– Кто вам их даст?

– Мой друг Артур.

– *Мой* друг Артур, – процедила сквозь зубы Лоррейн, – даст результаты только мне и констеблю. Ведь правда? – Она бесцеремонно ткнула меня в грудь.

– И еще мне. – Сыщик навалился на мое плечо. – Правда, Артур? Ты никогда еще меня не подводил.

Как же. Подведешь тебя…

Герберт Нельсон с первой встречи часто оказывался причиной моих проблем. Ослиное упрямство, самолюбование и гордыня дополняли его острый ум самым плачевным образом. О пестром букете прочих противоречивых качеств говорить было излишне. На службе в Королевском Воздушном Легионе он быстро сделал карьеру и получил высокое звание, обойдя многих. В жизни общение с ним утомляло и вело зачастую к дурным следствиям. Взвод, которым он командовал, боготворил его, но друзьями, кроме меня, Нельсон не обзавелся. Конечно, никому не приходилось столько вытаскивать его из пекла, сколько мне. Я вытаскивал, в какой-то мере симпатизируя ему, а в какой-то просто испытывая ответственность. Не за него, за тех, кто, даже истекая кровью, бросался в атаку по одному красивому взмаху руки командира Нельсона. *Своего командира.*

Служба давно осталась в прошлом. Нельсон успел разочароваться в военном деле, пожить в Штатах и обожаемой Франции, раскрыть не один десяток преступлений, загубить репутацию и приобрести кличку «Падальщик». Он давно выбирался из пекла без моей помощи, виделись мы нечасто, наша дружба увядала: Герберт вообще становился все нелюдимее. Одно осталось незыблемым как нагорья Тибета: факт, что Падальщик, где бы ни объявился и о чем бы ни попросил, приносит несчастья.

Я закатил глаза и отпихнул его.

– Если полиция уполномочивает, я дам результаты вам обоим, как велит Устав Королевских Криминальных Экспертов. Но для этого мне нужно их получить, а работать в атмосфере громовых раскатов я не намерен. Вон. Оба. Зайдите вечером. Надеюсь, мисс Белл, вы не забыли, что кто-то должен наблюдать за моими действиями и в случае чего отвечать на вопросы по обстоятельствам дела? Мне может потребоваться что-то прояснить. Вы останетесь?

Частные сыщики переглянулись. Быстро бросив констеблю: «Следи за экспертизой», Лоррейн махнула мне и вышла из лаборатории. Нельсон присвистнул и последовал за ней, хлопнув меня по плечу.

– Не скучай. В другой раз я составлю тебе компанию.

Соммерс открыл рот, чтобы его одернуть, но тут же закрыл – вероятно, догадавшись, что Падальщик просто пошлет его куда подальше. Мы остались вдвоем. Молодой констебль потерянно заморгал: быть наблюдателем он явно не планировал.

– Я должен… Гриндель… он меня убьет!

---

[8] Эри́нии (от *др.-греч.* «гневные») – античные богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии.

Убьет, можно не сомневаться. Если, конечно, узнает и если мисс Белл не выяснит что-то ценное, а она наверняка выяснит. Я, начиная расставлять склянки, кинул вопросительный взгляд через плечо.

– Эти двое… всегда так?

– С первой встречи. – Полицейский вяло усмехнулся.

– А когда она была?

– Вчера.

– Это многое объясняет. – Вынимая из шкафа реактивы, я тяжело вздохнул. – Поможете мне со спиртовкой?

[Лоррейн]

Не намеренная обращать на великого сыщика внимания, я зашагала вперед. Мой путь лежал в художественную школу Хелены, и я надеялась поговорить с ее учителем, пока Артур закончит работу. Мистер Блэйк был одним из последних, кто видел ее живой, и, может, заметил в ее поведении что-то странное. Или… принял в этом «странном» непосредственное участие?

Обернувшись, я увидела, что Нельсон идет следом. Его высокие сапоги скрипели по выпавшему за ночь свежему снегу. Я остановилась, а когда он поравнялся со мной, грубо схватилась за край серого шарфа.

– Куда это вы, можно узнать?

Он невозмутимо глянул на меня сверху вниз.

– В школу искусств. Поговорить о вашей сестре. А вы?

– Туда же, – помедлив несколько секунд, мрачно ответила я.

– Мисс Белл, скажите честно. – Нельсон деланно вздохнул. – Я правильно понимаю, что у меня нет шансов избавиться от вас?

– Правильно. Ответите на такой же вопрос?

Сыщик фыркнул и с достоинством выпрямил спину. Отвечать на вопросы? Мне? Многовато я хочу. Молчание затягивалось, и я все же решила прояснить кое-что еще:

– Поймите. Это мое личное дело. *Моя* сестра, которая, оказывается, пускала в комнату непонятно кого. Я догадываюсь, это из-за того, что мать не дает нам ни капли свободы. Я… я должна узнать правду, мистер Нельсон. И… – я поколебалась, но все же закончила: – Лучше я предупрежу. Не мешайте мне, или я найду способ убрать вас с дороги.

Нельсон пригладил волосы и, подняв голову, посмотрел в небо. Не знаю, молился ли он о моем немедленном превращении в жабу или собирался с мыслями, но вид у него был либо как у поэта, либо как у далматинца, – со всеми этими маленькими черными родинками на бледном лице. Пожалуй, второе было ближе к правде.

– Вы страстная особа, мисс Белл. Если вы уже готовы устранять меня… – Он опустил взгляд, и я в очередной раз поразилась его длинным девичьим ресницам, – не *устранили* ли вы сестру? И примечательно, что дело дали полицейскому из вашего окружения.

Только мысленное напоминание о приличиях помешало мне что есть силы стукнуть его тростью по голове. Впрочем, нет, свою роль сыграла еще лень: трость нужно было поднять. Я ограничилась легким туше в колено, и Нельсон отскочил.

– Можете подозревать меня, пока не подтвердили алиби, – я прищурилась, – но не смейте трогать Дина.

– Его алиби я тоже проверяю.

– Удачи.

Сделав вид, что забыли друг о друге, мы пошли дальше. Полупустые улицы Лондона располагали к тому, чтобы помолчать и успокоиться. Это я и попыталась сделать, с удовольствием

разглядывая пестрые вывески лавок, подмерзающий в глиняных кадках вереск и пролетающие иногда над крышами гондолы.

– У вас с сестрой были хорошие отношения? – спросил Нельсон через какое-то время.

Уже немного умиротворившаяся, я неопределенно пожала плечами.

– Вы, наверное, вчера убедились, что я не близка с семьей. Особенно с тех пор, как отец умер: меня считали его любимицей и до сих пор мне этого не простили. Отец смел даже говорить, что мне место в Парламенте…

– Хм.

Он кашлянул в кулак, но за кашлем точно прятал смех. Захотелось еще разок стукнуть его палкой, но я справилась с искушением, дав чертову сыщику секунд десять, чтобы исправиться. Он попытался:

– Мне жаль, что ваш отец…

– Не надо, – прервала я. – Это было давно. Папа был ко мне и к сестрам очень добр и… как говорят… *лоялен*, многое позволял, а мать считала, что нас надо воспитывать строго. Вы видели: сестры и она обряжены в кринолины. Болезненно осторожны. Кротки. К Времени Независимых и его возможностям они относятся сами понимаете, как. Поэтому мать меня не жалует. Хотя я не первая и не единственная женщина-детектив в Лондоне.

– Но, видимо, единственная, кто сочетает эту работу с работой в притоне.

Я праведно возмутилась и возразила:

– У нас не притон, а кабаре. Театр, можно сказать. Чудесные музыканты, и…

– Любите музыку?

– Люблю. А вы?

Почему-то Нельсон пришел в замешательство: какое-то время молчал, просто смотрел на снег, потом на свои ладони. Наконец спрятал их в карманы и отозвался:

– Да, играю на фортепиано. Всегда хотел быть музыкантом.

– Не стали, поэтому такой злой?

– Вы ко мне просто беспощадны.

Меня начинал забавлять странный разговор с «великим сыщиком» – а ведь по первому впечатлению казалось, что он вообще не умеет общаться с людьми. Но он явно умел: удивительно, как легко презрительные интонации в голосе сменялись почти чарующими. Но стоило быть начеку, Падальщик мог просто изображать джентльмена, чтобы заручиться моим доверием и использовать в своих целях.

Нельсон вдруг нахмурил брови, улыбка исчезла.

– Ваше доверие – последнее, в чем я нуждаюсь. Не извольте беспокоиться.

Я вздрогнула и удивленно посмотрела на него, лихорадочно соображая, не высказала ли мысль вслух. Но лицо сыщика неожиданно снова стало безмятежным.

– У вас выразительные глаза, Лоррейн. И вы окинули меня взглядом так, словно пытались понять, в каком кармане у меня удавка. А еще вы отставляете трость немного не под тем углом, под каким делали это раньше. Увеличиваете расстояние между нами. И только что вы неосознанно провели по губам пальцем. Этот жест часто означает глубокие размышле…

Я не спорила, позволяя ему высказывать догадки и исподтишка наблюдая за его ногами. Вот он наступил на замерзшую лужу, взмахнул руками и…

– Да, именно так. – Я присела на корточки рядом и начала аккуратно вынимать грозу преступности из сугроба. – Но вы увлеклись. «Холодное чтение»[9] окончилось крайне холодным падением. Ушиблись?

---

[9] Холодное чтение – набор приемов, которые используют экстрасенсы, гадалки, медиумы и иллюзионисты, чтобы создать видимость, будто знают о человеке больше, чем на самом деле. Холодное чтение включает анализ языка тела, стиля одежды, манеры речи и т. д.

У него даже слегка покраснели щеки. Он насупился, вскочил и досадливо отвел взгляд.

– Нет, не волнуйтесь. И… да, остроумно. Про «холодное чтение». Даже не думал, что вы…

– При нынешнем увлечении спиритизмом[10] и прочей подобной чушью трудно не знать этого выражения. К тому же техника полезна в работе.

Нельсон не ответил. Мы прошли еще немного, прежде чем я снова услышала его голос:

– Простите за прямоту.

– Да нет, вы правы. – Я отряхнула его волосы и пальто, не отказав себе в удовольствии стукнуть по спине сильнее, чем надо. – Я не доверяю вам. Знаете, я настороженно отношусь к другим сыщикам по понятным причинам. А еще… вы же понимаете, почему мать наняла вас, что она хотела этим сказать мне и… в общем, забудьте. Так почему вы не стали музыкантом?

Он усмехнулся, снова поворачиваясь ко мне.

– Нельсоны ведут благородный род, сами понимаете, от кого[11]. В нашей семье все военные и все англичане до мозга костей. Мне тоже пришлось отслужить в Легионе, а после этого глупо было возвращаться к музыке. Сонаты не играют окровавленными пальцами. Тем более, узнав, что я отказался от военной карьеры, отец лишил меня наследства.

– О, мне это предстоит. Мать…

Я спохватилась: с чего это я буду жаловаться? Разговор и так вышел слишком уж откровенным для второй встречи. Я покачала головой.

– Просто поверьте: будь на месте Хелены я, она бы не плакала, а вам бы не платили. И заказали бы самый дешевый гроб.

Он ничего не ответил, продолжая идти вперед. В воздухе вдруг что-то мелькнуло, и на плечо Нельсону сел белый голубь с пышным веероподобным хвостом. Воркуя, голубь дался сыщику в руки и позволил отвязать от лапы записку. Прочтя ее, Нельсон чему-то улыбнулся, дал птице семян из кармана и выпустил.

– Домой.

Голубь взлетел и вскоре стал неразличимым на фоне снега. Сыщик, глядя вслед, спрятал свернутый листок.

– Вчера был другой, – заметила я. – Много у вас знакомых птиц?

– Не очень, – рассеянно отозвался он. – И они не просто знакомые.

– Насколько я знаю, голуби могут найти только дорогу из голубятни в голубятню… а этот нашел вас посреди улицы. В чем трюк?

Нельсон посмотрел на меня снова, с выражением такого превосходства на холеной физиономии, что мне почти захотелось провалиться сквозь землю.

– Среди голубей тоже встречаются особенные. Вы же не думали, что ум и уникальность – привилегии человека?

От нелепости этого заявления я даже фыркнула.

– Я вообще, знаете ли, редко размышляю о таких вещах, как уникальность и… голуби!

Нельсон не ответил. Его лицо перестало быть надменным, оно просто застыло. Сыщик смотрел теперь в белесое небо, туда, где исчез белый питомец.

– Держу их дома. Люблю птиц, мисс Белл. Больше, чем людей, как бы странно это ни звучало при моей профессии. Голуби вернее. Всегда возвращаются.

– А чем вас обидели люди? Их просто труднее приручить. Особенно… – я невольно усмехнулась, – женщин.

---

[10] Спиритизм – в широком смысле – практики общения с духами. Вошел в моду в Европе в конце XIX – начале XX вв.

[11] Нельсон, Горацио (1758–1805) – английский флотоводец, вице-адмирал. (1801). Одержал ряд побед над французским и испанским флотами, в т. ч. при Абукире и Трафальгаре (в этом бою был смертельно ранен).

Нельсон немного замедлил шаг, потом и вовсе остановился – поправить на сапоге застежку. Когда сыщик догнал меня, я заметила, что он улыбается краем рта.

– Не горю желанием проверять. Женщины отнимают времени больше, чем наркотики, и так же легко лишают разума. Поэтому в последние годы я воздерживаюсь и от тех, и от других.

– Вот как… – я кивнула. – Наконец-то вы проявили хоть одну черту, свойственную знаменитому детективу из рассказов в «Стрэнде».

Нельсон заинтересованно потер подбородок.

– Не жалую беллетристику, но не о Холмсе ли вы говорите? Его трудно с кем-то перепутать.

– О нем и о его боязни потерять рассудок из-за любви. Хотя наркотиками он не брезговал.

Сыщик, так и не повернувший ко мне головы, снова спрятал руки в карманы.

– В отличие от него, я не боюсь. У меня просто нет желания и необходимости. Думаю, это личный выбор. Наркотики разъедают мозг, женщины разъедают сердце. К тому же в большинстве своем они чуть умнее растений. – Он помедлил. – Не обижайтесь, я не о вас. Думаю, попадись вы Холмсу на пути, он бы пересмотрел некоторые убеждения.

Это был неплохой удар, куда эффектнее «холодного чтения». Оказывается, Нельсон умел делать комплименты, которые мне нравились, и это было его козырем. Правда, он не учел, что после такого мне самой захочется пойти в атаку. Я поймала сыщика за локоть и, глядя в упор, медленно облизнула губы.

– Лестно слышать, не скрою. Холмс – замечательный детектив, но у него есть большой недостаток: его не существует. А как насчет вас?

Я поняла, что наступила на лед, слишком поздно, и, уже падая, почувствовала, что Нельсон подхватил меня. Какое унижение, господи. Сыщик ловко поставил меня на ноги, хлопнул по плечу и отступил.

– А я бы устоял. Этим мы и отличаемся. Хотя не стану спорить, многие его методы и взгляды мне близки. В том числе «холодное чтение», – он изогнул бровь, – которое, оказывается, часто приводит к холодным падениям. По крайней мере, по вторникам.

Он пошел дальше. Я некоторое время смотрела ему вслед, пытаясь восстановить дыхание и кипя от гнева. Наконец, прохромав мимо нескольких крайне удивленных прохожих, я догнала сыщика. Он, кажется, больше не собирался со мной беседовать: все его внимание поглотили окружающие нас здания. Я решила не усугублять ссору.

– А вы давно знакомы с Артуром? – задала я еще один интересовавший меня вопрос.

Нельсон кивнул.

– Служили вместе, он был отличным медиком. Но, полагаю, вы прекрасно понимаете, с какими испытаниями духа сопряжен подобный крест. Как и я, он разочаровался в войнах, и, пожалуй, к лучшему. А откуда его знаете вы?

– Он помог мне встать на ноги, когда, – я указала взглядом на трость, – это произошло. Помог не только в прямом смысле. Возможно, этого не видно, но… он очень умеет поддерживать.

Я замолчала: слова разбудили не очень приятные воспоминания. Нельсон, увлеченно изучавший название улицы, на которую мы свернули, наконец снова повернулся ко мне.

– Да, Артур в своем роде удивительный. Хоть и похож на замороженного мамонта.

– Что? – Я подняла брови.

Сыщик пожал плечами.

– Ну, такой большой волосатый слон, их иногда находят в ледниковых пещерах. У мистера Сальваторе даже волосы такого же цвета, как шерсть мамонта. И длинные. И падают на глаза.

– Волосатый слон, – задумчиво повторила я, пытаясь понять, шутит Нельсон или нет. – Артур – волосатый слон… Интересно, почему же?

– Потому, – улыбка неожиданно исчезла с лица, – что вымерший вид. Одиночка. Всегда таким был. Он вас к себе не подпустил, верно? – Прежде чем я бы ответила, Падальщик тяжело вздохнул. – И меня. Впрочем, в юности я, наверное, был последним человеком, какого хотелось к себе подпускать. Зато сейчас… – и он приосанился.

Проигнорировав всплеск самолюбования, я хмыкнула. Теперь я поняла, насколько меткой была характеристика, данная сыщиком Артуру, хоть вначале она и казалась полной ерундой. Мой друг не подпускал меня ближе, чем на расстояние, позволявшее опереться на его руку. В прямом и переносном смыслах. А сам не опирался ни на кого и никогда.

Впереди замаячило белое здание школы искусств. Оно было четырехэтажным и напоминало храм – с портиками, колоннами, высоким сводом, поддерживаемым какими-то каменными дамами вроде муз. Мы с Нельсоном вошли в ярко освещенный холл, украшенный картинами и скульптурами, и остановились в некоторой нерешительности.

– Могу я чем-то вам помочь? Вы явно потерялись.

Мы обернулись на голос. В холл только что вошел светловолосый мужчина лет тридцати. Спокойные серые глаза скользнули по нашим лицам. Я вежливо улыбнулась и заговорила первой:

– Скажите, пожалуйста, занятия идут? Нам нужен мистер Блэйк, учитель рисования.

– Это я. – Мужчина снял теплый плащ и повесил на большую вешалку, выполненную в виде ветвистого дерева. – Занятия в моем классе начнутся через пять минут. Что вам угодно? Кажется, вы уже несколько не в том возрасте, чтобы записываться. Родители?

– Нет, что вы! – Я покачала головой, в ужасе от одного этого подозрения. – Мы… в общем… Вашу ученицу, мистер Блэйк, вчера убили. Хелену Белл. Это моя сестра.

Лицо мужчины ничего не выразило, лишь брови слегка приподнялись.

– Неужели… бедная девочка. Жаль, я возлагал на нее большие надежды. Она была талантливой.

– Вы последний, кроме членов семьи, кто видел ее живой, поэтому нам надо с вами поговорить. Я веду расследование, мне нужна помощь. Меня зовут Лоррейн Белл, а этого господина – Герберт Нельсон.

Говоря, я краем глаза наблюдала за «этим господином». Он непринужденно расхаживал по холлу, осматривая все вокруг и подолгу останавливаясь перед картинами. Один раз он вернулся к входной двери и выглянул на улицу. Я нахмурилась, но продолжила:

– Мы не отнимем много времени. Но хотелось бы не откладывать.

Мистер Блэйк поколебался, потом со вздохом кивнул.

– Хорошо. Идемте наверх. Я дам ученикам задание и поговорю с вами. Подождите…

Вернувшись к вешалке, он снял с нее бумажный пакет и вынул две круглые коробки.

– Всегда покупаю ученикам сладости, здесь неподалеку замечательная кондитерская. Шоколад там нежный, особенно трюфели.

– Милая традиция, – улыбнулась я. – Но с чего такая щедрость?

«И откуда деньги?» – мелькнула мысль. Вряд ли на жалование учителя можно баловать детей каждый урок. Коробки, обклеенные серебристой бумагой с тиснением, выглядели вовсе не дешевыми.

– Не знаю… – бесхитростно отозвался мистер Блэйк. – Так сложилось. Может, потому что у меня нет даже племянников. Может, потому что художники в душе дети, хотя младшей из моих студенток уже пятнадцать и через месяц она выходит замуж. Я их очень люблю. Идемте за мной.

Мы начали подниматься по широкой, устланной бордовым ковром лестнице. Нельсон догнал нас и пошел следом. Было довольно тихо, лишь один раз я услышала из какого-то коридора скрипку.

– Сегодня почти свободный день, – пояснил мистер Блэйк. – Занятия у меня, у скульпторов и в одном из музыкальных классов.

– Кто основал эту школу? – неожиданно спросил Нельсон. – Когда?

Учитель рисования, как мне показалось, не был рад вопросам. Он поправил волосы, поудобнее перехватил коробки с конфетами и холодно ответил:

– Я преподаю здесь три года, школа существует дольше. Насколько мне известно, ее основали люди высокого ранга. Надеюсь, вы понимаете, *кого* я подразумеваю. Ее Величество посещает нас. Это… – в голосе зазвучала гордость, – великая честь. Именно поэтому я особенно удручен смертью мисс Белл. Она должна была вчера закончить учебную работу, а сегодня начать рисовать весенний подарок для Ее Величества. Честно говоря, – он потер лоб, – вы выбили из-под моих ног почву своими новостями. Не знаю, кому в классе еще можно доверить такую серьезную вещь. Другие ученики способные, но…

– Мне жаль, мистер Блэйк, что моя сестра вас подвела, решив умереть.

Я невольно повысила голос. Учитель рисования вздрогнул и обернулся.

– Что вы, мисс Белл, я ни в коей мере не хотел… просто…

Просто блеснуть перед Королевой – цель года, а смерть ученицы помешала. Просто не сомневаюсь, что если бы ты догадывался, что ей что-то угрожает, оплатил бы ее охрану из собственного кармана. Просто все амбиции написаны на твоем лице. И если приглядеться – к коврам, начищенным перилам, превосходным электрическим светильникам, хотя электричество все еще дорого даже для столицы, – то я зря заподозрила что-то по поводу конфет. От этого холодного высококлассного места пахнет большими деньгами и гонором. Не просто пахнет. Смердит.

Видимо, все мысли отразились в моих глазах, потому что мистер Блэйк нахмурился.

– Извините. Зря я это начал…

Поймав острый предостерегающий взгляд Падальщика, я заговорила о другом:

– Странно… моя сестра не говорила о том, что ей предстоит рисовать подарок Королеве.

– Она не знала. – Мистер Блэйк вздохнул. – Я хотел сказать сегодня. А вчера просто попросил поторопиться с пейзажем, даже позволил взять его домой. Он тоже мне нравился, столько жизни… Знаете, ее работы были особенно хороши тем, что…

– Простите, мистер Блэйк, а кто ректор вашей школы? – перебил Нельсон.

Мы, свернув в длинный коридор, пошли вдоль окон. И снова мне показалось, что учителю не понравился вопрос. Он приблизился к одной из дверей и взялся за ручку.

– У нас нет ректора. Все решает учительский совет, куда вхожу и я, а потом решения утверждаются теми, кто, как я уже сказал, дает нам средства. К счастью, нам вообще редко приходится что-либо решать, кроме вопросов проведения творческих вечеров и вернисажей. И не думаю, что эти сведения помогут вам найти убийцу.

Он распахнул дверь в класс. Здесь было целых четыре больших окна, все заливал ясный дневной свет. Молодые люди и девушки, в основном, возившиеся с мольбертами, повернули к нам головы. Я вздохнула, остановив взгляд на одном из пустых мест, наверняка оно принадлежало Хелене. Комнату наполнил гул голосов: ученики приветствовали учителя. Он прошел к одному из окон и положил коробки с конфетами на широкий стол. Дождавшись тишины, мистер Блэйк прокашлялся.

– Доброе утро. У меня для вас очень плохая новость. Такие не сообщают с порога, но это действительно важно. Мисс Хелены Белл вчера не стало.

Может, новость вообще не стоило сообщать. Ученики оцепенели на несколько секунд, потом разом заговорили. Я увидела испуганные лица, услышала настороженные перешептывания. И еще я отчетливо различила, как кто-то тихо пробормотал:

– … Дьявол-Из-Холста ее убил… он…

Какая-то местная шутка? Почему-то по спине побежали мурашки. Я начала лихорадочно выискивать того или ту, кто мог это сказать, но, не найдя, снова развернулась к Блэйку. Тот поднял ладонь, прося тишины.

– Это горе. Кто хочет, может отправляться сегодня домой. Но я напоминаю, что скоро в школу приедут *гости*, и, я думаю, всем вам хотелось бы, чтобы они увидели ваши работы.

Ожидаемо: никто не ушел. Молодые художники в большинстве своем замолчали, настороженно глядя на учителя. Мистер Блэйк слабо улыбнулся.

– Славно. Те, кто не успел что-то закончить, приступайте. Кто успел, – новое задание. Сегодня можете рисовать в любом жанре, любой технике. Только пусть будет что-то зимнее. Холодная гамма. – Получив несколько кивков, он продолжил: – Конфеты, как обычно, – на столе. Каждый, кто испытает недостаток вдохновения, может взять по одной из любой коробки. А мне нужно отлучиться.

Он жестом указал нам на дверь, и мы вновь вышли в коридор. Убедившись, что ученики больше не могут его слышать, Мистер Блэйк устало прислонился к подоконнику и покачал головой.

– Бедные дети. Они нескоро успокоятся. Может, у Хелены не было здесь близких друзей, но примером она была великолепным.

– Она вчера пришла домой в хорошем настроении, – заметил Нельсон. – Так сказала ее мать. На занятиях она тоже показалась вам веселой?

– Да, пожалуй. – Блэйк кивнул, поглядывая на улицу. – Впрочем, она вообще редко грустила. Чаще бывала не сосредоточена, мечтала, и я ее за это ругал. А вот вчера все было очень хорошо. Она настолько погрузилась в картину, что забыла даже о конфетах, хотя обычно хватает их первой… хватала.

– Она ни с кем не ссорилась? Не замечали?

– Нет, как мне кажется. Правда… – Секунду он колебался, – есть у нас девушка, из младших в классе. Луна Эрроу, может, заметили, маленькая блондинка в ледже. Луна тоже хорошо рисует и, мне кажется, у них было что-то вроде соперничества. Я даже сомневался, кому доверить подарок Королеве. До конфликта не доходило, но знаете, противостояние в творческой среде всегда ощутимо. Помните, например, легенду о двух композиторах, Моцарте и Сальери?

О нет. Нет, нет, только не здесь, не снова, не…

– Мисс Белл?

К горлу подкатила тошнота. Спазм был таким, что я покачнулась и оперлась ладонью о стену.

– Мисс Белл, что с вами? – Учитель рисования повернулся ко мне. – Душно? Вам стоило оставить пальто внизу, здесь отличное отопление.

– Нет… – выдавила я. – Продолжайте.

– Конечно, это была шутка, – медленно, по-прежнему не сводя обеспокоенного взгляда с моего лица, произнес мистер Блэйк. – Но Луна не пришла на занятия. Раньше она их не пропускала. Кстати… а как мисс Белл умерла?

– Ее задушили, – ответил Нельсон. – А перед этим, кажется, еще и дали яд, из-за которого девушка не сопротивлялась.

Мистер Блэйк опустил голову, прижал ладонь к собственной шее. Может, ему тоже стало тошно при мысли, как кто-то душит ослабшую Хелену. Наверное, живой ум художника воссоздал эту картину в особенно ярких красках. Очень тихо он сказал:

– Отвратительно. Я надеюсь, вы поймаете того, кто это сделал. Если я могу быть вам полезным чем-то еще, я в вашем распоряжении.

– Можете. – Нельсон поправил шарф. – Не было ли у Хелены кавалера в классе? Не провожал ли ее кто-то до дома?

Печальная улыбка мелькнула на сжатых губах учителя.

– Одна из бед гения. Ее все считали несколько… неприступной. Она была одна, всегда. Может, желаете поговорить с кем-то из учеников?

Я готова была согласиться: многое в этих стенах не давало мне покоя. Но Нельсон неожиданно покачал головой.

– Нет необходимости. Пока что. Возвращайтесь в класс, у нас есть еще дела. Спасибо.

Учитель рисования бросил на меня еще один тревожный взгляд, но ничего не сказал: лишь поклонился и направился к двери. Уже берясь за ручку, снова обернулся – и я поразилась выражению, мелькнувшему у него на лице. Пустая, серая маска… помертвели даже глаза.

– Найдите убийцу. Найдите, прошу. – И он скрылся.

Когда мы снова оказались на улице, я зачерпнула ладонями снега и умыла лицо. Нельсон, с интересом наблюдавший за мной, поинтересовался:

– Высокое давление? Или вчера перепили?

– Нет, – отрезала я и быстро пошла вперед.

Нога ныла, но в этот раз Нельсону пришлось догонять меня, а не наоборот. И в этот раз мне не хотелось говорить: выводы о Блэйке я собиралась оставить при себе, по крайней мере до того, как узнаю результаты экспертизы. Сыщик все же спросил:

– Он вам не понравился?

– Трудно сказать… наверняка хороший учитель. И наверняка половина девушек и некоторые юноши в него влюблены.

– Женский вывод. – Он хмыкнул. – Полезный.

Но мне было не смешно. Я посмотрела на часы: оставалось еще много времени до встречи с Артуром. И мне просто необходимо было как-то выкинуть из головы то, что пробудила *одна простая фраза* мистера Блэйка. Возможно, этим я подводила Дина. Скорее всего, подводила. Вздохнув, я посмотрела на Нельсона особенно внимательно и сказала:

– У меня еще дела. Встретимся, скажем, в пять часов. Ознакомимся с результатами экспертизы, и…

– Так мы внезапно работаем вместе? – Сыщик иронично приподнял бровь.

Этот чертов тон. Подступала знакомая волна раздражения, которая усиливалась накатывающей дурнотой. Скрипнув зубами, я уточнила:

– А у вас есть выбор? На минуточку, у вас даже нет санкционированного доступа к данным экспертизы. Не забывайте об этом. Вы зависите от нас.

– Послушайте, мисс Белл…

– Послушайте, вы, – прервала я. – Я вам уже объяснила, и вам придется смириться. Периодически вы будете встречать на дороге «чуть более умное существо, чем растение», то есть меня. Теперь – точно будете. Так что… ради Бога. Либо заткнитесь, либо сдохните.

Он молчал, возможно, ожидая еще выпадов, но мне не хотелось произносить ни слова больше. За дурацкие разговоры по дороге в школу теперь было стыдно. И… я страшно хотела вернуться назад. К привычной жизни, когда то, что я расследовала, меня не касалось, когда *труп* был *трупом*, а не *мертвой сестрой*. Но это было невозможно.

Осталось одно место, где, как мне казалось, я чувствовала себя спокойно. Почти как дома, если бы у меня был дом. Я взглянула на Нельсона еще раз.

– У вас есть время подумать. Не расстроюсь, если больше вас не увижу. Но боюсь, до встречи. Пять часов. Королевские лаборатории.

И, развернувшись, я побрела ловить кэб или воздушную гондолу, чтобы добраться до кабаре «Белая Лошадь» – на самую окраину Сити. Нельсон молча провожал меня глазами.

[Артур]

– Растительное вещество, мистер Соммерс, – констатировал я, разглядывая пробирку. – Близкое к атропину – алкалоиду, который содержится в белладонне. Но не чистый атропин. Смесь.

Дин, видимо, успевший задремать под мои объяснения, приподнял голову от стола.

– Смертельна?

– В этом и загвоздка. Не могу понять, как за такое короткое время яд попал в кровь. Это возможно только при вдыхании.

– То есть, она его вдохнула?

– Вероятно, – рассеянно ответил я, рассматривая фильтровальный аппарат. – Но… не уверен, что это вещество, пусть даже в смеси с чем-то, ее убило.

– Думаете? – удивился Соммерс. – Я тоже подозревал… впрочем, лучше поясните.

Я пожал плечами.

– Атропин в больших дозах смертелен, но здесь концентрация невелика. Он смешан с каким-то веществом, тоже растительной природы, но незнакомым. В общем… я не совсем понимаю, с чем мы имеем дело. Нужно проверять.

– Как?

– Жестоко и изощренно.

Из соседней комнаты я принес клетку с двумя мышами и аккуратно поставил на стол. Взяв пробирку с остатками яда и пипетку, я несколько раз капнул поверх лежавших в кормушке зерен; полил и опилки, устилавшие дно, потом принюхался. Казалось, запах не изменился. Я в очередной раз пожалел, что Джека с его чутким носом сегодня нет.

– Подождем. И давайте-ка отойдем подальше, к окну.

Мыши вскоре проголодались и пошли к кормушке. Молодой констебль грустно понаблюдал за ними, потом поднял на меня глаза.

– Много вы их убиваете ради вот такого?

– Не слишком. – Я сел на стул рядом и тоже стал смотреть на животных. – Мне редко попадаются спорные вещества. Почти не встречаем что-то сложнее мышьяка или ртути, иногда цианиды и стрихнин, но на этом все. Нынешние убийцы банальны.

Мыши наелись. Ничего интересного с ними не происходило. Дин зевнул, прикрыв ладонью рот.

– Хотите кофе, мистер Соммерс?

– Не в этой лаборатории, благодарю.

– Боитесь? – удивился я. – Не волнуйтесь, я аккуратно обращаюсь с реактивами и образцами. А вообще, вы можете идти. Основная часть экспертизы закончена, вам больше не нужно здесь находиться. Я составлю для вас с Лоррейн подробный отчет к вечеру и расскажу, что произошло с животными. Вас это устроит?

– Пожалуй, да… – ответил Соммерс, думая о чем-то своем. – Я поговорю с прислугой Беллов и возьму отпечатки. Спасибо за вашу неоценимую помощь. И за то, что… – Угол губ дрогнул в улыбке, – освободили меня так рано.

– Это моя работа, – пожал плечами я. – Спасибо, что составили компанию.

Соммерс ушел. Я посмотрел на мышей, мирно возившихся в опилках и не думавших умирать, и взял учебник итальянского языка. Грамматика была простой; мне не составило труда восстановить ее в памяти, бегло просмотрев страницы. Не вызывало сложностей и словообразование – красивые итальянские суффиксы я особенно любил. Но сосредоточиться так и не удалось. Я беспокоился, как бы ни скрывал это от самого себя.

Я встал, подошел к окну, раздвинул тяжелые гардины и стал смотреть на улицу. По небу сновали корабли, по заснеженной мостовой за кованой оградой – кэбы и омнибусы. По тротуарам спешили куда-то дамы в кринолинах или леджах и сопровождающие их джентльмены. Везде кипела жизнь. Я улыбнулся: впервые шум и свет успокоили меня, хотя обычно я старался даже не приближаться к окнам. Сейчас я вдруг ощутил себя под защитой. Чьей и от кого – было вопросом.

Небольшая гондола приземлилась все там же, за оградой Королевских Лабораторий. Лодка была выкрашена в темно-синий, на боку серебрилась эмблема Нового Скотланд-Ярда. Меня это не удивило: корпуса находились близко отсюда, с весны туда переезжала и моя лаборатория, а сейчас полицейские без зазрения совести пользовались нашими парковочными площадками. Я стал наблюдать.

Из лодки выбрались два констебля, за ними – смуглый человек в длинном светло-коричневом плаще, с отороченным мехом капюшоном. Некоторое время они совещались: полицейские внимательно слушали своего спутника, отдававшего какие-то распоряжения. Волосы у него были рыжеватые, выправка – явно военная. В ножнах на поясе блеснула сабля, кажется, индийская. Мужчина чуть повернул голову… И почти мгновенно я узнал его. Невольно подаваясь к окну ближе, я всмотрелся в грубые черты.

Удивление было безмерным. Ведь, расставаясь, я не был уверен, что еще увижу этого человека живым. Я не знал о нем почти ничего, кроме имени. Но я его запомнил.

Раненый. Июнь 1890 года, Индия

В Калькутте я навещал сестру, недавно вышедшую замуж. Поездка получилась недолгой: еще со времен службы я неважно переношу жаркий влажный климат и радикально настроенных ирландцев, – а именно с таким обручилась Шарлотта. Перед моим отбытием в Англию и произошло *это*.

Последнюю ночь я коротал в гостинице близ порта. Я боялся опоздать на пароход и готов был примириться с не лучшими условиями. Например, с маленькой комнатой, окна которой выходили на бордель. И с сомнительным сбродом, шатающимся по коридорам. И с крысами, бегающими по лестницам. Если никуда не выходить, не принюхиваться и ничего не есть, – сгодится.

Я как раз задвинул засов и собирался лечь, когда снаружи загрохотали шаги. Я не обратил на них особого внимания: решил, что вернулся какой-то подвыпивший гуляка. Но вскоре «гуляка» забарабанил в мою дверь так сильно, что она затряслась.

– Кто это, черт возьми? – мрачно спросил я.

Мне на ломаном английском ответил мужской голос с отчетливым индийским акцентом:

– Сэр, мой хозяин нездоровится, мне сказали, тут жить врач. Откройте, хозяин может умереть!

– Имейте в виду, я вооружен и держу вас на прицеле, – предупредил я. Револьвер у меня действительно имелся. Из-за двери снова раздалось просительное, более тихое:

– Пустите, господин…

Вздохнув и решив, что всегда успею застрелить гостя, я открыл дверь. На пороге стоял примерно тот, кого я и ожидал, – смуглый темноволосый мужчина с грубоватым, но приятным лицом преданного слуги. Его обезображивал лишь рассекающий щеку шрам. Индус робко и благодарно улыбнулся, указывая вправо.

– Мой господин крайняя комната.

– А твои дружки-головорезы?

Индус округлил глаза.

– Мой хозяин… умирать.

Кажется, он действительно беспокоился – так, что даже не смотрел на мой револьвер и не слышал моего резкого тона. Я сдался.

– Пойдем. – В следующее мгновение мне пришлось удержать слугу от порыва бухнуться ниц. – Шевелись.

Он засеменил по коридору. Я следовал за ним, надеясь, что у незнакомого джентльмена просто прихватило живот. Я оказался прав… в своем роде.

Свет в комнате был приглушен, но я отлично видел: у лежавшего на кровати рыжего мужчины проблемы были *действительно* с животом – серьезное ранение каким-то холодным оружием. Кто-то довольно умело наложил швы, но они частично разошлись. Признаков заражения крови – ни нагноений, ни воспалений, – не наблюдалось, что вселяло некоторое успокоение. Впрочем, все это я подметил скорее машинально, в первую минуту. Почти сразу я, услышав стон и увидев искаженное болью лицо, отступил. Раненый дернулся. Опуская руку на рукоять револьвера в кобуре, я гневно повернул голову к индусу.

– Говоришь, господину «не здоровится»? А не беглый ли он заключенный или…

– Боюсь, Амир вынужден был ввести вас в заблуждение, мистер Сальваторе, – раздался со стороны зашторенного окна высокий спокойный голос. – Простите нам этот легкий обман. *Я* его господин, а это мой друг.

Я обернулся. Лицо говорившего скрывал капюшон, зато я видел сложенные на груди руки с длинными пальцами: какой-нибудь писатель непременно наделил бы такими персонажа-музыканта, художника или хорошего вора. Разглядывать долго мне не позволили, – что-то холодное коснулось шеи. *Сабля*. Ее я различил, слегка скосив глаза. Красивая сабля с искривленным лезвием, тальвар, пожалуй. Мне ненавязчиво давали понять, что просто так из комнаты я не выйду.

Пока я отвлекся на клинок, незнакомец приблизился и ловко выхватил из моей кобуры револьвер. Повертел в руках, хмыкнул и, на небезопасный американский манер затыкая за пояс, пообещал:

– Получите назад. Скоро.

Я не отвечал. Незнакомец отступил, сделал несколько шагов в направлении кровати раненого и снова внимательно на меня посмотрел.

– Мой друг попал в беду. Знаете ли, сипаи беснуются, и в городе опасно, особенно людям его положения. Я доставил его сюда, чтобы отправить на более серьезное лечение. Знакомый врач обработал рану и наложил швы. Но, к сожалению, дела потребовали его срочного отъезда раньше, чем я надеялся, а со швами случилась неприятность из-за лихорадки. У нас нет времени искать помощи в городе. Вы…

Сабля холодила мою кожу. Я прикидывал, смогу ли ударить слугу и не получить пулю. Прикидывать приходилось вслепую: возможностей ни индуса, ни его тщедушного хозяина я не знал.

– Даже если отбросить абсурдность и сомнительность вашей ситуации… – я облизнул губы. – Я не вожу с собой на отдых…

Незнакомец без труда угадал продолжение и оборвал меня изящным, но нетерпеливым жестом.

– Врач оставил некоторые инструменты, зная, что я в случае чего найду верные руки и голову. И я нашел. Я смею просить вас о помощи. Поверьте… – тон смягчился, – это очень важно. И поверьте, вам никто не навредит, у вас не будет проблем.

– Какие гарантии?

Я попытался поймать его взгляд. Из-за капюшона было непонятно, удалось ли. Ответ последовал незамедлительно:

– Простые. По законам военного времени. Мое доверие.

– Доверие?..

– Первая гарантия. Амир, убери.

Сабля исчезла, индус отступил. Я мог бы позвать на помощь, но что-то теперь заставило засомневаться в необходимости так поступить. Мой полузабытый врачебный долг, оставленный в Легионе… и, пожалуй, жалость к лежавшему на кровати человеку. Кем бы он ни был, он мучился. Поэтому я просто спросил:

– Вы позволите осмотреть его?

Незнакомец кивнул, и, как мне показалось, губы под капюшоном растянулись в улыбку. Когда я подошел, он решительно вложил мне в руку револьвер.

– Вторая гарантия. Будете стрелять?

Я проигнорировал смешок, вернул оружие в кобуру и начал осторожно, пока не прикасаясь, исследовать рану. Швы действительно наложили умело, кетгутовыми[12] нитями, разошлись они несильно. Воспаления, как я окончательно удостоверился, не было – удивительно для операции, проведенной в столь грязной трущобе. Видимо, незнакомец действительно приложил усилия, чтобы обезопасить своего друга.

– Принесите горячей воды, – попросил я. – Инструменты. И материал.

Незнакомец кивнул. Я внимательнее всмотрелся в лицо раненого – грубое, с орлиным носом, жесткими скулами и тонкой линией рта. На левом виске багровел шрам, свежие раны были на шее и ключицах. Наклонившись, я коснулся прохладного лба и неожиданно почувствовал, что мужчина сжал мою руку – крепко и будто с благодарностью. Пальцы, в противоположность лбу, были горячими. Я поднял взгляд на хозяина комнаты.

– Кто он?

– Неважно. Поймите, я немного опасаюсь… никто не знает, что он здесь, хозяин гостиницы благоволит сипаям, и…

– Ладно. – Я плеснул себе на руки воды из принесенного слугой кувшина, ощутил взметнувшийся запах спирта и удовлетворенно кивнул. – У вас слишком длинные объяснения. Есть усыпляющее?

Он молча взял какую-то тряпку, капнул на нее жидкостью из стоявшего на столе пузырька и, вновь приблизившись к кровати, аккуратно прижал ткань к лицу раненого. На секунду несчастный открыл глаза – золотисто-карие и внимательные, воспаленные. Полный ужаса взгляд остановился на мне, и я попытался ободряюще улыбнуться.

– Не бойтесь. Я здесь, чтобы помочь.

Веки тяжело опустились. Незнакомец сказал:

– Вы хорошо действуете на людей, мистер Сальваторе.

– Откуда вы знаете мое имя? – Я взял иглу и начал внимательно осматривать нить. – Отвечайте немедленно, пока я не начал. Во время работы я не разговариваю.

Я ожидал, что требовательная грубость его разозлит, но в голосе зазвучала совсем другая эмоция – удовлетворение.

– Разумно. И не тревожьтесь, ни я, ни мои люди не следили за вами. Напротив, сам я опасался преследования и заплатил хозяину, чтобы он сообщал обо всех приезжающих. Благодаря этому я и узнал, что вы врач. Более не стану вас отвлекать.

Он дал знак слуге, и оба вышли из комнаты. Правда, снаружи повернулся ключ, но уже отсутствие вооруженного Амира и наличие собственного револьвера несколько успокаивали и обнадеживали: возможно, я не буду убит. Или, по крайней мере, успею помолиться.

Рана успела поджить – везде, кроме участка почти сразу под мощной грудной клеткой. Я не накладывал швов на такие серьезные повреждения уже долгое время, но не без удивления

[12] Ке́тгут – саморассасывающийся хирургический шовный материал, который изготовляют из очищенной соединительной ткани, полученной из кишечника крупного рогатого скота.

понял, что мои руки помнят, как нужно это делать, лучше меня самого. Вскоре я закончил и еще раз внимательно осмотрел рану. Все было в порядке.

Время, отведенное незнакомцем, явно не кончилось: он все не приходил. Я огляделся. Комната казалась обычной, из посторонних вещей – только стопка газет и маленькая музыкальная шкатулка на краю стола. Я не привык лезть в чужие дела, но тут у меня возникло желание осмотреться внимательнее. Пошарить в ящиках, заглянуть в шкаф, хотя бы открыть шкатулку. Мне было интересно, кто скрывался под капюшоном. Передряга могла кончиться скверно. Но мои размышления нарушил слабый стон.

Раненый пришел в себя. Это удивило меня; обычно действие медицинского эфира длилось намного дольше. Впрочем, я мог и предугадать, что выносливый организм рыжего незнакомца справится быстрее.

– Не шевелитесь, – прошептал я, придерживая мощные смуглые плечи, на которых виднелись еще три шрама и россыпи темных веснушек. – И все будет хорошо. Как вас зовут?

– Томас, – хрипло, почти не разжимая губ, ответил раненый.

– Артур, – представился я, невольно снова отмечая, что у него необычные глаза – светлые и холодные, как у… тигра, пожалуй, а может, у орла.

– Вы тоже друг… Моцарта?

– Чей, простите? – удивленно уточнил я.

Рука слабо шевельнулась и указала на дверь.

– А-а-а. – Поняв, что эфир все же действует и вызвал у раненого бред, я покачал головой. – Нет, он просто позвал меня, чтобы я вам помог. Я живу по соседству.

Томас снова измученно закрыл глаза, и я отстранился. Дверь приоткрылась. Хозяин появился в комнате; подойдя, он крепко пожал мне руку.

– Моей благодарности просто нет предела.

– Это моя работа, – отозвался я и зачем-то добавил: – мистер Моцарт.

Он, видимо, удивленный, дернулся, едва не опрокинув стоявший на стуле сосуд с водой, но почти сразу бодро рассмеялся.

– Ах да. Дружеская шутка, прилипла ко мне из-за роста. Сколько я вам должен?

– Не надо. – Я покачал головой. – У меня лишь одна просьба.

– Все, что угодно.

«Снимите капюшон», – хотел сказать я, но сказал другое:

– Когда опасность минует, напишите, как себя чувствует ваш друг. Вот сюда. – Я вынул карандаш из кармана и чиркнул адрес на обрывке газеты. – Нескольких строк будет достаточно. Теперь, надеюсь, я могу идти?

– Конечно, – ответил он. – Счастливого возвращения домой, мистер Сальваторе.

Я вернулся к себе и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Ночь я проспал как убитый, а утром оказалось, что постояльцы из крайней комнаты уже отбыли: дверь была распахнута, на столе не осталось ни газет, ни шкатулки. Возле ножки кровати я обнаружил маленький серебряный скрипичный ключ. Была ли это подвеска от женской серьги или что-то еще?.. Я подобрал ее.

И почему-то не выбросил.

* * *

Томас и констебли еще немного посовещались и пошли по улице в противоположную от лабораторий сторону. Их путь явно лежал к набережной Виктории. Я отвел взгляд от окна и вспомнил, что письмо от индийского незнакомца так и не пришло.

Я присел, выдвинул нижний ящик стола и поднял стопку старых отчетов.

Серебряный скрипичный ключик, полгода пролежавший под ними, исчез.

[Лоррейн]

Наш Квартет суетился, перенося инструменты в гранд-зал. Музыканты были чем-то взбудоражены, их голоса, усиливая осточертевшую головную боль, врезались мне в уши. Маленькая индуска Шахма, похожая на экзотическую обезьянку, трещала с медведеподобным шотландцем Густавом. Здоровый детина, тащивший и ее скрипку, и свой альт, похохатывал; вторили двое оставшихся: козлобородый басист Жюль и вторая скрипка – юный Джеффри, демонстрирующий в улыбке крупные ослиные зубы. В холле толпились еще человек пять из обслуги, включая бармена, гардеробщика и повара. Наблюдая за ними, я неловко остановилась. Я искала спокойное место, которым «Белая лошадь» обычно становилась днем, но нашла что-то не то.

– Какого…

– Моя девочка! – Жерар, бросив попытки отдать гомонящему Квартету какие-то распоряжения, подлетел ко мне и взял за руки. – Я молился всем богам, чтобы ты нашла время на своего старика!

Звучало драматично, Ламартис так умел. Я позволила ему еще немного помять мои пальцы, потом спросила:

– Что случилось? Я о чем-то забыла?

Он всплеснул руками.

– О гостях с Севера! Все подтвердилось, они будут скоро, и если твои дела позволяют тебе за пару часов закончить с цыпочками номер, ну, *тот самый*…

– Позволяют, – кивнула я, устало прислоняясь к стене.

– Твои бледные щечки говорят об обратном. – Ламартис с тревогой смотрел на меня. – Плохо спала?

Скорее скверно проснулась. Буквально полчаса назад. После сна, продлившегося не ночь и даже не год. И, вопреки надеждам, в «Белой лошади» мне не полегчало.

– Ничего. – Я улыбнулась. – Расследование на верном пути. Я пришла специально, чтобы ненадолго о нем забыть, так что если тебе нужны цыганки, ты их получишь.

Он просиял и потрепал меня по волосам.

– Умница! Тогда иди.

Девочки, щебетавшие у зеркала в танцевальной комнате, как по команде повернули ко мне головы. Девять пар любопытных глаз, хлопающие ресницы, запах духов. Все было привычно и наконец помогло успокоиться. Убийства убийствами, прошлое прошлым, а работа работой. Я прошлась вдоль неровной шеренги моих «цыпочек», вглядываясь в лица и ища самые смуглые.

– Все помнят? Через пару часов приедет русский гость, мистер Большой Кошелек. Он отмечает пятидесятилетие – волею судьбы не дома. Надо… – Я задорно подмигнула: – помочь ему почувствовать себя в раю, он тащит с собой много гостей. Платят отлично.

Девочки молчали, ожидая распоряжений, – только Кэти и Элизабет уже начали перешептываться. Я не стала делать им замечаний.

– Итак, мистер Долгоруков хочет вечер в русском стиле. Водка, русская еда, цыганские танцы с бубном. Надеваем черные парики, становимся по волшебству смуглыми, разжигаем в себе пламя. Джулия, Пэппи, Мэри, у вас приятные низкие тембры. Отвечаете за пение. Кэтти, Элизабет, Дороти, Энн – с вас еще и танцы. Не забудьте украшения. Использовать их звон, чтобы… – Я улыбнулась, – очаровать, как вы умеете. Костюмы на чердаке, леди Луиза распределит их и превратит вас в смуглянок. Ясно?

Леди Луиза – пожилая женщина необъятных размеров – была бесценной гримершей и костюмером «Белой лошади». Она носила высокую старомодную прическу с челкой на один

глаз и пышное, будто плюшевое платье. Постоянно она не работала, большую часть времени проводила с внуками в пригороде, но появлялась, чтобы помочь в очередном особенно грандиозном шоу. Ламартис и я не чаяли в ней души. Сейчас леди Луиза, стоявшая в дверях все это время и не пропустившая ни слова, кивнула и сочно пробасила:

– Готовимся!

Девочки ринулись на чердак. Они обожали выбирать наряды, да и на гримировании каждая хотела быть первой.

– Быстро, быстро, быстро! – крикнула я вдогонку. Вскоре возле зеркала я осталась одна и устало прикрыла глаза. Минутку. Просто дайте мне минутку…

За следующий час мои британки всех мастей преобразились. Некоторых я не отличила бы от настоящих цыганок. Я отправила их за кулисы, а сама побежала переодеваться в более-менее приличный наряд. Конечно, в Российской Крылатой Империи, столицы которой, Петербург и Москва, давно стали важными центрами воздушного кораблестроения, много Независимых, и гости бы не удивились моему виду. Но мне вдруг захотелось скинуть ледж и облачиться в платье, я давно этого не делала.

Я переодевалась всего минут двадцать, но, выйдя в холл, обнаружила толпу незнакомых людей в шубах. Вокруг суетились гардеробщик и два швейцара. Из гранд-зала уже доносились пение, музыка, звон. Кто-то подпевал девочкам густым басом. Я улыбнулась: русские явно любили веселиться, и веселье у них разгорелось быстрее костра на ветру. Жерар, вылетевший откуда-то, как черт из табакерки, схватил меня под руку.

– Они млеют! Спасибо!

– Нет проблем. – Слегка одурев от шума, я поправила волосы. – А можно я не буду задерживаться? Мне нужно на экспертизу. Расследование…

Он закивал, как китайский болванчик, но лишь крепче сжал мою руку.

– Тебя хочет видеть наш гость. Сам Долгоруков! Потом можешь лететь куда угодно и не являться до понедельника.

– Гость? *Видеть*? – Я нахмурилась. – Ты же не равняешь меня с…

Он торопливо замотал головой так, что затряслись дряблые щеки.

– Нет, нет! Не то, что ты думаешь! – Он помедлил. – А если вдруг «*то*», можешь съездить ему по роже. Разрешаю.

Меня это не впечатлило.

– Что ему нужно?

– Бегом, – вкрадчиво отозвался Ламартис и без церемоний пропихнул меня в зал.

Я видела мало русских в Лондоне и почему-то ждала, что у Сергея Долгорукова будут красная рубаха, тяжелый взгляд и борода лопатой. Бородка у него действительно была – аккуратная и курчавая. В остальном ожидания не оправдались: глаза у русского оказались бледно-серые, одет он был по-европейски. Лишь пуговицы на жилете казались слишком крупными и аляповатыми, да еще серебряная цепочка – лишней. Мужчина, одиноко сидевший за столом, секунд десять разглядывал меня с интересом, как дикое животное. Я смотрела в ответ. Наконец Долгоруков произнес:

– Вот вы какая, хозяйка богинь. – Голос был тягучий, английский почти без акцента.

– Я не хозяйка.

– Садитесь.

Я поколебалась, но опустилась на стул рядом.

– В нашей стране, знаете ли, девочки так танцуют, без постановки.

– В нашей тоже, но мистер Ламартис…

– Плут, – усмехнулся Долгоруков. – Знает, кого выбирать. А хорошо вы их нарядили и подучили. – Он скрестил на груди руки: – Вот только запомните. Настоящая цыганка на колени к кому попало не сядет, гордая она. Эта их кровь…

Я опустила глаза. Конечно, я понимала, что гость не особенно поверит в маскарад, ведь избавить девочек от их привычной распущенности мне так и не удалось, да я и не пыталась.

– Запомню, – коротко ответила я.

Джулия, Пэппи и Мэри тянули песню, которой я так до конца и не поняла, когда помогала заучивать. Что-то о черных глазах. Гость рассеянно посмотрел на них и снова улыбнулся.

– С душой тянут. Будто чувствуют. Правильно я говорю, все люди, хоть с Африки, хоть с Камчатки, одно чувствуют, да? – Он отпил из маленького бокала-стопки и поморщился: – Слабо. Так да?

– Вы правы, – ответила я, думая почему-то о Нельсоне. Он наверняка оценил бы эти рассуждения более искренне. Погибший музыкальный талант, чтоб ему…

Джулия начала постукивать по бубну и притопывать ножкой. Песня стала веселее.

– Не вешайте нос, – неожиданно благодушно произнес Долгоруков. – Вы порадовали нас, с этими делами на родину не вырвешься. А вообще… – Он снова скользнул взглядом по девушкам на сцене, – туманная она, человеческая душа. Как ваш город. Да?

– Туманная, и Лондон тоже. – В этот раз я понимала предмет разговора лучше и поддержала его. – Хотя англичане в большинстве совсем не такие. Многие говорят, мы скучные.

Долгоруков снова отхлебнул водки и пожал плечами.

– У любого народа есть демоны и загадочные тени. Просто где-то их больше. Как вам кажется, среди кого?

Я задумалась. Лично я знала мало иностранцев. Но исходя из всемирной истории…

– Русские, – начала я. Долгоруков поощряюще улыбнулся. – Японцы. Евреи.

– Соглашусь.

– А кого назовете сами?

Невольно я втянулась в разговор по-настоящему. Может, потому что ожидала вместо него масляных взглядов и приставаний, может, потому что все еще пыталась кое от чего отвлечься, может, потому, в конце концов, что не была склонна к философии, а Долгоруков чем-то к ней располагал. Он огладил бороду и загнул три пальца.

– Цыгане. Ирландцы. Австрийцы.

– Почему австрийцы? – удивленно полюбопытствовала я. – Очень спокойный народ, разве нет?

Долгоруков набрал в грудь побольше воздуха. Я села удобнее, приготовившись к долгому рассказу. Слушать поднятые алкоголем ностальгические истории тоже было частью моей профессии. Обеих моих профессий.

– Лет тридцать назад я знал двоих. Всем парочкам парочка. Мейра и Энгельберт, ирландка и австриец. Я ее первой не просто так назвал. Рыжая, а глаза черные, как угли. Красавица. Как вы.

Я кивнула, проигнорировав пьяную, но безобидную лесть.

– Энгельберт был тихий, обстоятельный, – продолжил Долгоруков. – Настоящий немец. Имя-то какое… ангел, чистый ангел. Со мной в Итоне учился. – На этом месте он вдруг сделал паузу и подмигнул: – Да, по мне не скажешь, что из Итона, так вы подумали? Увалень из тайги, а? Медведи, балалайки?

Юлить было бессмысленно, я кивнула: Долгоруков не походил на человека, закончившего престижнейший из наших колледжей. Он напоминал скорее работягу, разжившегося где-то деньгами, хотя что-то в его манерах выдавало обман. Да хотя бы полная невозможность «холодного чтения»: комичные жесты, пытливые взгляды… Долгоруков был не прост. И если рассуждать о туманных душах, я не ошиблась: среди русских их немало.

– Мой отец считал, что это будет на пользу – иностранное образование, для нашей-то купеческой семьи. Только все-таки у вас здесь Франция и не Германия, где каждая третья студенческая морда русская. Я никак не мог завести приятелей, пока Энгельберт не приехал.

Мы сдружились. Он был умным малым, а еще обожал музыку. Представляете, как-то пошутил, что потомок Моцарта. Того самого, который Ама… Амад…

– Амадеус, – сказала я и получила кивок. – «Любимый богами»…

Меня снова замутило. Имя оцарапало слух.

– Вам плохо? – участливо спросил русский и прибавил: – Выпьете, может?

Я отказалась и закусила губу. В конце концов, людей, считающих себя потомками знаменитостей, море. Например, Нельсон. Едва ли он правда был родственником того самого адмирала. Торопясь уйти от «Моцарта» подальше, я напомнила:

– А девушка? Вы говорили про девушку-ирландку…

Долгоруков, пристально наблюдая за мной, кивнул.

– Да. Мейра. Они познакомились незадолго до нашего выпуска.

Я потерла висок. Беседа, пусть и увлекательная, грозила затянуться, но Ламартис всегда просил нас быть вежливыми. Я стала слушать дальше.

– Я когда ее впервые увидел, не понял, в чем душа держится. Тощая, долговязая, рыжая, одета как… вот в этой юбке, которая из женщины делает мужчину. Мейра была острая на язык, бойкая, слишком умная. – Заметив мою натянутую усмешку, он потер затылок и осторожно признался: – Извините за честность, леди. Не жалую я Независимых.

– Ваше дело, – после неловкого молчания отозвалась я. – Я не в обиде, пока «не жалую» не подразумевает кандалов.

– Не подразумевает! – горячо отозвался он. – Выпьем за это?

– Совсем чуть-чуть.

Спорить о несомненной роли Независимых в истории я не хотела. Русский одобрительно кивнул и налил мне из графина. И где только Ламартис достал столько водки? Мы чокнулись, и я, ощутив, как ядреный напиток течет по горлу, предложила:

– Дорасскажите. Чем же ваши старые друзья так… туманны? Пока я не поняла.

Взгляд Долгорукова устремился в пустоту.

– Всем. Всем, леди. – Он помедлил. – По глупости я Энгельберта отговаривал, когда он заладил свое «женюсь». Родители тоже не радовались: брать в семью ирландку! Нищую, дерзкую, без образования – она была уличной циркачкой, на публике выпутывалась из цепей и вылезала из ящиков, показывала всякие фокусы! Мать Энгельберта сама мне писала, просила переубедить, повлиять… Все зря! В день, как нас выпустили, мои влюбленные просто… сбежали! На небольшом таком воздушном кораблике, который украли у городского начальника полиции. Феноменально, правда?

– Феноменально, – кивнула я. Я неплохо представляла, чего стоит просто стянуть у пилота, тем более, у *такого,* крылатый ключ.

– Было в этом что-то сказочное, даже балладное. Я их провожал, видел, как улетают. – Секунды две русский молчал, потом налил себе еще водки и, глядя на донышко, продолжил странным дрожащим голосом: – Это было то, чего я при своем воспитании почти и не знал, понимаете? Красота. Красота свободы. Он такой счастливый вел корабль, она рядом стояла – волосы развевались, глаза блестели. Она… она была прекрасна. Вот тогда-то я понял. Она сбросила цепи. С себя и с него. Немногие так могут.

– Да, иногда что-то видится только на расстоянии, – глухо ответила я. – На расстоянии в пару небес.

Я вдруг подумала, что моя бедная Хелена оценила бы байку русского от всего сердца и, наверное, нарисовала бы по ней картину. Большую красивую картину с влюбленными и кораблем. От мыслей о сестре стало еще хуже. Я посмотрела на графин с водкой, но удержалась от просьбы подлить.

Долгоруков вздохнул и, видимо, тоже справляясь с какими-то нерадостными мыслями, залпом осушил стопку.

– Я был уверен, что он вернется, Энгельберт ведь был тихоней. А он не вернулся ни в Итон, ни домой. Зато он мне писал. Он всегда писал письма, и откуда они только не приходили… Австралия, Африка, Индия, Южная Америка. Они путешествовали. И не просто путешествовали. Знаете, чем они занимались? – Он таинственно понизил голос.

– Контрабандой? – наугад предположила я. – Работорговлей? Шпионажем?

Русский пренебрежительно фыркнул.

– Неглубоко копаете, ох неглубоко. Они искали сокровища и древние города.

– Неужели?

Долгоруков кивнул.

– Один раз я с ними даже сталкивался. У Черного моря что-то выискивали. Серьезные такие, не одни, с целой оравой то ли ученых, то ли бандитов. И нашли, я сам видел эти необыкновенные драгоценные камни, и корону, и какие-то таблички с письменами… представляете, они подняли это со дна, с помощью водолазного колокола[13]. А когда губернатор сказал делиться, фьють – смылись. Больше я о них долго не слышал. Энгельберт, видимо, испугался. Писать перестал.

– Их не поймали? – удивилась я. – Это ведь незаконно – просто так искать древности.

– Незаконно. Но не поймали.

– А потом?..

Долгоруков наполнил стопку на треть, медленно поднял на уровень моих глаз и опрокинул в себя. Взгляд потух, опустел так же, как стеклянный сосуд, и я догадалась об ответе.

– Они утонули. Вместе со своим судном, где-то возле Японии. Подстрелили их, вы ведь знаете, там не жалуют чужаков еще со времен *черных кораблей*[14]. Давно нет их, моих влюбленных. – Долгоруков со стуком поставил стопку и раздраженно отогнал от себя кого-то из девочек. – Многого я об Энгельберте даже не помню, например, что он есть любил, какого цвета носил сюртуки. А про Моцарта запомнил почему-то. Врезалось, понимаете?

Он потер лоб. Мне показалось, его мысли начинают путаться. Возможно, так и было, и я уже хотела формально попрощаться, когда…

– А раз про Моцарта заговорили… был у нас в Империи такой писатель, Александр Пушкин. Он написал историю про Моцарта и второго композитора, который завидовал ему, звали его… звали…

– Антонио Сальери, – тихо закончила я. Русский вздрогнул. – *Все говорят, нет правды на земле…*

– *А гений и злодейство – две вещи несовместные*, – пристально глядя на меня, произнес он. Лицо побледнело. – Надо же. Мало встречал англичанок, интересующихся нашей литературой. Да еще цитирующих ее!

– Это единственный русский текст, кроме «Братьев Карамазовых» Достоевского, который я… я… я…

Мысли и язык теперь путались у меня, очень хотелось уйти. Я оперлась о столешницу и стала тяжело, неуклюже вставать. Долгоруков смотрел снизу вверх.

– Раз начали, не могу не спросить. Леди, как вы думаете… Он отравил его?

– Кто? – ощущая новый приступ головокружения, тупо переспросила я.

– Сальери.

---

[13] Водолазный колокол – примитивный инструмент для спусков под воду. Был выполнен в виде короба или опрокинутой бочки. Колокол с находящимся внутри водолазом опускали на дно и находящийся внутри воздух имел давление, равное давлению окружающей воды. Воздушное пространство колокола позволяло водолазу некоторое время дышать и совершать активные действия – выходить, либо выплывать.

[14] «Черные корабли» – название, данное японцами соединению боевых американских кораблей коммодора Перри. Они прибыли к берегам Японии в 1853 году и положили начало серьезным революционным переменам, повлекшим смену режима и завершение почти двухсотлетней изоляции Японии от других государств.

– Нет.

Голос прозвучал холоднее, чем я сама ожидала. Перед глазами закружились черные мошки, и я выпрямилась окончательно.

– Простите, я пойду. Приятного вечера.

Он ответил что-то ободряющее и виноватое одновременно, я уже не обернулась. Цыганская песня и хныкающая скрипка резали уши, ноги подгибались. Я пересекла зал и, бросив Жерару: «Сдохну – не буди», ввалилась в гримерную, где оставила вещи. Там стоял диван, на него я и рухнула. Голова гудела. Нет, так не пойдет, так я сегодня не отделаюсь.

Я протянула руку и вынула из кармана пальто сначала мешочек с табаком, потом, передумав, *другой*. Пришлось сесть, зажечь свечу. Вскоре я уже положила небольшой шарик в трубку и поднесла ее к дрожащему пламени. Сейчас… сейчас я сбегу. Сбегу…

Сладковатый запах расползся по комнате быстро, как и всегда, хотя я приготовила зелье отнюдь не так хорошо, как *мастера*. Сделав первую спасительную затяжку и глянув в потолок, я призналась себе, *что* со мной случилось. Я дала воспоминаниям ожить. У них все равно было слишком мало времени до прихода пустоты.

Цветочный город. Давно

…Блумфилд был славным местом. Правда, последние цветы, наверное, увяли здесь еще лет сто назад. Когда я попала в этот городок, раскинувшийся на холмистой пустоши, он уже представлял собой довольно однообразное зрелище: никаких лугов, ягодных садов и даже целебных родников. Возможно, все зачахло, когда начали строить первые типографии, а возможно, – вообще никогда не существовало и только воображение первых жителей подарило Блумфилду красивое название. Так или иначе, типографий тут было множество, как и книжных лавок. Пожалуй, я переименовала бы городок в Букфилд.

Школ-пансионов было две: женская и мужская. Одинаковые группки зданий за одинаковыми оградами располагались на северной и южной окраинах, точно отдаленные отражения друг друга. В блумфилдском женском пансионе я и училась.

Школа мне нравилась: комнатки, где мы жили по четверо, были уютными, учителя – умными, предметы – интересными. Да и строгих порядков здесь не водилось: нас охотно отпускали гулять после занятий. Наверное, по причине полного отсутствия в городке дорогих магазинов, увеселительных заведений и плохих людей. Звучит как утопия, но было именно так. Хотя, может, этим и объяснялось, что делать было нечего, разве что разглядывать витрины с платьями и есть мороженое. Но платья шились на жительниц Блумфилда (по-провинциальному безвкусно), а на мороженое деньги давали не всем. Например, моя мать считала его крайне вредным.

В школе я могла бы завести кучу подруг, за этим меня и отправили именно сюда: считалось, что в будущем пригодятся знакомства с людьми моего круга и выше. Но девочкам я не нравилась. Манеры у меня были далеко не столь хороши, как хотела мать, своеобразный вкус проявился уже лет в десять, когда я взяла папины любимые штаны для верховой езды и сшила себе ледж. А привычка острить над всем, что давало повод, окончательно отбила у юных леди охоту сближаться со мной.

Нас таких было двое – я и Фелисия Лайт. Ее вообще невзлюбили с первого дня, когда мать – затянутая в мужской сюртук тонкая дама с поджатыми губами – распахнула дверь кабинета, где шел урок, втолкнула дочь и холодно попросила остолбеневшую классную даму:

– Вы за ней приглядывайте. Сложный ребенок.

Фелисия – высокая и нескладная, с жидкими темно-каштановыми волосами, – потупилась и сжалась, когда мать клюнула ее сухими губами в щеку и стремительно удалилась. Так мы увидели одну из знаменитых представительниц века Независимых, Хлою Лайт. Она была членом Палаты Лордов, одной из первых женщин в Парламенте. Правда, она столь же мало

походила на женщину, сколь ее дочка – на нормального ребенка. Фелисия сразу забилась в угол, почти не реагировала на учителей, не говорила с нами и рисовала в тетради, за что получила пять замечаний. К концу дня за ней закрепилась кличка – Рехнутая Фелис.

Вечером оказалось, что еще кое-что ставит мисс Лайт в особое положение в гимназии: у нее была своя комната – небольшая, но полностью принадлежавшая только ей. И обучение ее было уже оплачено вперед, до конца. Конечно, у семьи наверняка было много денег, но чтобы настолько…

Девочки долго возмущались по поводу комнаты, – каждая мечтала быть на месте Фелис. Мне было все равно, зато я точно помнила: странная девочка таскает с собой книгу, которую я давно хотела почитать, – русского писателя Пушкина, «Маленькие трагедии». Издание было редкое, с красивыми гравюрами; фамилия – громкой. Я мечтала потом похвастаться невзначай папе, что «читала Пушкина». Я решилась зайти к мисс Лайт в логово. Как много решает в нашей судьбе честолюбие…

Стуча в дверь, я готовилась к презрительному «Что это ты тут забыла?». Но неожиданно Фелисия оказалась другой, нежели в классе, – спокойной, вежливой и вполне дружелюбной. В комнате у нее не было ничего, кроме кровати, двух полочек с книгами и стола, заставленного причудливыми склянками, в которых что-то даже булькало. Фелис сказала, что интересуется химией и что это у нее от двоюродного деда: приборы, книги, записи экспериментов оставил он, а она не дала матери выбросить. Еще Фелис любила рисовать. Я рисовать никогда не умела, и ее карандашные работы привели меня в восторг. На каждой в уголке красовался причудливый вензель-подпись. Она замечательно рисовала, Рехнутая Фелис. Мы проболтали до ночи и, расходясь, уже не чаяли друг в друге души.

Мы дружили все следующие годы. Пока однажды утром я не обнаружила в комнате мисс Лайт ее труп и десятки нотных листов, размокших от крови.

* * *

…Я открыла глаза.

Трудно было сказать, сколько прошло времени, но мне определенно стало лучше. Я смогла даже поспать, хотя музыка и голоса по-прежнему громыхали. Сделав усилие, я подняла левую руку и посмотрела на часы. Черт возьми! Половина пятого!

Я поднялась, торопливо открыла окно, чтобы проветрить, и начала сдирать с себя негнущимися пальцами платье. Пора было переодеваться обратно в броню: юбку, кюлоты, рубашку, жилет. В момент, когда я стояла только в комбинации, дверь распахнулась. В гримерную спокойно вошел Падальщик.

– Мисс Белл? Я решил за вами… – Потянув точеным носом воздух, он брезгливо сморщился. – Вы курите опиум?

– А то, что на мне, вас не смущает? – сердито прошипела я, прижимая руки к груди. – Вон! Немедленно!

На крик ушли все силы, и я рухнула обратно на диван. Снова тошнило, голова гудела, а руки мелко дрожали, как в каком-то припадке. Заметив это, Нельсон приблизился и наклонился надо мной.

– Вам дурно? – Это он сказал.

Давно употребляете? Это, скорее всего, подумал.

– Мне хорошо. Было, пока вы не явились, – огрызнулась я, надевая рубашку и с ненавистью глядя на множество пуговиц. – Как вы вообще догадались, где я?

– А вы могли быть где-то еще? – Сыщик невозмутимо поднял брови. – Зная вашу любовь к Холмсу, я бы сказал: «дедукция».

– Зная ваше безудержное любопытство, я бы сказала: нахал, хлыщ и жулик!

Плюнув пока на пуговицы, я быстро облачилась в кюлоты и юбку: сразу подняла ее край и пристегнула, укоротив почти до колен, затянула ремешки сбоку. Нельсон по-прежнему смотрел на меня с каким-то профессиональным интересом, будто прежде не видел одевающихся женщин. Это злило. Я обулась, выпрямилась, накинула поверх рубашки жилет и покачала головой.

– Знаете, то, что вы, грубо говоря, в борделе, не дает вам права на такие удовольствия. За тет-а-тет с женщиной в «Белой лошади» платят. И, к слову, я не отношусь к тем, кто продается здесь за деньги.

– За что же вы продаетесь в таком случае? – шутливо уточнил он.

Вопрос был беспардонным, но, возможно, справедливым, учитывая, что я не выставила сыщика, а одевалась при нем. Я тяжело вздохнула и уперла руки в бока.

– Нельсон. Послушайте. Я человек свободных нравов, наш век не отягощен моралью, но неужели вам надо читать лекции о…

Я осеклась. Он протянул руки и начал застегивать пуговицы на моей рубашке – проворно для мужчины. Отстранившись и обозрев результат, сыщик самодовольно хмыкнул и принялся за жилет.

– За такие удовольствия, думаю, здесь тоже платят. Но мы опаздываем, а Артур не любит ждать. Так что приходится идти на жертвы и рисковать.

– Нельсон! – Я попятилась, несколько обескураженная. – Вы с ума сошли? Я все понимаю, но…

– Но вы еще меня не убили, – пожал он плечами. – Это внушает надежду, что Независимые умеют ценить свое и чужое время.

Я стукнула его по пальцам, застегнула последнюю пуговицу на жилете и махнула рукой.

– Ладно, идемте.

Я сама удивлялась, почему еще его не убила. Впрочем, ответ лежал на поверхности: Нельсон прогнал *память*, которую не обезвредила до конца даже доза опиума. Уже за это я должна была сказать ему «спасибо». Но не сказала.

[Артур]

Мыши вели себя странно. Недавно они начали пищать и метаться по клетке, озираясь по сторонам. Они налетали друг на друга, но не замечали этого. Их обуял какой-то безумный страх, от которого они носились быстрее и быстрее, точно их преследовали. С улицы постучали, и я, не прекращая наблюдения за экспериментом, крикнул: «Не заперто!». Одна из мышей душераздирающе запищала.

– Мистер Сальваторе, я вернулся.

Когда открылась дверь, я все же отвлекся от клетки и вскинул взгляд. Дин Соммерс волок что-то большое и плоское, аккуратно обернутое бумагой. Я приподнял брови.

– Прогресс в расследовании?

– Трудно сказать. Скорее да, чем нет, – неопределенно ответил он и уставился на мышей. – Что с ними?

– Похоже, наш яд оказался психотропом, – вздохнул я, – вызывающим чувство страха. Мыши, вероятнее всего, в данный момент галлюцинируют, один Бог знает, что они видят. Остается один вопрос: зачем девушка приняла что-то подобное. И как.

Мыши постепенно успокаивались. Они уселись в разных углах клетки и сжались в комочки. Вид у них был несчастный, но умирать они не собирались. Я взял одну в руки и убедился: бешеный, рваный ритм крошечного сердечка. Мышь снова пискнула и попыталась укусить меня, но я вовремя отправил ее обратно в клетку. Поменяв грызунам опилки, воду и еду, я вернулся к Дину. Он возился со своей ношей.

– Есть догадки? Что там?

Соммерс, не отвечая, медленно разворачивал бумагу и вынимал плоский предмет, оказавшийся картиной, – а всего в упаковке их было две. Я окликнул его, он вздрогнул.

– Простите. Я не заезжал в управление, поэтому принес сюда. Это работа покойной мисс Белл. Вчера нас заинтересовало кое-что.

Я посмотрел на картину: пустая набережная в облаках цветущей сирени. Красиво, хотя я не слишком разбирался в живописи. Я поднял вопросительный взгляд на Соммерса, и он пояснил:

– Мне сообщили кое-что интересное. Лидия Белл, младшая дочь графини. Я спрашивал, вела ли Хелена дневник. Мисс Белл сказала, что не знает, но может показать ящик, где покойная держала бумаги. Дневника мы не обнаружили, впрочем, не факт, что он был. Но девушка обратила внимание на картину: смотрела на нее долго, а потом спросила: «Где человек?». Я ее не понял, и она пояснила, что раньше на картине был еще красивый джентльмен – он шел с букетом сирени по набережной, прямо навстречу, точно хотел выйти из холста. Теперь… как видите.

Я снова перевел взгляд на холст. Набережная была пуста. Взяв лупу, я начал изучать мазки краски на месте, куда указал Дин.

– И что это значит? Что… – я невольно фыркнул, – кто-то вылез из рисунка и убил девушку, а потом ушел через окно? Какой-нибудь Джек-прыгун[15]?

– Не знаю. – Полицейский полез в карман и вынул небольшой бумажный пакет. – Даже как гипотеза это нелепо, тем более, мы нашли вчера следы, доказывающие, что убийца не только ушел, но и проник через окно. Но есть нюанс, мистер Сальваторе. Как думаете, почему возле мольберта мы обнаружили это?

В пакете лежала увядшая веточка сирени. Глянув на нее, я нахмурился.

– На улице зима.

– А на картине нет. – Полицейский потер лоб, потом убрал улику. – Да бросьте, конечно, я сам не верю. Тем более, следы…

– Хорошо, что вы это понимаете, – вздохнул я, снова наклоняясь к холсту. – Искренне надеюсь, что вы сохраните трезвый взгляд на вещи. Сирень… это неожиданно, не спорю. Но это не повод начинать верить в…

Странности. И это сказал Дину я, который сейчас страшно обрадовался его возвращению только потому, что вчера получил записку и старую книгу, а сегодня увидел человека, которого считал умершим. Отбросив домыслы, я продолжил осматривать место на картине, откуда, по словам полицейского, пропал джентльмен с букетом.

– Тут мазки кажутся свежее и небрежнее. Но точно я этого не скажу, советовал бы спросить у эксперта-искусствоведа. А что на картине, которую вы мне не показали?

Дин освободил от бумаги вторую работу – совсем не похожую на первую. На холсте темнели лондонские доки – довольно непривлекательные, но прорисованные необыкновенно реалистично. Чувствовалась рука опытного мастера, но даже это не располагало к разглядыванию мрачной местности, припорошенной грязным снегом.

– Мистер Невилл Джонсон, – заговорил Дин Соммерс, – в своих картинах показывал «изнанку» Лондона, которой Ее Величество наверняка стыдится. Он изображал бордели и грязные пабы, опиумные курильни, беспризорников, нищих рабочих. Он сам был небогат и считал это своим способом борьбы с несправедливостью. Он выставлял картины во всех

[15] Джек-прыгун – персонаж фольклора викторианской эпохи, существо, якобы нападавшее на ночных прохожих на улицах Лондона. Большинство видевших Джека описывали его человекоподобным, высокого роста и атлетического телосложения, с «дьявольским» лицом, заостренными торчащими ушами, когтями и светящимися глазами. Джек отличался способностью совершать быстрые высокие прыжки, перемещаясь с крыши на крышу, за что и получил свое прозвище. Его периодические появления сеяли панику в городе.

местах, где они могли попасться на глаза богачам – в парках, на прогулочных набережных, иногда у дорогих лавок, если его не прогоняли обходчики. Покупали эти работы не многие, потому что смотреть на них, как вы понимаете, неприятно. Но потом их случайно увидела одна богатая дама, из Независимых. Она недавно осталась вдовой с большим состоянием и проводит много времени в борьбе за права бедных. Одна из ее инициатив – создание Объединения Неравнодушных Аристократов. Она пытается сделать поддержку бедняков… как это говорят… *модной*. Леди…

– Да, я читал о ней в «Таймс», – ответил я. – Насколько мне известно, она добилась того, чтобы слова превратились в дела: в Комитет по делам бедных поступают значительные средства. Теперь она собралась в Парламент.

– Да, – кивнул Соммерс и продолжил: – Она купила несколько работ Джонсона, а вскоре все ее друзья по Объединению стали подражать идее: вешать виды трущоб в своих роскошных гостиных. Началось это недавно, мистер Джонсон даже не успел на этом разбогатеть. Его убили в районе Миллуоллского дока. Проломили череп.

Я догадался, к чему он клонит, и по возможности вежливо, скрывая скепсис, уточнил:

– Вы объединяете его убийство с убийством мисс Белл только на том основании, что оба рисовали?

Соммерс покачал головой.

– Присмотритесь к картине. Видите, что здесь тоже есть различие в мазках? На месте, где начинается заснеженная дорога, они поспешные. Краска темная, но заметить можно.

Дин был прав. Я убрал упавшие на лицо волосы и вопросительно взглянул на него.

– Тут тоже кто-то был?

– Рабочий в лохмотьях. Красная рубашка и что-то вроде пальто. Это подтвердила леди Хейли, та самая, из Общества. Картина ведь рисовалась по ее заказу, и она видела ее почти законченный вариант. А Джонсон, кстати, всегда приходил писать ее на одно и то же место.

– Может, он в последний момент закрасил рабочего, но ничего добавить не успел?

– Я тоже так подумал, но заказчица сказала, что ее рабочий устраивал. Более того, лохмотья, «*подобные всполоху революционного пламени*», и измученное лицо казались ей главным в картине. И потом… обратите внимание: несмотря на небрежность, переходы цвета соблюдены, все детали прорисованы, будто…

– Все так и было, а человек вышел из картины? – хмыкнул я. – Умно. Но едва ли подойдет вам для рапорта. Это все, что у вас пока есть?

– Не совсем, – отозвался Дин. – Есть еще кое-что о Джонсоне. В тот вечер, около восьми, хозяин соседнего кабака по дороге в свое заведение видел его… не одного. С ним был джентльмен, хорошо одетый, в цилиндре и с тростью. Они разговаривали, потом человек угостил Джонсона бренди из своей фляги. Хозяин кабака именно флягу и разглядел, потому что как раз в тот момент проходил мимо и она ему понравилась. На фляге были какой-то герб и инициалы. Одна из букв – «S», вторую он не разобрал. Больше ничего интересного он не заметил: спешил открыть кабак. Как обычно, пили всю ночь, хозяин не отходил. А утром он обнаружил закоченевшее тело. Джонсон пролежал на снегу около пяти часов с момента смерти. В кулаке он сжимал красный лоскут, похожий на ткань рубашки.

– Хм, – медленно начал я. – А вы не считаете, что кто-то одурманил и мисс Белл, и его, а потом убил? И подстроил все так, чтобы полиции казалось, будто картины оживают? Здесь есть логика. И отличный способ посеять в городе панику.

Дин не ответил. Он рассеянно смотрел на сидевших в клетке мышей.

– Я пока ничего не считаю. Полиция ищет свидетелей среди завсегдатаев кабака, но думаю, бесполезно. Публика там преходящая, да и не слишком дружелюбная. Остается только надеяться, что Лоррейн принесет какие-нибудь новости.

– И мистер Нельсон.

Дин поморщился, как от зубной боли. Я хмыкнул про себя и не стал продолжать.

[Лоррейн]

Пользуясь тем, что боль в ноге утихла, я ускорила шаг. На Нельсона я не оглядывалась. В молчании мы миновали загроможденный гондолами русских двор и вышли на улицу, где Нельсон свистнул и остановил кэб. Он пригласил меня сесть, потом забрался сам и, назвав адрес, захлопнул дверцу. Я откинулась на спинку, подкладывая руки под голову.

– С чего такая галантность?

– Путь неблизкий, мисс Белл, если ваш разум еще может измерять расстояния.

В последних словах я уловила издевку и разозлилась, уже жалея, что сразу не послала «грозу преступного мира» куда подальше.

– Какого черта вам нужно?

– Только вы можете держать занудства мистера Соммерса в узде. К тому же… – губы дрогнули в улыбке, – я уже нашел убийцу, и вы нисколько мне не мешаете.

– Быстро, – рассеянно произнесла я и замолчала, надеясь, что этим беседа кончится.

Но Нельсон от меня упорно не отставал.

– Вы расстроены. – Тон звучал не вопросительно, а убежденно. – У вас неприятности?

– Уже нет.

– Тогда что толкает вас на курение опиума?

– Боль, – просто ответила я. – И я не о ноге, но вас это не касается. Чтобы не углубляться, есть еще простая причина: мне нравится. Но, поверите или нет, в зависимость я не впала. Курю уже пять лет, меру знаю. Маленькими дозами, спросите моего поставщика.

– Наркоманы говорят именно так.

– Да? Тогда у нас с ними много общего. Но я не они.

Я отвернулась и стала смотреть на снег. Его было много, хлопья кружились на фоне темного неба, напоминая почему-то беспорядочно разбросанные по листу ноты. Я прижалась лбом к прохладному стеклу. Хотелось, чтобы поездка скорее кончилась, но возница, казалось, намеренно не торопил лошадей. Я снова услышала постепенно становящийся ненавистным голос:

– Не хотите узнать кое-что о мистере Юджине Лафере?

– Кто это? – Я устало глянула на Нельсона: тот вытянулся, откинулся на сидении и, скрестив у груди руки, прикрыл глаза. – Ваш любовник?

Падальщик не повел и бровью.

– Художник, которого чуть не убила его картина. Можно сказать, попытался забрать Дьявол-Из-Холста.

– Что? – Я поморщилась: – Глупая шутка.

– Это присказка у художников, – ответил сыщик, по-прежнему не открывая глаз и не шевелясь. – Появилась вскоре после всех этих баек о Джеке-прыгуне. Якобы этот Дьявол заберет того, кто рисует идущего навстречу человека. Вылезет из картины и заберет.

– Не думаю, что моя сестра в такое верила.

– Мистер Лафер тоже не верил. Именно поэтому обратился к моему знакомому сыщику, Лестеру Розенбергеру, если вам о чем-то говорит это имя.

– Австриец по происхождению, он еще делает пирожные, – припомнила я.

– Да. – Нельсон наконец посмотрел на меня. – Сейчас занимается одним государственным делом, требующим много времени. Узнав, что я ищу убийцу мисс Белл…

– Откуда? – мрачно спросила я. – Мы никому ничего не говорили.

– А вы можете поручиться, что все слуги в вашем доме держат язык за зубами? Информация уже в газетах. И лучше вам не читать, что пишут о вас.

– И не подумаю, – фыркнула я. – Хотя едва ли что-то меня удивит после старых сообщений о том, что я то ли проститутка, то ли переодетый содомит. Так причем тут Розенбергер?

– Он передал мне дело Лафера, обратившегося к нему за помощью. При первом разговоре Розенбергер подумал, что у художника что-то с головой, но все оказалось сложнее. Вот что Лафер рассказал…

– А это точно имеет отношение к… – начала я, но, глянув в окно, оборвала сама себя. Ехать предстояло еще долго. Лучше пусть Падальщик ворошит городские байки, чем опять сует нос в мою душу. – Впрочем, продолжайте.

– Он любил, – кивнул сыщик, – писать городские виды. У него их покупали, он не бедствовал. Работал на улице, даже зимой. В день, с которого начались его беды, он в парке рисовал очередной пейзаж – аллею с рябиновыми деревьями, на ней девочку в темно-красном пальто. Он рисовал долго и уже начинал замерзать, когда к нему подошел какой-то молодой мужчина. Наружность у него, по словам Лафера, была приятная. Высокий, белые волосы, обходительные манеры. Вроде бы прихрамывал. Они разговорились: мужчина сказал, что хочет отдать дочь в школу искусств, спрашивал, сложно ли научиться рисовать. Так они немного поговорили, потом незнакомец заторопился. Напоследок он угостил художника бренди из красивой серебряной фляги со сложной гравировкой-вензелем в обрамлении нот. Еще он заметил, что у Лафера кончается белая краска, и, к его удивлению, предложил такую же. Объяснил, что купил краски дочери и может отдать баночку: девочка мало использует белый, его еще достаточно в старом наборе. Лафер рисовал очень дорогими красками – как и ваша сестра, *венецианской гуашью*. Той, которая особенно блестит из-за толченой муранской[16] крошки. Поэтому он с благодарностью принял предложение, а вскоре после ухода незнакомца пошел домой. Он сразу поднялся к себе и продолжил рисовать, хотел закончить, чтобы быстрее продать работу. Он использовал краску незнакомца. Спустя час он ощутил дурноту, но списал на усталость. Вскоре она прошла, зато захотелось пить. Мистер Лафер уже заканчивал работу, когда заметил нечто странное. Описал он это так: пространство картины стало *шире*. В комнате похолодало, хотя он сильно топил, а тепло в доме держалось до вечера. Картина словно ожила: рябины заколыхались от ветра, девочка пошла художнику навстречу. И она шла, сколько бы он ни тер глаза. Шла, шла… Вскоре он уже мог различить ее лицо, хотя даже не прорисовал его. Происходящее напугало Лафера: он, конечно, решил, что сходит с ума. Что-то не давало ему отвести взгляд, пока девочка не подошла вплотную и не взялась за края холста, пальцы при этом выступили из картины. Тогда он бросился прочь, распахнул дверь, а она уже стояла там, в коридоре. Она схватила его за горло, приподняла…

– Секунду! – Я протестующе подняла ладонь. – Вы серьезно? Даже если допустить, что на него напала маленькая девочка, она не дотянулась бы до его шеи и тем более не смогла бы…

Лицо Нельсона оставалось непроницаемым.

– Пока я пересказываю то, что услышал. Позволите закончить? Спасибо. Так вот, она обладала силой взрослого мужчины. Но мистер Лафер, человек крупный и сильный, вырвался. Ударить, как он сказал, «чудовище», он не решился. Отступил, опрокинул мольберт и выпрыгнул в окно со второго этажа, чудом отделавшись синяками, сотрясением и переломом руки. Он сразу начал звать обходчика. Тот выслушал всю чушь, которую я вам только что изложил, и отреагировал примерно как вы. С одной разницей: еще уточнил, не прикладывается ли Лафер к бутылке. Вняв просьбам, констебль все же поднялся в комнату…

– И не нашел ничего подозрительного?

---

[16] Муранское (венецианское) стекло – стекло, которым Венеция славилась с периода Средневековья, часто цветное и очень красивое. Основные мастерские традиционно располагаются на острове Мурано. Технология изготовления долгое время держалась в секрете.

– Сделал вывод, что Лафер все же выпил. Правда, констебль опросил соседей… но ни девочку, ни кого-либо, кто мог вызывать подозрение, не видели ни в доме, ни в пределах двора. В итоге мистер Лафер обратился к Розенбергеру. Тот тоже осмотрел комнату. Новой баночки с венецианской гуашью он не нашел, равно как не увидел девочку на картине. Зато на полу под мольбертом обнаружил гроздь рябины, которую художник из парка не приносил. В итоге Розенбергер записал показания и приобщил к ним результаты проверки крови, на которую ему удалось загнать Лафера. Время было уже упущено, но токсикологу, к которому Розенбергер обратился, все же удалось обнаружить примесь какого-то растительного наркотика. Лафер ничего такого, по его словам, не принимал. Примерный состав вещества я везу, чтобы показать мистеру Сальваторе. Собственно, это все.

– Занятно получается, – протянула я. – После таких баек можно и начать верить в бумажного дьявола, или как его там. Злобные дети, неизвестные наркотики…

– Лично я верю лишь в изворотливость человеческого ума, мисс Белл. Хотя газеты уже начали писать, что по всему Лондону оживают картины, из которых, возможно, вылезает сам Джек-прыгун. Завтра не работает половина музеев, как мне известно.

Я усмехнулась, вспомнив, что подобные заметки попадались и мне, но я не обратила на них внимания – знала склонность лондонских газетчиков ради выручки приукрашать сплетни.

– А где сам Лафер?

– Наняв Розенбергера и сообщив все, что возможно, он сбежал в Италию – «лечить душу». Хотя я бы предположил, что прятаться от… – он рассмеялся, – дьявольской девочки.

– Вы думаете, это может быть связано с моей сестрой? – тихо спросила я, и он оборвал смех.

– Почти уверен. Но, может, мистер Сальваторе меня и переубедит. Кстати… как он относится к вашей дурной привычке?

– Которой из? – кисло полюбопытствовала я.

– Опиум.

– Никак.

– Правда? – Он с интересом глянул на меня. – По мне, так лучше бы вы кололись, как этот мистер Холмс. Кокаин хотя бы стимулирует работу мозга, а опий…

– Не вам меня учить.

Он, явно, оскорбленный в лучших чувствах, не ответил. Снова зажмурился и, видимо, погрузился в мысли о расследовании или о безбрежных глубинах моей глупости. Я взглянула его на бледный профиль – опущенные длинные ресницы, сжатые выразительные губы, запрокинутый подбородок. «*Падальщик*»… несмотря на прямой изящный нос, прозвище все-таки вязалось с гордым обликом сыщика. Так или иначе, птица, так или иначе, дикая. Я смотрела на него, наверное, с полминуты и неожиданно поймала себя на мысли, что почти не обращала внимания на цвет глаз своего нового знакомого. Какой он?

– Герберт.

– Да? – отозвался он.

– А все-таки у вас есть подружка? Или вы предпочитаете иметь друга?

Темнота, как сегодня напомнила беседа в «Белой лошади», располагает к откровенности. Даже незнакомцев. Но Нельсон молчал, его дыхание было тихим и ровным: ни учащенного сердцебиения, ни смущения. Я вспомнила, как по дороге в школу искусств взяла его за локоть, и повторила этот жест. С локтя рука плавно скользнула к тонкому запястью; пальцы Падальщика были длинные и жесткие, унизаны кольцами. Я приблизила свое лицо к его лицу и прошептала:

– Чем вы живете? Вы все время проводите в расследованиях?

Он медленно открыл глаза – ярко-синие и холодные – и взглянул на меня в упор, хмуро и отстраненно.

– Не совсем, мисс Белл. Некоторую часть я сплю. И, кстати… – Кэб остановился. – Мы приехали. Можете меня отпустить.

[Артур]

Лоррейн была явно чем-то недовольна, Нельсон – спокоен как всегда. Я не сомневался: в последние часы в голове его шла напряженная работа и, скорее всего, уже завершилась успехом. Соммерс кратко рассказал о своих находках и о деле Джонсона, я сообщил результаты экспертизы. Нельсон поделился странной историей художника Юджина Лафера и вместе с Лоррейн пересказал полицейскому беседу с учителем Хелены Белл.

Сыщик также вручил мне бланк с эмблемой Королевской Токсикологической Академии; я сразу узнал витиеватую подпись Андерса Ллойда, одного из моих хорошо известных коллег, работавших в Сити[17]. Это была экспертиза крови Лафера, результаты которой Герберт попросил сравнить с моими. Когда я закончил, Нельсон удовлетворенно улыбнулся.

– Идентично. Мисс Белл и мистера Лафера отравили одним и тем же. Яд сложный, изготовлен опытным химиком. Твоего уровня, Артур.

– Мило, но у меня есть алиби на вечер убийства мисс Белл.

– Мистер Сальваторе, – явно опасаясь ссоры, Дин обратился ко мне. – Завтра я запрошу разрешение на эксгумацию тела Джонсона, и вам привезут образцы. Возможно, яд уже рассосался, но нужно будет повторить исследование. Ногти, волосы… может, что-то отложилось там?

– Никаких проблем, тем более, завтра придет мой помощник, – кивнул я.

Нельсон вынул из кармана три баночки с красками – синей, красной и белой – и протянул мне.

– Проведите, пожалуйста, завтра еще химический анализ. Не удивлюсь, если вы найдете яд здесь. Вот как она могла его вдохнуть.

– Вы взяли это в комнате моей сестры? – Лоррейн подошла к столу.

– Да, мисс Белл.

В ровном голосе зазвучало напряжение. Вероятно, за несколько часов между детективами произошло что-то неприятное. Я внимательнее всмотрелся в Лоррейн – лицо бледное, зрачки расширены. Подойдя ближе, я осторожно принюхался: от волос знакомо пахло. Кулаки невольно сжались, но я не успел ничего сказать. Она сама обратилась ко мне:

– Можете не тратить время, Артур. Это не краски Хелены.

– Она работала венецианской гуашью, – возразил сыщик. – И банки стояли на бортике ее мольберта. И…

– Моя сестра не рисовала красками из этих банок, они новые, – голос Лоррейн звучал твердо и уверенно. Она отвинтила крышки. – Хелена получила новую коробку венецианской гуаши на Рождество. Я могу точно сказать, что вот этими красками она не пользовалась.

– По каким признакам вы это узнали? – раздраженно спросил Нельсон.

Лоррейн прикрыла глаза и выдохнула. Вряд ли она подавляла злость, скорее отгоняла какие-то скорбные мысли.

– У моей сестры, – наконец медленно заговорила она, – было две привычки, которые у художников считаются дурными. Первая: она не пользовалась палитрой, а смешивала цвета в крышках банок. Вторая: она эти крышки путала. Надевала как попало. Смотрите. – Она разложила крышки на ладони и показала нам: – Чистые. Гуашь открыли в первый или второй раз. Если бы Хелена успела попользоваться ею, на бортиках и дне крышки остались бы следы.

[17] Сити – один из центральных исторических районов Лондона, с XIV века обладал относительной самостоятельностью управления, в том числе правом иметь собственную полицию и криминалистические службы.

Их нет. Хотя моя сестра рисовала сирень, и ей как раз нужно было получить лиловый оттенок, смешав синий, белый и красный. Она этого не сделала. Почему?

– Может, краска кончилась? – предположил я. – И мисс Белл купила новые банки?

– Венецианская гуашь дорогая даже для нашего семейства. Продают ее коробками, приобрести отдельно цвет трудно. Новую коробку она не покупала, вчера я заглянула в ее ящики и убедилась в этом. Возможно, – она покосилась на Нельсона, – если бы вы не хватали с места преступления что попало, я заметила бы раньше. Краски подменили.

Я ожидал, что Герберт разозлится: его вспыльчивая самоуверенная натура была мне прекрасно известна. Но крыть ему было нечем, поэтому он просто сделал вид, что пропустил слова Лоррейн мимо ушей, и повернулся ко мне.

– И все же на всякий случай проверь краску.

– Перестаньте зацикливаться на ошибочных версиях, – снова повысила голос мисс Белл. – Краски, которые действительно были отравлены, забрали. Я даже догадываюсь, откуда убийца взял новые, – из лавки, которую ограбили в вечер убийства.

Нельсон нахмурил брови.

– Лавку?

– И взяли одну коробку красок, – вставил Дин. – Как раз венецианской…

– И сейчас, – перебила Лоррейн, – мы тратим время, а наш сумасшедший ненавистник художников, может, убивает кого-то еще!

– Сумасшедший ненавистник художников? – удивился я. – Вы считаете, все настолько серьезно?

– И в этом мисс Белл права. – Нельсону каким-то чудом удалось вернуть спокойствие, ни единой эмоции не отражалось на лице. – Две смерти и покушение на убийство. Не связанные между собой люди. Даже без третьей экспертизы могу предположить, что яд тот же. Минимум в двух случаях жертвы пили из фляжки высокого хорошо одетого господина, прежде чем на них нападал этот…

– Дьявол-Из-Холста, – пробормотал Дин. – Но Лафер сказал, что его пыталась задушить девочка. Даже если наш незнакомец с фляжкой маскировался перед нападением, стать низкорослым он бы не сумел.

– А он не становился. – Теперь я уверился в догадках и решил поделиться ими: – Многие составляющие нашего яда мне не знакомы, но я могу с уверенностью сказать: и мескалин[18], и атропин, которые в него входят, вызывают сильные галлюцинации. Представьте себе, что человек принял смесь таких веществ… и начал рисовать. Это монотонный процесс, художник часами смотрит на то, что изображено на холсте. Постепенно яд начинает действовать, но, и это доказано, даже галлюцинации не берутся с небес. Разум создает их из подручного материала. В данном случае использует людей с картин, «оживляет» их. Художник пугается, и именно тогда… приходит убийца. Вы уже не узнаете, что видела перед смертью сестра мисс Белл и тот любитель трущоб, но что-то подсказывает мне, что они были напуганы до смерти.

– Это так сложно… – Лоррейн удивленно разглядывала состав на дне пробирки. – Подгадать время действия яда, быть уверенным, что жертва будет рисовать, застать ее без свидетелей…

– Поэтому стоит хорошо подумать, как справиться с убийцей. – Нельсон мрачно скрестил на груди руки. – Он не боялся, что яд не подействует, не боялся, что не справится. Он задерживался на месте преступления, чтобы закрасить изображения людей. И хотелось бы мне знать, где этот Дьявол-Из-Холста учился создавать яды. Если, конечно, он один.

– Судя по отсутствию мотива, – Лоррейн взглянула на часы, – я склоняюсь к этому. Помешанный. Возможно, неудавшийся художник. Или…

---

[18] Мескалин – растительный алкалоид, содержащийся в нескольких видах южноамериканских кактусов.

– Проверять алиби химиков города – просто тратить время, – вздохнул Дин. – Конечно, специалистов уровня мистера Сальваторе можно посчитать по пальцам, но все же. Добиться таких впечатляющих результатов без профессионального обучения…

– Вы не представляете, на что способен безумный жаждущий разум, констебль, – возразил Нельсон. – Так или иначе, нужно идти от убийства мисс Белл. В отличие от двух других жертв, она *сама* впустила преступника. Открыла ему путь через окно. И более того…

– Ждала его, – тихо сказала Лоррейн. – И… это важно… платье, в которое она переоделась, говорило о том, что ожидания были *особенными*. Она не побоялась запачкаться за работой! Я знаю Хелену. Дома она ходит в халате, который не жалко измазать. *Ходила*…

Голос Лори дрогнул. В который раз я подумал, что никто не разбирается в некоторых жизненных моментах тоньше, чем молодые женщины. Мисс Белл устало посмотрела на Соммерса.

– Уже поздно. Мы и так задержали Артура. Пора домой, завтра продолжим, может, свидетели по убийству Джонсона найдутся. И, кажется, пора тебе познакомиться с мистером Блэйком, а заодно с его учениками. Что-то подсказывает мне, что в рисовальном классе Хелены то еще змеиное гнездо. А что будете делать вы, мистер Нельсон?

– Для начала провожу вас домой, мисс Белл.

– Нет необходимости, – вмешался Соммерс. – Я доставлю Лори к матери, как и обычно.

В голосе полицейского я уловил вполне определенные нотки и с вялым интересом, – мне уже страшно хотелось домой, спать, – перевел взгляд на Нельсона. Тот, застегивая пальто и поднимая ворот, ответил:

– Судя по жалованию, которое вы получаете, вы живете где-нибудь в Паддингтоне[19] или другом столь же неприглядном месте. Вы мало спите из-за того, что тратите больше часа на то, чтобы добраться в Скотанд-Ярд, – и еще меньше из-за кругов, которые наматываете, сопровождая мисс Белл.

Лоррейн сердито взглянула на Нельсона. Тот сухо продолжил:

– Вести расследование лучше с ясной головой. Мне все равно нужно еще раз поговорить с леди Белл, я хотел бы лучше узнать круг друзей ее дочери. Думаю, вам нет необходимости тащиться сначала с нами до Кенсингтона, потом к себе. Дома вы, учитывая, что вам еще отчитываться перед мистером Гринделем, будете к полуночи, в пять уже встанете. Поэтому мой вам совет…

– Как ты решишь, Лори? – не дослушав и отвернувшись, спросил юноша.

Соммерс покраснел, и я невольно поразился его выдержке. Как Нельсон еще не нарвался на грубость, мне было непонятно. Прилюдный разбор каждого человека по косточкам, только чтобы потешить самолюбие, был одной из отвратительнейших привычек моего друга. В Легионе его ненавидела за это добрая половина других командиров.

– У тебя, – мисс Белл подошла к полицейскому и погладила его по щеке, – и правда круги под глазами, Дин. Мистер Нельсон меня, скорее всего, не съест. От женщин у него несварение.

Они рассмеялись, глядя друг другу в глаза. Потом Соммерс, несколько успокоенный, посмотрел на Нельсона.

– Буду признателен. – Он перевел взгляд на меня. – Мистер Сальваторе, если результат второй экспертизы будет тот, которого мы ждем, приобщите к отчету. Если нет, срочно сообщите через своего помощника. Лори, позвони в Скотланд-Ярд в районе двух. Спокойной всем ночи.

[19] Паддингтон – в XIX веке один из районов Лондона, исторически не слишком богатый и отличавшийся повышенным уровнем преступности.

Он завернул в бумагу картины Хелены Белл и Невилла Джонсона и покинул лабораторию. Лоррейн уже тоже надевала пальто, и я воспользовался этим, чтобы поговорить. Взяв ее за плечи и отведя сторону, я спросил:

– Взялись за старое?

Мисс Белл поняла, о чем я. В глазах мелькнуло смятение, но она тут же поборола его, нахмурилась и огрызнулась:

– Что-то не устраивает, Артур? Как сегодня заметил мистер Нельсон, я могла бы начать колоться.

Я гневно глянул на Нельсона. Его дурные шутки… Сыщик недоуменно поднял бровь.

– Зачем вы подрываете свое здоровье? – снова напустился я на мисс Белл. – Детективу не принесет пользы затуманенная наркотиками голова, если мы говорим не о бульварных опусах Дойла!

– Моя голова, – она тоже покосилась на Нельсона, рассматривающего пробирку в держателе, – ясна как никогда. И она только что напомнила мне, что времена, когда я готова была следовать всякому вашему совету, канули в лету. Вы сами так захотели. Помните?

Я отвел глаза. Я помнил: липовый парк, праздные разговоры, а особенно почему-то – темное полосатое платье. Гуляя со мной, Лоррейн не надевала леджи. Кажется, я так и оставался единственным мужчиной, для которого она делала такое исключение.

Ей было восемнадцать, и, может, она действительно влюбилась. Но мне хочется верить, что Лори просто играла. К этому располагала и плачевная ситуация, в которой она оказалась, и мои постоянные визиты – по просьбе отца, когда-то тесно дружившего с отцом пяти сестер Белл. Я помогал Лоррейн вылечить ногу, и мне ее мать доверяла больше, чем всем практикующим врачам. Мисс Белл с благодарностью принимала помощь; она не была еще столь болезненно независима. Независимой она стала позже.

Полосатое платье. В прошлом

– Жарко, мистер Сальваторе. – Она встала под старым деревом. – Давайте передохнем.

Я послушно остановился и прислонился спиной к стволу. Она вдруг улыбнулась.

– Вы верите в любовь?

– Не знаю, – рассеянно ответил я. – Редко имел с ней дело.

– Моя подруга всегда говорила, что в любви не везет тем, кто слишком много ищет.

– Я не искал, мисс Белл. Настоящие чувства – всегда случайность. И не всегда счастье.

– Красиво…

Она поднялась на цыпочки, взялась за отвороты моей рубашки и быстро прижалась губами к губам; от неожиданности я даже не успел ее оттолкнуть. Она прикрыла глаза, потом, не получив ответа, отстранилась. Я вгляделся в ее бледное лицо.

– Сочту это следствием того, что утром вколол вам морфий.

– Да…

Лоррейн разжала пальцы и отступила, тяжело оперлась на трость и улыбнулась.

– Видимо, вы вкалываете его себе с большей регулярностью. Осторожнее, а то так и останетесь.

– Мисс Белл… – я приблизился. – Простите…

– Спасибо, мистер Сальваторе. Хочу домой. Проводите?

Я с трудом кивнул. Она опять взяла меня под руку.

– Не переживайте. Я не убегу и не запла́чу, мне просто захотелось кого-нибудь поцеловать. Идемте, нужно успеть к ленчу.

Больше она со мной никогда не гуляла и, кажется, выбросила то полосатое платье. По крайней мере… я его больше не видел.

* * *

Лоррейн потрепала меня по плечу и повторила давнюю фразу:

– Не переживайте. Я больше не буду. В ближайшую неделю. – Она повернулась к Нельсону. – Если удовлетворили обезьяньи инстинкты созерцания блестящих баночек, идемте. Спокойной ночи, Артур.

Она направилась к двери, Нельсон последовал за ней.

– До завтра, мой друг.

По его лицу я не смог понять, слышал ли он разговор, но что-то подсказывало: не только слышал, но и намеренно прислушивался. Однако это меня уж точно не волновало.

Выпроводив сыщиков, я отнес в соседнюю комнату клетку с уснувшими мышами и начал собираться домой. Кажется, у меня давно не было таких длинных дней.

[Лоррейн]

Мы ехали в направлении Кенсингтона. Я, все еще недовольная устроенной Артуром выволочкой, молчала; Нельсон, к счастью, тоже не спешил мести языком: наверняка так и не смирился с тем, что ошибся насчет красок, и придумывал ответный ход. А может, просто хотел спать, в чем я вполне его поддерживала. Через некоторое время я все же спросила:

– Кого подозреваете?

Он будто проснулся и повернулся ко мне.

– Хороший химик и профессиональный художник. Если не брать в расчет гипотезу о сообщнике, подобное мало кто может сочетать. У вашей сестры есть такие друзья?

– Мистер Нельсон. – Я вздохнула. – Мне казалось, вы уже должны понять: у моих сестер *нет* друзей. Товарки по учебе, светские знакомые… ничего больше. Нас воспитали в соответствующем духе: быть придирчивыми при выборе круга общения. У очаровашки Лидии полно приятелей, возящих ее на пикники, но даже она никого не подпускает ближе из страха перед матерью.

– А вы старшая сестра?

Несколько удивленная, я все же уточнила:

– Старшая – Джейн, наша адвокатесса. Ей двадцать шесть, и она все еще не замужем. Я моложе на год. Лидии и Софи по шестнадцать, Хелене через неделю должно было исполниться восемнадцать. Почему вы вдруг спросили?

– Не для дела, если честно. – Он помедлил. – Любопытство: нечасто встречаю действительно *независимых*. Не удивляюсь, что в вашей семье вы такая одна.

– Джейн из той же породы, – возразила я. – Хоть и надевает ледж лишь на слушания и в тюрьму. Разница меж нами в том, что она всегда умела… как бы сказать… приспосабливаться. Получила свободу, не враждуя с матерью. Я так не могу.

Мы снова помолчали, потом Нельсон вдруг нахмурился и перевел тему:

– В деле много настораживающих вещей. От него и вправду веет дьявольщиной. Убивать художников…

– Я готова допустить, – медленно начала я, – что на Джонсона был зуб у противников Неравнодушных Аристократов. Реформы, которые они лоббировали, для консерваторов – кость в горле. Но моя сестра и Лафер ни с кем не воевали. Мотив…

Нас тряхнуло; я стукнулась о плечо Нельсона и вцепилась в сиденье.

– Это еще что?

Кэб остановился. В тишине мы отчетливо услышали женский голос:

– Умоляю, отвезите меня к Синему Грифу!

– Какому грифу, мисс? – ответил возница. – Опасно гулять в такой час по улицам, идите домой или ловите другой экипаж. Ну?..

– Никого нет, я заплачу, пожалуйста, мне…

Голос задрожал и сорвался на всхлип. Нельсон, распахнув дверь, высунул голову.

– Нам по пути. Мы потеснимся. Леди наверняка замерзла, и ей действительно опасно бродить в столь позднее время. Позвольте ей сесть. Доплачу пять шиллингов за вынужденную остановку.

– Как скажете, сэр, – тут же покладисто пробасил возница. – Залезайте.

Нельсон выбрался на улицу, чтобы помочь маленькой девушке, кутающейся в белую шубку. Пассажирка была не старше шестнадцати; она дрожала и озиралась. Она потеряла или не надела шапку; снег на волосах уже таял, превращая ухоженные локоны в липнущие к лицу патлы. Подождав, пока девушка сядет, Нельсон сам залез в кэб и захлопнул дверцу. Оглядев незнакомку, он с учтивым поклоном сообщил:

– Синий Гриф, она же мисс Лоррейн Белл, – по левую руку от вас. Мое же имя Гюрбюар Нельсон, я детектив. Чем мы можем вам помочь?

Он замолчал, наслаждаясь произведенным эффектом: девушка широко распахнула серые глаза, даже перестала дрожать. Я не удержалась и подпортила момент:

– Герберт. Он Герберт, а еще Падальщик. Не ломайте язык.

Не знаю, поняла ли меня девушка. Она закрыла лицо руками и заплакала, пробормотав лишь:

– Вас послала мне судьба…

– Не драматизируйте, – пошутил сыщик. – Судьба посылает падальщиков: всяких стервятников, грифов – только на мертвечину. А вы…

– Нельсон! – Осуждающе глянув на него, я протянула девушке платок и, смягчив тон, спросила: – Как вас зовут? Вы искали меня по делу?

Незнакомка спешно начала вытирать слезы и вскоре почти взяла себя в руки. Подняв на меня глаза, она тихо ответила:

– Я прочла о вас во вчерашней газете. Ваше прозвище я слышала раньше, но не знала, что вы женщина, да еще богатая, да еще, – губы снова задрожали, – сестра бедной Хелены….

Настала моя очередь поднять брови.

– Милое дитя, откуда вы знаете мою сестру?

– Позвольте ответить за нее, – неожиданно вмешался Нельсон. – Перед нами мисс Луна Эрроу, дочь сэра Дамиана Эрроу, третьего помощника министра внутренних дел. Кажется, ее занятия в классе мистера Блэйка прошли не так успешно, как обычно, верно?

Пораженная девушка даже передумала снова плакать. Нельсон опередил вопрос.

– Ваш снимок с отцом я видел в статье двухнедельной давности. Про художественный класс мне сказал сам ваш учитель. Остальное, думаю, вы расскажете самостоятельно, подтвердив или опровергнув мои подозрения.

– Ваши… *подозрения*?! Мистер Блэйк говорил обо мне? – Девушка побелела еще больше, закашлялась, сжалась. – Я обречена. Точно обречена. Боже…

– Вы боитесь? Какая ерунда. – Я ободряюще улыбнулась. – И не принимайте близко к сердцу, Нельсон подозревает весь белый свет. Лучше объясните, что случилось. Чем вы так встревожены?

Едва ли я ее успокоила. Мисс Эрроу потупила взор, помолчала, собираясь с мыслями или набираясь мужества, затем выше подняла воротник и с усилием заговорила:

– Мистер Блэйк, если вы его расспрашивали о классе, наверняка сообщил вам, что я впервые не пришла на занятия.

– Да, – ответил Нельсон. – Сказал довольно громко, хоть мы стояли в коридоре.

Я не совсем разобралась, к чему было брошено это замечание. Но девушка поняла.

– Я не могла заставить себя, просто не могла. То, что я видела… – у нее затряслись руки, она сцепила их перед грудью. – Он наверняка *видел*, что я *видела*. И я… – тут она почти закричала на нас: – я ее не убивала! Слышите?

– Конечно, не убивали, – спешно подтвердила я. – Дальше.

– Они все… они теперь думают, что это я, раз мы соперничали! – прошептала девушка. – Я пришла на урок. А все смотрели так, будто… у меня в руках была банка с ядом, или Хеленина голова, или… а потом… он сказал, что он мне рад и что мне придется делать то, что должна была делать Хелена. Рисовать подарок для Ее Величества. И еще он пошутил… – Она почти проскулила: – Что в молодости убил бы за такую привилегию!

– Он – мистер Блэйк?

– Да…

Выдохнув это, мисс Эрроу без сил рухнула на меня; белокурая голова беззащитно склонилась к моему плечу. Хм… будь я юной леди, при наличии выбора предпочла бы упасть в обморок на мужчину. Придерживая бедную девушку, я вздохнула.

– Пара минут бессознательного состояния обеспечена. Что скажете?

Нельсон не отвечал. Взгляд не отрывался от ридикюля рядом с нашей художницей.

– Это слишком… – прошептал сыщик.

– О чем вы?

– Об этом. – Падальщик надел перчатки, быстро открыл ридикюль, порылся там и извлек тонкий шнурок со следами лиловой краски. – Как предсказуемо…

Я судорожно глотнула воздуха: мне хватило взгляда, чтобы понять. Моя сестра в последний миг хваталась за *это*, пальцы были в краске, и…

Девушка слабо застонала, открыла глаза, приподнялась. Она посмотрела на удавку в руках сыщика и прошептала:

– Вы нашли. Я… клянусь, я…

– Умеете лазать по канату, мисс Эрроу?

От неожиданного вопроса она нервно рассмеялась.

– Не пробовала, но, наверное, нет. У меня слабые руки. А почему…

– Когда вы обнаружили это? – Нельсон не стал вдаваться в подробности и осторожно начал упаковывать удавку в извлеченный из кармана пакет.

– После урока, сэр.

– Вы держите ридикюль рядом с мольбертом?

– Да.

– Кто-то проходил мимо вас?

– Многие ходили менять воду. Мистер Блэйк смотрел наши работы. Он всегда ходит по классу.

– Прекрасно. А теперь расскажите, что вчера произошло на занятиях между ним и Хеленой Белл.

Снова я удивленно посмотрела на сыщика. Тот не сводил прищуренных глаз с лица мисс Эрроу. Она завела за ухо светлую прядь и, виновато глянув на меня, заговорила:

– Может, это обернется против меня, но ваша сестра вправду не нравилась мне. Она была гордой, смотрела на всех как на бледные тени, вечно витала где-то. Я не понимала, почему именно она лучшая в классе. В ее картинах не было ничего особенного, чем они могли нравиться мистеру Блэйку?.. Я всегда пыталась ее обойти. Не получалось. Я была второй. Так… несправедливо…

Даже будучи подавленной и напуганной, девушка говорила горячо, убежденно, и не очень-то умный полицейский заподозрил бы ее за одни только слова. То, что я слышала, настораживало. Настораживало *бы*, если бы не рассказывалось так честно.

– Я понимала, что это пустяки, в жизни не так, как в классе. Но в какой-то момент я задумалась: может, стоит попытаться поучиться у Хелены? Мы не дружили. Я решила, что стану той, кого Хелена во мне видела, – тенью. На каждом занятии я садилась рядом, наблюдала. Запоминала все: как она рисует, как себя ведет, в каком тоне говорит. Даже какую конфету берет из коробок, которые приносит мистер Блэйк, – она всегда брала ту, что посередине. Наблюдения ничего мне не давали. Но совсем недавно… – она запнулась, – я начала замечать, что в отношениях мистера Блэйка и Хелены появилось… что-то.

– Что? – тихо спросила я.

Я все еще видела тонкое тело в белом платье – тело и испачканные краской руки. Разметавшиеся длинные, не заколотые волосы, крохотные жемчужинки сережек. Мисс Эрроу подтвердила мою неуверенную мысль:

– Она приходила раньше всех и задерживалась допоздна. Она чаще обращалась к нему, он чаще подходил. Знаете, мистер Блэйк как правило очень холоден. Но я видела, проходя мимо, он касался ее плеча, говорил что-то одобрительное. То есть, он часто хвалит или ругает, но делает это во всеуслышание. *Шептал* он только ей, а однажды взял ее руку с кистью и показал, как наложить тень на что-то. Так откровенно… я поняла, что Хелена влюбилась в него, и он в нее тоже влюблен.

Слушая эти наивные рассуждения, я вспомнила, как уже два раза хватала за руку Нельсона и как при встрече иногда кусаю Артура за шею. Я усмехнулась: эта девочка имела слабое представление об *откровенности*. Падальщик, когда мисс Эрроу закончила, спросил:

– А что случилось вчера?

– Вчера все было как обычно. Хелена заканчивала пейзаж. Она истратила на силуэты города и сирень три краски – красную, белую, синюю, – и все равно не дорисовала. Она попросила кого-нибудь одолжить ей цвета…

– Никто не согласился, – тихо закончила за нее я.

Девушка кивнула.

– Кроме мистера Блэйка. У него были краски. Он дал ей три начатые баночки. Мистер Блэйк сам недавно использовал их, он при нас рисовал натюрморт – бокал вина на нотном листе. Для друга, в подарок. Он разрешил Хелене взять краски домой, при условии что она скорее закончит картину. Она стала рисовать так увлеченно, что забыла даже о конфетах. И тогда… – девушка замялась, – он приблизился к ней с коробкой. Она сидела в стороне от всех, в заднем ряду, у окна, на нее никто не смотрел… кроме меня. Так вот, мистер Блэйк подошел, позвал ее, взял конфету из середины коробки и поднес к Хелениным губам. И… она ее съела.

– Какая неожиданность, – нервно пробормотала я.

– Она сказала: «Когда я буду сегодня рисовать, то оставлю окно открытым. Так мне лучше думается». А он ответил…

– Позвольте угадать. – Мое сердце отстукивало теперь в горле. – «*Рапунцель, сбрось свои волосы»?*

Нельсон вздрогнул, девушка вновь с удивлением взглянула на меня.

– Да.

– Мерзавец…

– Теперь она мертва, а он сегодня все время смотрел на меня. И… мне показалось, он понял. Что я видела. Что все знаю.

– А *что* вы знаете, мисс Эрроу? – Нельсон, потирая висок, посмотрел в окно.

– Он ее убил. Я уверена.

– Но почему?

– Ну… – Девушка опустила голову. – Может, она была в положении, может, они просто поссорились, может, он наконец понял, что она вовсе не гениальная. Но я не хочу, чтобы меня подозревали, моя семья не переживет этого, такой позор и…

– Не бойтесь. – Сыщик снова повернулся к нам. Он тепло улыбался юной художнице. – Правильно сделали, что нашли нас и все рассказали. Я уже почти знаю, как раскрыть дело. Внимательно осмотрите содержимое вашей сумки – нет ли еще чего-то постороннего?

– Я все проверила. Нет.

– Прекрасно. Мы прибыли и сейчас отправимся в особняк мисс Белл. А вас я попрошу отвезти прямо в дом отца. Насколько мне известно, вы живете недалеко.

– На соседней улице, – подтвердила девушка. – Я бродила по городу весь день, пугаясь каждого полицейского и не зная, что предпринять. Вдруг… вдруг они уже приехали, чтобы меня арестовать?

Кэб остановился перед главным входом в особняк Беллов.

– Не говорите глупостей. – У Нельсона был отстраненный вид, он явно уже о чем-то думал. – Никто ни о чем не знает, кроме того, что Лондон заполонили чудовища с оживших картин. Смело отправляйтесь домой. Но завтра лучше не выходите. Отдохните, успокойтесь, порисуйте… кстати, что рисуете?

– Индийских тигров, забрала их позавчера домой, – улыбнулась мисс Эрроу. – Хочу завтра закончить, если меня не увезут в Тауэр.

– Не увезут. – Сыщик открыл дверцу и выбрался, я выпрыгнула с другой стороны. – Если что-то найдете в доме, если что-то случится, просто бегите к отцу. – Поймав полный сомнения взгляд, он настойчиво продолжил: – Здесь не имеют значения такие нюансы, как честь семьи. И не ищите нас сами, неизвестно, где мы завтра будем. Поняли?

– Поняла, – ответила она, с восторгом глядя на сыщика. – Вы… такой умный… Спасибо, Гьюр… Гур…

– Герберт, – вяло помогла я.

Как же все легко проникаются обаянием этого проходимца. Я фыркнула и, пока Нельсон называл вознице нужный адрес, подмигнула девушке.

– Не бойтесь. Мы его поймаем.

Кэб отъехал, и я устало обернулась к Падальщику.

– Все даже хуже. Расскажете о девочке моей матери? Ее такая версия устроит.

– Пока нет, – негромко ответил сыщик. – Вкратце сообщу о результатах, но не буду упоминать мисс Эрроу. И думаю, завтра я найду способ прижать нашего художника-химика к стене. Точнее, уже почти нашел.

– Слушайте. – Я наконец решилась высказать то, что не давало мне покоя довольно долго: – Блэйк не производит впечатления сумасшедшего, который просто так убивает попадающихся под руку художников. Будь у него такие отклонения, он вырезал бы уже половину учеников. Среди них есть весьма достойные.

Сыщик встряхнул головой, пытаясь избавиться от снега в волосах. Глядел он куда-то сквозь меня.

– Рано что-либо утверждать, мисс Белл. У нас нет ни отравленных конфет, ни красок, ни надежных свидетелей. Лишь маленькие зацепки.

Я потерла глаза и плотнее закуталась в пальто.

– Знаете, мистер Нельсон… что-то голова идет кругом от «маленьких зацепок». И как у вас хватает сил еще что-то соображать?

– Я просто не курю опиум. – Сыщик, уже преодолевший половину главной лестницы, обернулся. – Идете со мной?

Острота разозлила меня, но в этот раз я решила сдержаться от ответной и покачала головой.

– К матери? Увольте. Иду спать. Как вы сами сказали, расследование нужно вести с ясной головой. Завтра позвоню Дину и попрошу проверить алиби Блэйка на все три убийства. Сейчас никаких сил, да и шансов застать его мало.

– Тогда спокойной ночи, мисс Белл. – Голос неожиданно зазвучал почти сочувственно, впрочем, может, скорее снисходительно. – До встречи завтра.

Я развернулась и стала огибать дом, чтобы попасть к черному ходу. Проходя под окном Хелены, я подняла голову. Свет после обыска не погасили; переливалось красками разрисованное стекло. Действительно, чем не башня Рапунцель? И чем не запертая принцесса? Бедная моя сестра. Неужели… тот, кого она полюбила, ее убил? Разве так вообще может быть? В мире, где есть Бог, даже если Бог склонен к некоторым жестокостям?

Я поднялась по грязной неосвещенной лестнице и осторожно двинулась через коридор своего этажа, продолжая думать об этом.

– Мисс Белл!

Я подскочила на месте, но, узнав голос, облегченно рассмеялась.

– Молли, ты чуть не убила меня.

Любимая горничная, с которой нас связывала дружба со времен моего детства, виновато присела в книксене.

– Простите, не хотела пугать вас. Но вы, наверное, устали и проголодались. Ужин вы пропустили, зато я могу… – она подмигнула, – утащить вам что-нибудь с кухни.

Некоторое время я обдумывала предложение, потом кивнула.

– Немного холодной индейки, сыра и хлеба, если есть. Буду обязана. Только тихонько.

– Хорошо. – Она кивнула и, вынув что-то из кармана передника, протянула мне. – Вам письмо. Принес какой-то мальчишка.

– Надо же. – Я с интересом глянула на конверт, лишенный каких-либо опознавательных знаков. – От кого?

– Мальчик только сказал, что видный джентльмен, хорошо заплатил. Я подумала, может, у вас наконец появился…

– Когда это было, Молли? – торопливо перебила я.

– Три часа назад, мисс Белл.

– Спасибо. – Я рассеянно повертела конверт в руках. – Буду в комнате.

Горничная кивнула и удалилась. Едва переступив порог спальни, я вскрыла конверт.

> *Я не хочу, чтобы безумие продолжалось. Пожалуйста, остановите это. Я был глуп, веря* ***ей****. Я любил Хелену больше жизни, и только моя вина, что ее больше нет. Я вижу ее, вижу во сне, ее и Невилла Джонсона, и тех, чьи имена забыты. Завтра я приду в Скотланд-Ярд, пожалуйста, будьте там и защитите меня. Леди не прощает предателей. Возможно, она уже все знает. Ни в коем случае не трогайте жуков. Спасите меня.*
> *А. Б.*

«А. Б.»… *Альберт Блэйк?*

– Молли! – крикнула я, не отрывая взгляда от ровного почерка.

– Да, мисс Белл? – отозвалась женщина с лестницы.

– С индейкой придется повременить.

Я пошла вниз, в гостиную, где ожидала найти Падальщика. Из головы не выходила странная, пронизанная каким-то животным страхом фраза: «Леди не прощает предателей».

Предателей.

Цветочный город. Давно

…Из всех книжных лавок Блумфилда Фелис полюбила одну – на отшибе, на верхушке холма, с уродливыми гипсовыми лилиями, облепившими солидную медную вывеску. Владелец лавки, толстяк-ирландец, тоже любил нас: когда бы мы ни пришли, он спешил собственноручно испечь нам печенье. Мистер О'Брайн вообще был благодушным человеком и любил детей.

В отдельные часы покупателей обслуживал его юный племянник Кристоф. Наш ровесник, но женщины города, независимо от возраста, млели от него. Он был чертовски красив – черноволосый, высокий и голубоглазый, неизменно опрятный. Настоящий джентльмен, в котором скромность соединялась с остроумием. Почти все время, что мы проводили в лавке, мы проводили с ним.

И он любил Фелис. Как же он ее любил. С наших золотых двенадцати лет до… до…

…Первый визит в ту лавку случился в очень холодный день. Мы просто мечтали где-нибудь погреться; на спуск с холма уже не осталось сил, и мы, за неимением выбора, вошли в маленькое голубое здание, откуда тянуло бумажно-кожаным ароматом книг. Там было пусто. Тихо. Только что-то шуршало по углам. Мы стали заинтересованно озираться. А потом с высокой лесенки прямо перед нами вдруг спрыгнул *он*.

– Леди. – Кристоф окинул нас взглядом и без улыбки, но учтиво, глубоким поклоном, приветствовал. – Могу быть вам полезен?

Мы покраснели и смущенно переглянулись: в провинциальном Блумфилде манеры у *мальчишек* были редкостью, и мы не знали, чем ответить. Фелис пришла в себя первой и выставила привычный щит – мрачную требовательность.

– У вас есть книги об Антонио Сальери? – спросила она сердитым тоном. – Жизнь, творчество, что-нибудь о его детстве или семье? А может, издания сочинений?

Из-за игры теней мне показалось, что наш собеседник вздрогнул. Возможно, действительно вздрогнул, удивившись такому вопросу от потенциальной покупательницы. Некоторое время Кристоф молчал, припоминая, потом прошел за конторку и раскрыл массивный, прошитый грубыми нитками каталог. Пролистав, наконец ответил:

– Жаль, но нет. Может, вас интересуют издания о Моцарте, Бахе или…

Фелис так сжала мне пальцы, что я едва не вскрикнула. Потом подруга смерила Кристофа тяжелым взглядом и процедила сквозь зубы:

– Благодарю, оставьте их убогим. Нам пора, до свиданья.

И она поволокла меня к выходу. Колкие снежинки встретили нас на улице. Я сморщилась, гадая, что именно так разозлило Фелис. Мои мысли оборвал голос Кристофа:

– Постойте, прошу!

Мы обернулись. Он выскочил прямо в тонком сюртуке и без шарфа, черные волосы моментально растрепались от ветра. Руки он зачем-то держал за спиной. Остановившись, Кристоф быстро, сбивчиво заговорил:

– Стойте! Мне жаль, что я не смог помочь вам, но…

– Не беспокойтесь, это обычное дело, – оборвала Фелис, видимо, уже тоже пришедшая в себя и устыдившаяся своей неучтивости. – И простите, если испугала вас. Я многих пугаю.

Он все смотрел на нее. Я, уже неплохо знавшая мальчишек, видела в его глазах то, что обещало доставить нам в будущем немало хлопот: романы во время обучения были запрещены.

– Послушайте…

– Да?

– Может, в нашей лавке и нет нужных вам книг, но у нас есть много другого. Например, – он вынул руки из-за спины и протянул нам с Фелис по ромашке, – волшебство.

В середине января. Но цветы были живые. Фелис пораженно посмотрела на молодого человека, потом – вслед за мной – все же взяла ромашку и улыбнулась.

– Спасибо.

– Вы из Блумфилдской женской школы, верно? Если скажете ваше имя, я пришлю записку, когда какая-нибудь книга о Сальери появится в продаже. У нас хорошие поставки.

– Фелисия Лайт, – ответила она, все еще колеблясь, и вдруг добавила: – я буду очень рада. О нем так мало пишут. А ведь он был удивительным, талантливым человеком.

– Да, – отозвался Кристоф. – Просто история довольно зла и порой слепа.

Я невольно задумалась, знает ли он, о ком говорит, или просто пытается нам понравиться. Может, шутки ради попросить назвать хотя бы одну оперу Сальери? Но голос нашего нового знакомого звучал действительно грустно. Поправив шарф, явно начиная ощущать, что вокруг весьма прохладно, Кристоф добавил:

– Навестите меня как-нибудь. У вас ведь найдется время, верно?

– Пожалуй, – ответила за Фелисию я. – Мы обязательно заглянем. Но сейчас вы замерзли, мы замерзли, так что, пожалуй, нам пора идти. До встречи.

Он улыбнулся, снова поклонился и скрылся в лавке. Всю дорогу до школы мы с Фелисией грели подаренные ромашки на груди, но не говорили друг другу ни слова.

Это странное знакомство длилось все следующие годы учебы в Блумфилде. Пока юный джентльмен, достававший летние цветы зимой, не сгинул без следа.

День третий. Явление тигров

[Артур]

За ночь снег растаял; такие резкие перемены погоды были обычными для Лондона. Туман и дождь заняли привычное место и навели в городе порядок: превратили дома, кэбы, полисменов и прохожих в расплывчатые призрачные силуэты. Небо потемнело. Почти остановилось движение кораблей: при такой видимости в воздух поднимались лишь те, которые отвечали за срочные службы и военную почту.

Джек был бодр; он сегодня даже не опоздал, хотя и имел эту дурную привычку. Едва слопав одну из сладких булочек, купленных мной на завтрак в ближайшей пекарне, он деловито направился к холодильному ящику.

– Что сегодня, сэр?

– Образцов пока нет. Зато я могу кое-что тебе показать из вчерашнего. – Я отпер окованный железом шкаф и вытащил сосуд с необычным ядом. – Этим отравили трех человек. Двое мертвы. Можешь сказать, что это? Только не вздумай пробовать. И долго не вдыхай.

– Давайте. – Он забрал склянку, снял пробку и поднес к чумазому лицу. – Китайка. Белладонна. Что-то растительное, чего я не знаю. И химия не природного происхождения. Как действует?

– Вызывает галлюцинации и панические атаки.

– Значит, та редкая штука из кактуса. – Джек вернул мне склянку. – Мескалин, верно назвал?

– Верно, Джек. Как думаешь, трудно такое изготовить?

– Трудно. – Цыганенок кивнул и, подумав, добавил: – Но моя бабка бы смогла, будь у нее кактус. И вы бы смогли.

– Сговорились с Нельсоном? – Я усмехнулся и глянул на часы. – Полиция запаздывает. Ладно, пока ждем их, сходи за газетой. А я проверю вон те краски.

Он умчался. Я привычно расставил колбы, собрал фильтрующий аппарат, разжег спиртовку. Взгляд упал на учебник итальянского, лежащий на столе. Я его не убрал или… все-таки убрал? Заметив, что из книги что-то торчит, я открыл ее. Посередине была гадальная карта – рисунок человека, болтающегося на веревке вниз головой. «Повешенный», кажется, так. Записка от неизвестного осталась на прежнем месте.

– Это еще что…

Спешно захлопнув чертову книгу и отложив размышления на потом, я приступил к анализу, который не занял много времени. Краски оказались безобидными. Лори была права.

– Сэр! – Джек вернулся с утренней «Дэйли» и с порога оживленно сообщил: – Представляете, из зоосада пропали два тигра. Вот странно! – Цыганенок перелистнул газету и прочел другой заголовок: – *Кто они, твари из картин? Королевская Галерея закрыта для посещений.*

– Что-то еще? – поинтересовался я, убирая последнюю краску.

– *Завершено следствие по делу «Клинков Солнца» – сепаратистской группировки индийцев. Их арест был осуществлен неким…*

Его прервал стук в дверь. Джек, разумеется, не запер, и теперь на пороге стояли Дин Соммерс, Лоррейн Белл и Герберт Нельсон. Вид у них был встревоженный. Я подождал, пока они зайдут, и спросил:

– Принесли образцы?

Констебль покачал головой.

– Нет необходимости, Блэйк признался. Вот только мы не можем его найти. Квартирная хозяйка сказала, что домой он в последний раз заходил в четыре часа накануне, больше не возвращался. Она отказалась нас впустить без разрешения руководителя дивизиона. Чтобы о нем просить, нужны результаты экспертизы. Мы приехали их забрать.

– Конечно, сейчас. – Я вынул из ящика стола отчет и начал прикреплять к нему результат по краскам. – Кстати, они пустые.

– Отравленные наверняка в его комнате! – С отчаянием произнес Нельсон, забирая у меня материалы. – Как глупо… он провел нас! Специально сбил с толку, пообещав прийти с признанием, чтобы…

– Не уверена, – возразила Лоррейн. – В письме он написал, что любил Хелену, и…

– К черту любовь! – рявкнул сыщик. – Утром мне пришел ответ от Лафера – вчера я срочной воздушной почтой послал ему письмо с описанием Блэйка. Он его опознал! Это Блэйк напоил его отравленным бренди, Блэйк дал ему краску! Блэйк оставил на снегу, где стоял, необычные следы с подковой на каблуке – как тот, в комнате Хелены. И такие я видел на крыльце школы. Так или иначе… – Нельсон окинул нас внимательным взглядом. – Надо действовать быстро, пока есть шанс его перехватить. Артур, вспомним прошлое?

– О чем ты? – настороженно поинтересовался я. А вот Джек сразу понял; лицо, особенно густо вымазанное сегодня грязью и сажей, засияло.

– Задержание! Можно с вами?

– Нет! – Придя в себя, я положил руку ему на плечо. – Сторожи лабораторию, не хочу потом исследовать еще и твои внутренности. Я постараюсь скоро вернуться. Что ты от меня хочешь, Герберт?

– Ты поедешь со мной за юной особой, которой я хочу задать пару вопросов. А мистер Соммерс с мисс Белл возьмут у Гринделя разрешение на обыск и навестят квартирную хозяйку Блэйка. Думаю, они знают, *что* нужно найти. Встретимся в Скотланд-Ярде.

Судя по лицу Дина, ему, как и мне, не хотелось выполнять распоряжения Нельсона. Но здравый смысл одержал верх; полицейский кивнул и решительно направился к выходу. Лоррейн последовала за ним, шепнув мне: «Удачи!». Нельсон энергично потер руки. Нездоровый энтузиазм перевозбужденной собаки-ищейки мне совершенно не нравился.

– Есть револьвер, Артур?

– Я не всегда ношу его с собой. Он дома, хотя я хотел взять. Нужен?

Нельсон помрачнел.

– Пригодился бы. Ладно, черт с ним, время дороже.

– Ты же сказал, мы едем за юной особой, – раздраженно возразил я. – Она тебя так ненавидит, что ей придется угрожать двумя стволами?

Герберт уже критически оглядывал свое собственное оружие, проверял барабан. Пальцы не дрожали, но лицо оставалось обеспокоенным.

– Я не хотел раньше времени пугать мисс Белл. Но я не уверен, что Луна Эрроу жива.

[Лоррейн]

Разбуженному суперинтенданту, который именно сегодня позволил себе выходной, хватило пятнадцати минут, чтобы – под постоянные просьбы Дина торопиться – выписать разрешение на обыск. Проклиная туман и отсутствие воздушных гондол, мы кинулись ловить экипаж, под проливным дождем это тоже оказалось нелегко. Когда спустя час мы стучали в дверь небольшого дома в Ислингтоне, я спросила:

– Как думаешь, Нельсон нас одурачил? Он не мог просто так отказаться от поездки на обыск. Из вчерашнего разговора я поняла, что его весьма интересует личность Блэйка.

– Не знаю, – покачал головой Дин. – Хочу верить, что он разумнее, чем кажется. Кстати, я не успел спросить. Как вы вчера добрались до дома?

– Я же говорила. Встретили мисс Эрроу, и…

– Я не об этом. Он к тебе не приставал?

Я удивленно рассмеялась.

– Нет, конечно, что ты. А тебя это беспокоит? О, Дин, ты как юная девица…

Я толкнула его локтем. Он смущенно улыбнулся, но не успел ответить: знакомая худосочная женщина в зеленом платье открыла дверь. Дин поспешно показал ей нужную бумагу.

– Пожалуйста, пропустите нас. Речь идет о двойном убийстве и покушении.

Квартирная хозяйка поджала пухлые, слишком ярко накрашенные губы, но не стала спорить. Она молча отступила в коридор и указала на самую ближнюю дверь.

– Ему принадлежит вот эта комната, лучшая здесь.

Беря из сухощавой руки длинный медный ключ, я тихо спросила:

– А друзья у него есть? Он приводил кого-то?

– Нет, мисс. Мистер Блэйк – благовоспитанный джентльмен, предпочитал уединение. Пару раз к нему приходили какие-то люди, которым явно не очень-то хотелось, чтобы их видели, но я не стремилась раскрывать его тайн. Помню даму, довольно молодую. Она прятала лицо под вуалью.

– Особые приметы? – Дин забрал у меня ключ и начал поворачивать в замке.

– Нет, пожалуй. – Женщина глянула на меня. – Разве что примерно одного с вами роста, хорошо одетая…

Это могла быть Хелена, но могла и не быть. Я молча переглянулась с Соммерсом, и он открыл дверь.

Мебели в большой светлой комнате оказалось немного: шкаф с книгами, гардероб, письменный стол, кровать и мольберт. Зато стены украшали десятки картин и набросков; присмотревшись, я узнала многие: их рисовала моя сестра. Ее портрет, написанный, видимо, самим хозяином спальни, занимал место напротив кровати.

– Боже…

– Начнем? – тихо предложил Соммерс, открывая гардероб.

Я кивнула и пошла к мольберту. То, что я ожидала там увидеть, не заставило себя ждать.

– Гуашь. – Я открыла две банки. – Крышки перепутаны, на дне смешивали лиловый. Забираем для Артура?

– Да, – ответил он, вынимая из шкафа цилиндр. – Наверняка тот самый… а вот и трость. Как думаешь, почему Блэйк не пришел с признанием?

– Испугался? – Я осмотрела пустой мольберт и перешла к столу. – Или передумал. А может, Нельсон прав, и Блэйк нас дурачит. Вот только почему тогда не забрал улики? – Я выдвинула первый ящик. – Надо же, письма Хелены. И он держал их без страха, что его поймают?

– Есть что-то важное?

– Их много… – я наугад вскрыла один конверт и пробежала глазами лист, исписанный знакомым мелким почерком. – Сантименты… нежности. Не знала, что моя сестра может так писать.

«Если бы я могла любить вас вечность, то любила бы еще дольше. До скорой встречи, ангел».

– Я… я возьму их, Дин.

Я знала, что он заметит перемену в моей интонации, и знала, что сделает вид, будто этого не произошло. Так и было: Соммерс смотрел в сторону, а голос звучал с деловитой отстраненностью:

– Еще какие-то бумаги?

– Нет. – Я просмотрела остальные ящики. – Краски… кисти… тряпки… деньги.

Дин приблизился к книжному шкафу и потрогал пальцами несколько выпирающих корешков.

– Как думаешь, здесь что-то может быть? Эти книги можно перебирать вечность.

– Проверь те, на которых меньше пыли. – Я подошла к кровати и заглянула под нее. – Здесь ничего, что было бы связано с ядами. Ни аппаратов по перегонке, ни пробирок…

– И все книги художественные. – Соммерс начал осматривать полки.

Я поднялась на ноги и огляделась, ища возможные тайники. Может, за картинами? Или прямо в картинах? Казалось, в них не было ничего необычного. Зато портрет моей сестры явно писал с любовью тот, кто запечатлел в памяти каждую ее черту. Тот, кто видел что-то большее, чем глупая богатая девочка, запертая в башне. Намного больше, чем видела я. Приблизившись, я аккуратно сняла картину со стены, и…

> *«То, что зовут божьим дуновением, на деле не что иное, как лукавая печать сатаны, сеющая смуту в сердцах.* ***Гений*** *рождает перед глазами неясные образы, полные печали и счастья, гнева и жажды. Чистое злодейство, место его – в геенне огненной. Помните это, мой друг…»*

Я обернулась. Дин держал книгу в зеленой обложке и читал надпись, сделанную от руки на титульном листе.

– Интересно… – Он посмотрел на меня. – Как думаешь, что это?

Я не отвечала, неотрывно глядя на книгу.

– Дай сюда.

Он кивнул и сделал шаг навстречу. Книга оказалась в моих руках. «Маленькие трагедии. Александр Пушкин». Рука задрожала, когда я начала перелистывать страницы. С них выступили мне навстречу и зашептали знакомые тени. *Ужасные тени.*

Дон Жуан. Скупой рыцарь. Вальсингам. Антонио Сальери.

– Правды нет и выше… – тихо сказала я. Книга выпала из рук. – Дин, это…

– А что там?

Дин смотрел поверх моего плеча – на место, где раньше висел портрет Хелены. Я обернулась. На бежевых обоях медленно проступали темно-красные буквы.

> *Первая игра выиграна быстро. Но не ожидайте, что другие окажутся столь же простыми. Альберт проявил слабость и заплатит, поэтому, к сожалению, вы не услышите его признания. Равно как не увидите мистера Нельсона: если он так предсказуем, как кажется, то уже спасает малышку. Тигры выпущены. Скоро я снова напишу вам.*
>
> *С любовью, Леди.*
>
> *P.S. Вы были хорошими детками в Рождество. Потому некоторые ответы я оставила в шкатулке за правой задней ножкой стола. Вам понравится.*

Некоторое время мы смотрели на стену, но больше там не появилось ни слова. Дин приблизился и осторожно попытался смазать букву.

– Как думаешь… это чернила?

– Не хочу знать сейчас. – Я подняла книгу и вернула на полку. – Не уверена. Пришлем эксперта, пусть возьмет образец. Куда больше меня интересует, что за особа. Кто ей этот художник?

– Секта? – предположил Соммерс. – По тому, что я прочел, похоже. Нужно попытаться больше узнать, а пока… – Он опустился на корточки у письменного стола и действительно вытащил из-под него маленькую шкатулку, – почему не последовать совету?

Я зачарованно уставилась на покрывающий стенки индийский узор, на яркий рисунок крышки – богиню Кали, скалящуюся и вскинувшую в танце несколько пар рук. Терзало любопытство: что за «ответы» внутри. Но едва Дин потянулся к посеребренной защелке, я вдруг вспомнила, о чем предупреждал Блэйк в своей полубезумной записке.

«…Не трогайте жуков».

– Не надо, подож…

Поздно: Соммерс откинул крышку. Крупные насекомые с переливающимися голубоватыми панцирями полезли наружу.

Дин, охнув, выронил шкатулку. Я спешно схватила ее сама и захлопнула, успев заметить, что парочка жуков осталась на дне. Их стоило показать эксперту в Скотланд-Ярде. Я перевела дух.

– Ты в порядке?

Соммерс молча смотрел на свою левую ладонь. В центре багровело пятнышко укуса.

– Дай гляну. – Я взяла его руку и надавила пальцам на кожу. – Господи, Дин… вдруг они ядовитые? Немедленно в больницу!

Он лишь улыбнулся, явно тронутый моей тревогой.

– Вряд ли. Обошлось. Или яд просто долго действует. – Видя, что я по-прежнему изучаю укус, он успокаивающе произнес: – Шучу. Лори, даже крови нет. Просто розыгрыш, чтобы нас попугать и отвлечь. Лучше подумай… почему *малышку* – скорее всего, мисс Эрроу, – по словам нашей Леди, нужно спасать?

Я неохотно выпустила его и, убедившись, что крышка прилегает плотно, спрятала шкатулку в карман.

– Не знаю, Дин. Надеюсь, это тоже шутка… но думаю, лучше отправиться по следам Артура и Нельсона, вместо того чтобы ехать в Скотланд-Ярд. И надеюсь, ты сможешь в случае чего застрелить тигра.

– Тигра?..

– Шучу.

Но я вовсе не была уверена, что пошутила.

[Артур]

У крыльца стоял полицейский омнибус, и, кажется, это все объяснило Нельсону: он побледнел и решительно направился в дом семейства Эрроу через распахнутую настежь дверь. Мне ничего не оставалось, кроме как следовать за ним по огромному пустому холлу, мимо напольных ваз и портретов в тяжелых золотых рамах.

– Что вам? – грузный русый мужчина, судя по халату, хозяин особняка, перегородил дорогу к парадной лестнице, где толпились и шептались напуганные слуги. – Кто вы?

– Когда пропала ваша дочь? – быстро спросил Нельсон. По тому, как расширились глаза мужчины, я понял, что опасения подтвердились. – Бога ради, не тратьте время на расспросы! Я частный сыщик, расследую убийство девушки, которая училась с мисс Эрроу в одном художественном классе.

Решения помощник министра, видимо, принимал быстро, а может, его подстегнуло слово «убийство». Он кивнул, жестом пригласил нас наверх и уже в жилом коридоре спросил:

– Чем я могу помочь? И главное… чем поможете мне вы?

– Выпроводите пока полицию, она бесполезна, – прямолинейно ответил Нельсон на первый вопрос. – И пропустите меня в комнату вашей дочери. Время дорого.

– Что, что с ней могло стрястись? – Мистер Эрроу нервно указал нужную дверь. – Луна часто уходит из дома, не предупреждая, но вот в свободные дни не встает до девяти. А вчера она была вроде бы расстроена. Я решился заглянуть к ней пораньше, подбодрить и…

– Открытое окно, разобранная кровать и ничего больше?

– Господи. Откуда вы…

Сыщик молча обошел его и взялся за дверную ручку. В комнате суетились полицейские: один осматривал подоконник, другой измерял что-то на полу. *Грязные следы с «подковами» на каблуках*. Нельсон без всякого интереса посмотрел на них и прошел к окну; скользнув взглядом по мостовой, покачал головой. Даже не было решетки. Герберт вновь повернулся к хозяину дома.

– Что-то пропало?

– Нет. Кроме картины, которую Луна принесла домой. Она уже тогда вела себя, как мне показалось, странно. Вчера так спонтанно ушла гулять и вернулась поздно, в кэбе, заплаканная.

– Картина… – тихо повторил Нельсон. – Что на ней было?

– Тигры. А какое это имеет значение?

– А еще? – Он неотрывно смотрел на мужчину; взгляд стал жестким. – Место! Где тигры были? Отвечайте!

Вряд ли бедный отец семейства понимал смысл допроса. Но, возможно, тон убедил его.

– Что-то экзотическое. Лес… нет, джунгли. Да, точно, джунгли. Она вдохновилась после того, как я возил ее в Королевскую оранжерею в восточной части Кенсингтонских Садов!

– Отлично. – Нельсон решительно двинулся в коридор. – Нам пора, Артур.

– Но… – Мужчина сделал шаг за нами. – Вы ничего не хотите мне…

– Следы не высохли, – не оборачиваясь, произнес Нельсон. – Еще можем успеть.

*** * ***

Спустя пять минут мы неслись в кэбе сквозь туман. До Кенсингтона было недалеко, но мой друг, казалось, хотел опередить время: высовываясь из окна, он все подгонял и подгонял возницу. Наконец лошади остановились у кованой ограды с висящим на воротах замком. Сады третий день были закрыты для посещений: их украшали перед праздником, Днем рожденья покойной Мэри Леджендфорд.

Мы с Нельсоном выпрыгнули на мокрый гравий. Едва кэб отъехал, Герберт взялся за прутья.

– Вперед.

– Почему ты уверен, что она там?

– Больше я не знаю в Лондоне джунглей, – отозвался он и полез вверх. – В Оранжерее не водятся тигры, но… в зоосаде людно, туда бы он ее не потащил.

Ставя ногу на один из кованых узоров, я попытался вспомнить, что сегодня слышал о зоосаде. Кто-то ведь говорил мне, но я не обратил внимания, увлеченный размышлениями о странных событиях последних дней. Видимо, это было что-то неважное. Я подтянулся и забрался повыше; Нельсон уже слезал с другой стороны. Вскоре мы приземлились на пожухлую траву и быстро направились по главной аллее вперед – туда, где в сырой дождливой мгле маячил круглый стеклянный купол.

Оранжерею построили пять лет назад – как подарок Королеве от Лондонского Общества Путешественников. Члены Общества постоянно привозили со всех концов света различные растения, и некогда скудная оранжерея превратилась в рай, где тропические фрукты соседствовали с хищными цветами, а лианы – с гигантскими папоротниками. С растениями некоторые ученые привезли диких птиц, которые тоже прижились в тепле. Система поддержания температуры в оранжерее состояла из множества подземных труб, по которым циркулировала горячая вода, и была отлично отлажена.

– В здании должен кто-то быть, – заметил я, когда мы поднимались по ступенькам. – Ведь кто-то следит за насосами.

Нельсон приблизился к высоким дверям и начал изучать замок.

– Отопительный пункт расположен между Кенсингтонским Дворцом и Оранжереей, чтобы обслуживать оба здания. Это далеко. Хм… Не мог же он войти и запереть замок снаружи?

Нельсон вынул отмычку и взял замок в руки, но тот сам с грохотом свалился на плиты крыльца. Сыщик удовлетворенно, но безрадостно кивнул сам себе.

– Давай-ка поторопимся.

Оранжерея встретила тишиной, только хлопали крыльями птицы, прячущиеся где-то в зарослях. Наших шагов не было слышно: все устилали мягкие мхи. Я расстегнул пальто и снял его, размотал шарф – дышать сразу стало легче. Нельсон последовал моему примеру.

– Спрячем вещи в зарослях. Не хочу привлекать лишнее внимание, если придет кто-то, кого мы не ждем.

Мы продолжили путь, настороженно оглядываясь и прислушиваясь. Подобравшийся, напряженный Нельсон снова напоминал мне пса, идущего по следу. Я тихо спросил:

– Почему ты не взял полицейских?

Он повернул ко мне голову.

– Скорее всего, мистер Эрроу уже отправил их за нами. Если нет… здесь скопится меньше идиотов, что тоже неплохо. Артур, уверен, мы сами справимся с Блэйком, если…

Какой-то звук пробился сквозь шелест и шорохи. Мы застыли, вслушиваясь. За зарослями колючего кустарника с резной листвой кто-то плакал.

Нельсон, выхватывая револьвер, напрямик ринулся на голос. Я последовал за ним; колючки сразу оцарапали лицо и руки. Кустарник пах чем-то сладким и тяжелым, пробираться через него было сложно, но Герберт упорно лез вперед, иногда спотыкаясь и проваливаясь в рыхлый мох.

Светловолосая девушка, привязанная к развесистому дереву, сидела меж его выпирающих корней. Рот ей заткнули, и она почти упиралась лбом в большую картину, врытую нижним краем в землю. Казалось, картина и пугала ее больше всего: пленница тяжело дышала и все пыталась отвернуть голову. Безуспешно: шею крепко зафиксировали. Пустые баночки с зеленой и желтой краской валялись возле босых ног.

– Мисс Эрроу! – Нельсон передал мне револьвер и начал осторожно подходить. – Все в порядке. Я здесь, не бойтесь.

Девушка глянула на него и забилась сильнее. Теперь она прилагала все силы к тому, чтобы отодвинуться от сыщика. Милое лицо исказилось страхом, и я понял:

– Она галлюцинирует. Надышалась ядом, не узнает тебя.

Я сделал шаг вперед, настороженно оглядывая густые заросли, – за нами могли наблюдать. Но ни одного необычного звука не доносилось до слуха; казалось, девушка была одна. Сыщик уже опустился на колени рядом и взглянул на холст.

– Краска свежая. Тигры закрашены. – Он освободил рот мисс Эрроу, частично развязал на ней путы и, посмотрев пленнице в глаза, коснулся ладонями бледного лица. – Тише… это я. Не бойтесь, все позади. Узнаете? Я Падальщик. Не тигр.

Она попыталась вырваться и отвести взгляд, но уже спустя несколько мгновений замерла: звучание голоса будто разбудило ее. Продолжая дрожать и всхлипывать, она пару раз моргнула, застонала и уткнулась Нельсону в грудь. Он поддержал ее за плечи и тихо спросил:

– Альберт Блэйк?

Девушка судорожно глотнула воздуха, закивала.

– Он залез в комнату ночью. Я потеряла сознание, а дальше…

– Где он сейчас? – спросил я.

– Сбежал.

Нельсон, развязывавший руки пленницы, от неожиданности остановился.

– Что вы сказали?

– Он принес меня. Пока он меня связывал, я пыталась его звать, умоляла пощадить, говорила, что ничего не расскажу. Он меня не слушал. Но… – она сделала паузу, – он был странный. Он… – она сглотнула, – плакал. Просил прощения… у Хелены. У меня. Еще у кого-то. Рисовал и бормотал, бормотал, бормотал. Когда он закрасил тигров, то вдруг… наверное, сошел с ума. Схватился за голову. Его трясло. А… после этого он меня оставил.

– Когда это было, мисс Эрроу?

Нельсон освобождал лодыжки девушки. В движениях сквозила нервозность, и она мне не нравилась. Она появлялась, только если этот самоуверенный хладнокровный человек вдруг оказывался в тупике, без дальнейшего плана действий.

– Я потеряла счет времени. – Девушка начала растирать запястья. – Около часа назад…

– Поразительно, – прошептал сыщик, поднимаясь на ноги. – Я ничего не…

– Мистер Нельсон! – снова позвала девушка. – Я забыла кое-что рассказать вчера. В день, когда мистер Блэйк дал Хелене конфету, он… в общем, тоже вел себя не как обычно. Я решила, что он не здоров.

– Что именно было не так?

В зарослях что-то зашуршало и стихло; я резко обернулся, но ничего не увидел. Несколько секунд я стоял неподвижно, ожидая, что звук повторится, и наконец снова перевел взгляд на мисс Эрроу. Она ответила:

– Я заметила какие-то уколы у него на запястьях. И… у него дрожали руки. Это так странно, так…

Затрещали кусты. Воздух заполнило рычание. И я вспомнил слова Джека.

«*Представляете, из зоосада пропали два тигра. Вот странно!*»

* * *

Это пронеслось в голове, уже когда я шарахнулся вбок, падая на землю и одновременно взводя курок револьвера. Огромный зверь приземлился совсем рядом, я отчетливо увидел блестящие рыже-черные бока, вздымающиеся от дыхания, и оскаленные клыки. Желтые глаза остановились на Нельсоне, загородившем мисс Эрроу и застывшем с раскинутыми руками.

Все произошло в мгновение: тигр снова прыгнул, Герберт толкнул девушку вбок, а сам отпрянул в другую сторону. Когти задели его; мисс Эрроу закричала. Нельсон упал, тут же вскочил и, охнув, схватился за плечо. Разодранная рубашка окрасилась в алый, кровь была и на скуле. Нельсон застыл, внимательно глядя на зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.